

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА»

На правах рукописи

Танцюра Виктор Сергеевич

**ОБРАЩЕНИЕ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ, НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ
И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ,
МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ
БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК (СТ. 238¹ УК РФ):
ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ
И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель

доктор юридических наук, доцент
Иванчин Артем Владимирович

Ярославль – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок: основание криминализации и регламентация уголовной ответственности в российском и зарубежном законодательстве.....	18
1.1. Основание криминализации обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок.....	18
1.2. Уголовно-правовой анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238 ¹ УК РФ.....	34
1.3. Регламентация уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок в зарубежном законодательстве.....	52
Глава 2. Использование возможностей законодательной техники при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ.....	80
2.1. Понятие, приемы и средства законодательной техники в уголовном праве.....	80
2.2. Проблемы реконструкции состава преступления, предусмотренного ст. 238 ¹ УК РФ.....	111
Глава 3. Дифференциация ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок.....	138
3.1. Дифференциация ответственности в уголовном праве: понятие, виды и средства осуществления.....	138

3.2. Межотраслевая дифференциация ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок.....	160
3.3. Дифференциация уголовной ответственности (внутриотраслевая) за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок.....	181
Заключение.....	207
Список использованных источников и литературы.....	215
Приложение.....	262

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Протекающие изменения в общественной и государственной сферах жизнедеятельности затронули важнейшую артерию жизнеобеспечения общества – потребительский рынок, который в условиях провозглашенной свободы экономической деятельности оказался наполнен многообразием услуг и товаров, далеко не всегда отвечающих требованиям безопасности здоровья, а в некоторых случаях и жизни потребителя. Негативные тенденции в потребительской сфере проявились и в фармацевтической отрасли рынка, которая в буквальном смысле слова наводнена лекарственными средствами, медицинскими изделиями, пищевыми добавками сомнительного происхождения и качества. Фальшивая и испорченная медицинская продукция представляет как непосредственную, так и опосредованную угрозу здоровью человека (а с учетом масштабов и распространения – здоровью населения) и не оказывает должного лечебного эффекта¹.

Наиболее остро проблема распространения фальсификата на российском фармацевтическом рынке проявилась в сфере обращения жизненно важных препаратов, применяемых при лечении онкологических заболеваний и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека, так как прием фальсифицированных лекарственных средств нередко приводит к фатальным последствиям для жизни и здоровья пациента.

Длительный период в российском уголовном законе отсутствовали нормы, закрепляющие ответственность за совершение преступлений в сфере обращения лекарственной, медицинской продукции и биологически активных продуктов. Имеющиеся пробелы в отечественном законодательстве, отсутствие действенной административной системы контроля, разгул коррупционных проявлений в фармацевтической сфере способствовали расширению теневого рынка

¹ См.: Рарог А.И., Бимбинов А.А. Содержание преступного обращения ненадлежащей медицинской продукции // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. № 2. С. 244.

медицинской продукции и пищевых добавок, что детерминировало рост преступности в рассматриваемой сфере. В итоге в текущем десятилетии XXI в. фармацевтический рынок в России оказался заполнен различными фальсификатами в объеме, по мнению ряда экспертов, от 30 до 60 %¹.

Объективно назрела необходимость оперативного законодательного вмешательства с целью преодоления сложившегося дефицита норм уголовно-правовой охраны в сфере обращения фармацевтической и биоактивной продукции. В Уголовный кодекс Российской Федерации² (далее – УК РФ, УК) Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ была введена норма об уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238¹ УК). Установление уголовной ответственности за обращение медицинского и пищевого фальсификата возымело большое значение как с экономической и политической позиций, так и в социальном аспекте. Значимость государственно-правового регулирования в фармацевтической сфере подкрепляется позицией Президента РФ о необходимости существенного изменения контроля качества лекарственных препаратов, который должен быть усилен не только на фармацевтических предприятиях, но и на всех этапах обращения лекарств, в том числе в аптечных сетях³.

Современная государственная стратегия в сфере сохранения здоровья нации провозглашается как одно из направлений прорывного развития Российской Федерации, так как фундаментальным фактором благосостояния и преуспевания социума выступает здоровье населения, которое представляет трудно восстанавливаемый ресурс. В соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период

¹ См.: Варданян А.В., Варданян Г.А. Обращение незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий: актуальные проблемы правоприменительной практики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 40.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 214-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.06.2023).

³ См. подробнее: Послание Президента РФ Федеральному собранию 15.01.2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 23.04.2021).

до 2030 года» в качестве первостепенного направления национальной политики продекларировано сохранение населения, здоровья и благополучия людей, что в конечном итоге предполагает прежде всего увеличение роста населения РФ, повышение ожидаемой средней продолжительности жизни до 78 лет¹.

Продуктивность государственной политики по достижению поставленных целей предопределяется поступательным развитием сферы здравоохранения в духе соблюдения законности, что, в свою очередь, гарантируется уголовно-правовыми средствами защиты. К упомянутым средствам защиты следует отнести и ст. 238¹ УК РФ, непосредственно предназначенную для защиты общественных отношений в сфере обращения фармацевтической продукции от преступных посягательств. Однако существующая модель ст. 238¹ УК не в полной мере отвечает сложившимся реалиям на российском фармацевтическом рынке в силу недостатков конструкций составов преступлений и санкций за их совершение. В данной норме не в полной мере задействован инструментарий законодательной техники, недостаточно полно и последовательно решены вопросы дифференциации уголовной ответственности.

При этом, по экспертным оценкам Всемирной организации здравоохранения ООН, мировой рынок поддельных лекарств составляет около 150 млрд долларов². По оценке независимых экспертов, нелегальный оборот лекарств в России составляет порядка 15–20 млрд руб. в год³. Приведенный показатель нелегального оборота лекарственного фальсификата объективно свидетельствует о недостаточной эффективности действующих уголовно-правовых средств по предотвращению криминальных проявлений на фармацевтическом рынке.

Статистические данные об объемах изымаемой из оборота некондиционной продукции также указывают на проблемы в рассматриваемой сфере. Так, в 2022 г.

¹ См.: Указ Президента от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://vgr.by/2022/11/08/v-voz-rasskazali-skolko-v-mire-prodaetsya-poddelnyih-lekarstv/> (дата обращения: 14.12.2022).

² См.: В ВОЗ рассказали, сколько в мире продается поддельных лекарств. URL: <https://vgr.by/2022/11/08/v-vozzrasskazali-skolko-v-mire-prodaetsya-poddelnyih-lekarstv/> (дата обращения: 15.09.2022).

³ См.: Как в России крадут лекарства. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/09/28/888804-kradut-lekarstva> (дата обращения: 13.01.2023).

органами Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (далее – Росздравнадзор) в ходе контрольно-надзорных мероприятий выведено из оборота 406 серий лекарственных препаратов, которые не соответствовали предъявляемым требованиям безопасности¹. Подразделениями Росздравнадзора совместно с правоохранительными органами в 2022 г. в целях пресечения распространения лекарственного фальсификата было проведено 318 контрольно-профилактических мероприятий, в ходе которых было изъято 8318 упаковок некондиционных лекарственных средств на общую сумму 7 826 570 руб., уничтожено 1 634 379 упаковок лекарственных средств, не отвечающих требованиям безопасности². В период с 18 сентября 2020 г. до конца 2022 г. органами Росздравнадзора были проведены мероприятия по мониторингу 62 993 интернет-ресурсов с предложениями о продаже лекарственных медикаментов. По итогам мероприятий было принято решение о блокировке 40 447 интернет-ресурсов, из них в 2022 г. был заблокирован 20 461 интернет-ресурс³.

В течение 2022 г. Росздравнадзором в рамках государственного надзора в сфере обращения медицинских изделий проведено 541 мероприятие, в результате выявлено и выведено из обращения 2 169 935 медицинских препаратов, которые не отвечают требованиям безопасности. В результате проведенных Росздравнадзором с правоохранительными органами 426 совместных мероприятий было выявлено 41 720 незарегистрированных медицинских изделий, 100 571 недоброкачественное медицинское изделие, 295 814 фальсифицированных медицинских изделий на общую сумму 534 996 112 руб.⁴

¹ См.: Информация о результатах государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств за 2022 год. URL: <https://www.roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2023/3/9/1678351638.16755-1-1657809.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).

² См.: «Об итогах работы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения в 2022 году, планах на 2023 год и плановый период». URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/spec/documents/80568> (дата обращения: 11.05.2023).

³ См.: Там же.

⁴ См.: «Об итогах работы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения в 2022 году, планах на 2023 год и плановый период». URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/spec/documents/80568> (дата обращения: 11.05.2023).

На протяжении нескольких последних лет рынок биологически активных добавок стремительно возрастает в объемах реализации. В частности, в 2022 г. было реализовано 363,9 млн упаковок биологически активных добавок на сумму 105 млрд руб., что на 19,5 % больше относительно объема реализованной продукции в 2021 г.¹ По независимым аналитическим оценкам, в России объем суррогатной продукции, реализуемой населению под видом фармацевтической продукции и пищевых добавок, достигает почти 12 %, вместе с тем объем фактически выявляемого фальсификата составляет не более 1 % от общей массы реализованной продукции².

Приведенные выше доводы свидетельствуют об актуальности вопросов совершенствования ст. 238¹ УК РФ, выполняющей охранительно-предупредительную функцию в сфере обращения фармацевтической продукции и биологически активных веществ, а также практики ее применения. Необходимо системное развитие потенциала исследуемой нормы в части совершенствования ее технико-юридического оформления и более качественной межотраслевой и отраслевой дифференциации ответственности.

Степень научной разработанности темы. Анализ юридической литературы показал, что проблемами использования инструментария законодательной техники, в том числе в уголовном правотворчестве, и вопросами дифференциации уголовной ответственности в разнообразных аспектах и в разные временные периоды занимались такие ученые, как С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, В.М. Баранов, С.Д. Бражник, Е.И. Грузинская, А.В. Иванчин, М.Н. Каплин, Т.В. Кашанина, Д.А. Керимов, В.П. Коняхин, П.В. Коробов, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов, В.Ф. Лапшин, Т.А. Лесниевски-Костарева, П.И. Люблинский, Г.И. Муромцев, К.К. Панько, Е.В.Рогова, А.Л. Санташов, О.Г. Соловьев, Ю.А. Тихомиров, А.Ф. Черданцев, А.П. Чугаев и др.

¹ См.: Фармацевтический рынок России. URL: <https://dsm.ru/docs/analytics/Декабрь%202022%20Итог.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).

² См.: Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок : метод. рекомендации / под ред. А.М. Багмета. М., 2017. С. 19.

Уголовно-правовые и криминологические стороны обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок были исследованы в работах А.А. Бимбинова, Г.А. Варданын, М.А. Гуркина, Т.П. Деревянской, А.В. Ерохиной, Е.С. Иликбаевой, В.С. Маличенко, А.И. Рарога, А.Ю. Терехова, Е.И. Третьяковой, Н.Ф. Файзарахманова, И.В. Фирсова, В.В. Фисюн и др.

В базу исследования входят также работы авторов по общим и частным уголовно-правовым вопросам, имеющим значение для изучения данной темы, в частности таких ученых, как М.В. Бавсун, Е.В. Благов, А.Г. Безверхов, Я.М. Брайнин, Л.Д. Гаухман, А.Э. Жалинский, А.Г. Кибальник, Т.В. Кленова, А.П. Козлов, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов, М.Л. Прохорова, Ю.Е. Пудовочкин, А.Н. Трайнин, А.И. Чучаев, А.В. Шульга, Б.В. Яцеленко и др.

Труды названных специалистов, безусловно, внесли значимый вклад в разрешение назревших проблем уголовно-правовой охраны отношений в сфере обращения фармацевтической продукции и пищевых биологически активных добавок. Однако вопросы конструирования составов преступлений, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, и санкций за их совершение, а также проблемы дифференциации ответственности за данные криминальные деяния до сих пор не были предметом самостоятельного диссертационного исследования. Таким образом, на сегодняшний день в уголовно-правовой теории имеется пробел в указанной части, требующий устранения.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения в сфере уголовно-правового противодействия обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок.

Предметом диссертационного исследования являются нормы российского уголовного, административного, фармацевтического законодательства, нормы

международного права и уголовного права зарубежных стран в сфере противодействия незаконному обращению лекарственной, медицинской продукции, биологически активных добавок, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, судебная практика, официальные статистические сведения, результаты социологического исследования и научные работы по теме исследования.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является комплексная разработка оптимальной нормативной и правоприменительной модели уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок в соответствии с учением о законодательной технике и теорией дифференциации ответственности.

Для достижения названной цели поставлены следующие задачи:

- 1) провести анализ социальных факторов, детерминирующих криминализацию деяний в сфере обращения фальсифицированной, недоброкачественной, незарегистрированной фармацевтической продукции и фальсифицированных биологически активных добавок;
- 2) произвести уголовно-правовой анализ признаков искомого состава преступления;
- 3) изучить законодательство отдельных зарубежных государств в контексте конструирования норм, подобных (сходных) со ст. 238¹ УК;
- 4) дать понятие и охарактеризовать компоненты законодательной техники – средства, приемы и правила законодательной техники, используемые при построении ст. 238¹ УК;
- 5) проанализировать инструментарий законодательной техники, используемый при конструировании основного и квалифицированных видов исследуемого состава преступления;
- 6) изучить понятие, основания и природу дифференциации ответственности; охарактеризовать виды, пределы, средства и правила дифференциации уголовной ответственности применительно к составам преступлений в ст. 238¹ УК;

7) определить критерии межотраслевой дифференциации ответственности за преступления, предусмотренные ст. 238¹ УК, и сходные с ними правонарушения;

8) оценить эффективность средств дифференциации ответственности, использованных при регламентации квалифицирующих признаков исследуемого состава преступления;

9) проанализировать статистические, социологические сведения, следственно-судебную практику, научные работы в исследуемой области;

10) разработать и аргументировать предложения по совершенствованию ст. 238¹ УК и практики ее применения.

Методологическая основа диссертационного исследования. В качестве базового автором использовался диалектический метод познания, наряду с которым применялись общие и специальные научные методы: формально-логический (основами которого выступили положения формальной логики: методы индукции и дедукции, анализа и синтеза), системно-структурный, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, статистический, конкретно-социологические методы.

Теоретическая основа диссертационного исследования представлена трудами ученых, названных при описании степени разработанности темы.

В качестве **нормативной основы диссертации** использованы Конституция РФ, российское и зарубежное уголовное законодательство, административное, фармацевтическое, международное законодательство и иное российское отраслевое законодательство.

Эмпирическая база диссертационного исследования включает материалы более 240 уголовных дел о рассматриваемых преступлениях за период 2015–2022 гг.; более 170 решений судов по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ за период 2015–2022 гг.; постановления Пленума Верховного Суда РФ; статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Следственного Комитета РФ, Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения; открытые статистические сведения,

размещенные в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях. Помимо этого, в рамках подготовленной анкеты проведено интервьюирование 183 работников правоохранительных органов и судов из 7 субъектов РФ. При разработке по результатам исследования научно-практических рекомендаций использован личный опыт служебной деятельности в подразделениях экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел РФ и учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России в период с 2002 г. по 2020 г.

Научная новизна диссертационного исследования определяется прежде всего целью исследования, избранным подходом к ее достижению и основными выводами, содержащимися в работе. В предлагаемой работе проведено диссертационное исследование вопросов уголовно-правового противодействия обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок с позиции теории дифференциации ответственности и учения о законодательной технике. На основании проведенного исследования разработана нормативная и правоприменительная модель уголовной ответственности за совершение данного преступления.

Свое предметное выражение научная новизна диссертационного исследования нашла отражение в **основных положениях, выносимых на защиту**:

1. Анализ содержания терминов «обращение» и «оборот», включенных в содержание заголовка к ст. 238¹ УК, и их сопоставление с указанными в диспозиции статьи деяниями приводят к выводу о необходимости унификации терминологии путем исключения из заголовка термина «оборот». Название статьи в итоге трансформируется в следующее: «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок».

2. Оптимальная нормативная модель уголовной ответственности за рассматриваемое преступление, по мнению автора, предполагает выделение в

ст. 238¹ УК четырех частей с закреплением в них признаков основного (ч. 1) и квалифицированных (ч. 2–4) составов преступлений. Такое построение нормы позволяет максимально полно и последовательно дифференцировать ответственность за рассматриваемое преступление. При градации ответственности в ст. 238¹ УК резонно использовать «блоковый» принцип изложения квалифицирующих признаков (по «вертикали» и «горизонтали»).

3. На основе изучения материалов следственно-судебной практики, зарубежного законодательства и рекомендаций Конвенции «Медикрим», опираясь на учение о законодательной технике, предлагается реконструировать основной состав преступления в ст. 238¹ УК путем включения в его объективную сторону (в дополнение к производству, ввозу и сбыту) альтернативных противоправных действий – приобретения, хранения, изготовления, перевозки, пересылки и ввоза с целью сбыта соответствующих предметов. Каждое из «новых» деяний распространено в практике и сопоставимо по уровню общественной опасности с деяниями, указанными в действующей редакции ст. 238¹ УК РФ.

4. В основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 238¹ УК, с учетом положительного зарубежного опыта, учения о конструировании состава преступления и теории криминализации целесообразно ввести признак административной преюдиции как альтернативное условие уголовной ответственности. Указанный признак предлагается обозначить термином «неоднократно», расшифровав его в примечании к ст. 238¹ УК следующим образом: «Для целей настоящей статьи под неоднократностью понимается совершение предусмотренного ею деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за правонарушение, предусмотренное статьей 6.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

5. В целях углубления и упорядочения уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 238¹ УК, предлагается использовать «вертикальные связки» квалифицирующих признаков. В частности, на основе учения о конструировании состава преступления с учетом иностранного опыта и практики применения ст. 238¹ УК сделан вывод о необходимости трехуровневой

градации ответственности по критерию размера совершенного деяния: значительный размер в сумме, превышающей 100 тыс. руб., – ч. 1 статьи; крупный размер в сумме, превышающей 1,5 млн руб., – ч. 3 статьи; особо крупный размер в сумме, превышающей 6 млн руб., – ч. 4 статьи. Предлагаемые значения размеров совершенных деяний следует закрепить в примечании к ст. 238¹ УК.

6. Поскольку изучение следственно-судебной практики и статистических данных указывает на высокий уровень рецидива при совершении преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, который свидетельствует о существенном возрастании степени общественной опасности содеянного, постольку адекватным ответом законодателя видится усиление ответственности посредством введения в п. «г» ч. 3 ст. 238¹ УК признака специального рецидива в качестве квалифицирующего (совершение преступления лицом, имеющим судимость за совершение аналогичных преступлений). В качестве аналогичных преступлений в примечаниях к ст. 238¹ УК предлагается указать преступления, предусмотренные ст. 235, 235¹, 238, 238¹, 327² УК.

7. Совершение рассматриваемого преступления организованной группой по характеру и степени общественной опасности существенно отличается от его совершения группой лиц по предварительному сговору, что необходимо учитывать при дифференциации ответственности (как это сделано во многих иных нормах УК РФ). Для этого необходимо квалифицирующий признак совершения преступления организованной группой обособить от признака совершения преступления группой лиц по предварительному сговору путем его перемещения в ч. 4 ст. 238¹ УК. В равной мере, ввиду зримых различий в уровне общественной опасности, назрела необходимость последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью и в виде причинения смерти закрепить в разных частях ст. 238¹ УК (соответственно, в ч. 2 и 3).

8. Рекомендации Конвенции «Медикрим», нормы уголовного законодательства зарубежных стран (Аргентины, Китая, Турции и др.), сложившаяся судебная практика объективно указывают на необходимость

введения в ч. 2 ст. 238¹ УК нового квалифицирующего признака – совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения.

9. Помимо модернизации диспозиции статьи, требуется количественно-качественная корректировка санкций соответствующих частей ст. 238¹ УК, направленная на обеспечение оптимального баланса между индивидуализацией и дифференциацией уголовной ответственности. В частности, с учетом данных о судебной пенализации (фактической наказуемости) исследуемого вида преступлений и его разновидностей, принимая во внимание результаты экспертного опроса и требования законодательной техники, предъявляемые к конструированию санкций, предложено скорректировать минимальные и максимальные границы наказания в виде лишения свободы в ст. 238¹ УК.

10. В целях осуществления правильного и единообразного применения законодательства в процессе расследования и судебного рассмотрения дел о преступлениях в сфере обращения фармацевтической продукции, биологически активных добавок предлагается внести поправки в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ». В частности, необходимо дать разъяснения по вопросам толкования ст. 238¹ УК, раскрыв среди прочих понятия изготовления, приобретения, сбыта, изготовления, хранения, перевозки, ввоза, пересылки соответствующих предметов, а также по вопросам привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление с использованием своего служебного положения.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость выводов и предложений проведенного исследования состоит в возможности их использования при проведении научных исследований в области уголовного права. Практическая значимость исследования состоит в том, что содержащиеся в работе выводы и предложения могут быть использованы: а) для совершенствования уголовного закона и постановлений Пленума Верховного Суда РФ; б) в правоприменительной

деятельности; в) при проведении занятий в вузах по дисциплинам криминального цикла.

Степень достоверности диссертационного исследования определяется использованием обширного количества источников отечественного и зарубежного законодательства, монографическими и иными научными трудами доктринального и практического характера, материалами правоприменительной практики, официальными статистическими сведениями, результатами интервьюирования работников правоприменительных органов.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и рекомендована к защите на кафедре уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, на которой проводилось ее обсуждение. Положения диссертации нашли отражение в 16 публикациях по теме исследования, 5 из которых размещены в изданиях из перечня, рекомендованного ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ (общим объемом более 5 авторских листов).

Выводы и рекомендации, сформулированные автором в исследовании, освещались и обсуждались на 11 международных, всероссийских и региональных научных, научно-практических конференциях, круглых столах и семинарах в 2018–2023 гг., прошедших в Барнауле, Вологде, Минске, Москве, Рязани и Ярославле.

Материалы диссертационного исследования в настоящее время используются в учебном процессе при преподавании дисциплин «Уголовное право», «Криминология», «Научные основы квалификации преступлений» в Вологодском институте права и экономики ФСИН России, ранее использовались при преподавании дисциплин «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по раскрытию преступлений в сфере экономики», «Профессиональная деятельность сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействию коррупции» в Нижегородской академии МВД России, при преподавании дисциплины «Уголовное право» в рамках

педагогической практики на юридическом факультете Ярославского государственного университета им П.Г. Демидова.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка используемых источников и литературы, приложения.

Глава 1. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок: основание криминализации и регламентация уголовной ответственности в российском и зарубежном законодательстве

1.1. Основание криминализации обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок

Конституция Российской Федерации в ст. 41 закрепляет право человека на охрану здоровья и медицинскую помощь¹. В целях обеспечения данного социального права государство через уполномоченные органы и должностных лиц реализует государственно-властные веления посредством проведения мероприятий политического, правового, социально-экономического, гуманитарного характера для увеличения продолжительности жизни человека, повышения качества жизнедеятельности, профилактики заболеваний, укрепления физического и психологического здоровья населения, обеспечения доступности бесплатных медицинских услуг.

В текущем десятилетии в современном мировом пространстве особую актуальность приобрела проблема обращения фальсифицированной некачественной фармацевтической продукции. Сегодня в структуре мировой теневой экономики, экономических систем отдельных государств значительную долю занимает рынок медицинского фальсификата, что создает как реальную опасность для жизни и здоровья населения человечества, так и угрозу деструктуризации национальных экономик большинства государств.

¹ См.: «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.11.2020)

Общественно опасные последствия наступают в форме причинения непоправимого вреда здоровью потребителя фальсифицированной медицинской продукции и выражаются в причинении различной тяжести вреда здоровью, что влечет острый социальный резонанс и подрывает доверие населения к системе здравоохранения.

Ни одно государство в мире не имеет абсолютно эффективных организационно-правовых форм охраны жизни и здоровья населения, защиты интересов субъектов бизнеса от преступных посягательств в сфере обращения фармацевтической продукции¹. Исходя из сложившихся социальных реалий с целью пресечения криминального обращения медицинского фальсификата усиливается деятельность общественных структур, фармацевтических предприятий, органов государственной власти как в рамках отдельных государств, так и на межнациональном уровне².

Упомянутая проблематика актуальна и для российского общества, подвергшегося за последние три десятилетия ряду социально-политических реформ, вследствие чего снизились реальные доходы населения, произошел рост цен на потребительском рынке, снизился контроль со стороны органов власти в отношении экономических процессов на фармацевтическом рынке, чему способствовало разрешение продаж лекарственных препаратов через сеть Интернет. Расширению теневого фармацевтического бизнеса в России способствовало длительное отсутствие в российском уголовном законодательстве эффективных правовых инструментов по противодействию преступности в области обращения фармацевтической продукции, неэффективность действующих административных регуляторов, коррупционный произвол в публичных институтах власти, что способствовало росту преступности в фармацевтической сфере.

¹ См.: Аксенова-Сорохтей Ю.Н. и др. Фармацевтические и юридические аспекты фальсификации лекарственных средств // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2016. Т. 15, № 2. С. 102.

² См.: Терехов А.Ю. Международно-правовые средства предотвращения оборота фальсифицированных лекарственных препаратов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13.

В настоящее время проблема увеличения уровня распространения фальсификата на фармацевтическом рынке приобрела особенно острый характер, особенно с учетом экспансии в мировом сообществе пандемии COVID-19 – коронавирусной инфекции¹. В условиях распространения коронавирусной пандемии со стороны широких слоев населения возрастает спрос на фармацевтическую продукцию, выступающую в качестве средства лечения сопутствующих симптомов COVID-19, а также в отношении биологически активных добавок, принимаемых потребителями для профилактики COVID-19.

Изложенные факторы способствуют расширению рынка фальсифицированных лекарственных препаратов, который по охвату можно соотнести с теневыми рыночными отношениями в сфере оборота оружия и наркотиков, но, в отличие от приобретателей оружия, наркотических средств, потребителем недоброкачественного лекарства может стать любой человек, вне зависимости от социального и материального положения².

Сложившаяся ситуация на фармацевтическом рынке создает как прямую, так и опосредованную угрозу причинения вреда здоровью как отдельному гражданину и пациенту, так и населению в целом. Некачественные медицинские препараты не отвечают предъявляемым требованиям, не оказывают ожидаемого терапевтического действия, вследствие чего могут привести к ухудшению здоровья потребителя, в том числе повлечь роковые последствия, что наиболее остро обстоит при использовании жизненно необходимых лекарств при лечении онкологических и массовых инфекционных заболеваний. «Переступить» через данную проблему нельзя, так как обращение на фармацевтическом рынке недоброкачественной продукции причиняет существенный урон правам и интересам как граждан, которые приобретают медицинский фальсификат, так и государству, в казну которого не поступают соответствующие налоговые отчисления, при этом подрываются контрольно-надзорные функции в отношении

¹ См.: Баклаушев В.П., Кулемзин С.В., Горчаков А.А. и др. COVID-19. Этиология, патогенез, диагностика и лечение // Клиническая практика. 2020. Т. 11, № 1. С. 7.

² См.: Максимов С.В., Васильев А.Ю., Крылов А.А. и др. Фальсификация лекарственных средств в России / науч. ред. С.В. Максимов. М., 2008. С. 5.

фармацевтической торговой сети. В результате распространения медицинского фальсификата экономические убытки несет и бизнес, который на законных основаниях осуществляет реализацию медицинских препаратов и не выдерживает конкуренции в сфере ценообразования с продавцами фальсификата, так как высококачественный фармацевтический продукт априори дороже подделки.

В данном случае экономический и человеческий факторы являются ключевыми критериями, определяющими повышенную общественную опасность преступного обращения фармацевтической продукции, что в целом и предопределяет криминологическую обоснованность уголовно-правовой охраны общественных отношений в связи с обращением фармацевтических товаров и биологически активных продуктов. Исходя из вышеизложенного, следует рассмотреть факторы, обуславливающие основания криминализации правонарушений в сфере обращения лекарственных, медицинских препаратов и биоактивных добавок.

В доктрине уголовного права криминализация представляет собой сложное многогранное правовое явление, характеризующееся множеством методологических подходов к характеристике данной категории. Криминализация является основным способом уголовной политики, посредством которой уголовный закон постоянно видоизменяется с целью соответствия изменяющимся социальным процессам в обществе, интересам самого общества¹.

Анализ научной литературы дает право утверждать о существующем многообразии и неоднозначности мнений о сущности криминализации, при характеристике различных факторов криминализации, будь то основание, цели, условия, принципы, критерии или требования криминализации.

Так, Г.А. Злобин и С.Г. Келина рассматривают криминализацию деяния как процесс отнесения его законодворцем к числу уголовно наказуемых, то есть

¹ См.: Чилингаров К.В. Основания и принципы криминализации преступлений против общественной нравственности // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 200.

легальное определение того или иного рода действий (бездействия) в качестве преступления¹.

С точки зрения А.В. Наумова, криминализация представляет законодательную форму признания отдельных деяний как преступных и наказуемых, а именно введение уголовной ответственности за их совершение².

Н.А. Лопашенко рассматривает криминализацию как процесс объективизации каких-либо антиобщественных проступков в качестве преступных с одновременным закреплением мер уголовного принуждения за их совершение³.

Н.В. Радошнова утверждает, что криминализация представляет процедуру возведения деяния в ранг общественно опасного либо решение о расширении границ общественной опасности уже криминализованного деяния, а результатом этого видит включение в Особенную часть Уголовного кодекса нового состава преступления или внесение изменений, связанных с расширением основания уголовной ответственности, в действующий состав преступления⁴.

С позиции А.И. Коробеева, криминализация является процессом определения социально опасных видов поведения индивидуумов с одновременным законодательным закреплением их в формате преступных и наказуемых, что объективно обусловлено социальной потребностью и целесообразностью борьбы с преступностью уголовно-правовыми средствами⁵.

Таким образом, на основании перечисленных точек зрения криминализацию возможно рассматривать как процедуру установления и признания отдельных форм поведения индивидуумов как общественно опасных, введения уголовной ответственности в форме закрепления в уголовном законе круга деяний как

¹ См.: Злобин Г.А., Келина С.Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 104.

² См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 2007. Т. 1. С. 281–282.

³ См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика: понятие, содержание, методы и формы реализации // Уголовное право в XXI веке : материалы междунард. науч. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова / [редкол.: Комиссаров В. С. и др.]. М., 2002. С. 179–180.

⁴ См.: Радошнова Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 13.

⁵ См.: Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. / науч. ред. А. И. Коробеев. Владивосток, 1999. Т. 1: Преступление. С. 82.

преступных и наказуемых. Сущность криминализации состоит в выявлении оснований для установления уголовной ответственности за противоправные деяния посредством принятых на основании данного заключения законов. Итогом криминализации выступают уголовно-правовые нормы, закрепляющие перечень преступлений и наказаний за их совершение, а также основания и условия привлечения виновных к уголовной ответственности¹.

Процесс криминализация состоит из ряда стадий, которые в целом аналогичны этапам законотворческой процедуры, через которые проходит норма права в ходе законотворчества: мониторинг общественных отношений на предмет реального наличия асоциальных феноменов, для нейтрализации которых следует использовать уголовно-правовые инструменты; оценка их экономической, социальной, психологической, политической и криминологической детерминированности; и др.)².

Процесс установления и признания отдельных актов поведения в качестве общественно опасных составляет основание криминализации. В уголовно-правовой доктрине к основанию криминализации следует отнести объективно сложившуюся в обществе необходимость во введении новой нормы уголовного закона или совокупности норм³. Фактически социальная обоснованность установления уголовно-правового запрета, выраженная в форме реального продукта развития отношений в обществе, является основанием, первичным началом криминализации. К фундаментальным основам криминализации следует отнести объективные факторы, такие как общественная вредоносность деяния, субъективные обстоятельства в форме государственно-властных установок, вместе с тем на процесс криминализации влияют нормы морали, общественное мнение, социальные стереотипы и предубеждения⁴.

¹ См.: Радошнова Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 36.

² См.: Юрков С.А. Социальные предпосылки криминализации нарушений авторских и смежных прав: теоретический аспект // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 1. С. 22.

³ См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 100.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 46.

А.И. Коробеев в качестве оснований криминализации рассматривает совокупность политических, социально-экономических, правовых, психолого-социальных и криминологических факторов¹, Г.А. Злобин – объективную общественную потребность в уголовно-правовой охране тех или иных благ, а также как систему правил и критериев установления уголовной ответственности².

И.И. Карпец в качестве первоочередного основания криминализации указывает общественную опасность деяния³, а А.В. Шеслер отмечает, что главным образом возможна криминализация только такого деяния, которое является общественно опасным⁴.

В действительности реальность общественно опасного проступка объективно обуславливает существование уголовно-правового запрета, что и определяет основание криминализации⁵. Н.А. Лопашенко в качестве определяющей субстанции в структуре основания криминализации деяния, ее основного системообразующего компонента указывает общественную опасность⁶.

По мнению Н.А. Лопашенко, к детерминантам криминализации следует отнести следующие: зарождение новых форм общественно опасной деятельности людей; неблагоприятную тенденцию увеличения отдельных видов общественно опасного поведения в обществе, которые ранее были регламентированы административным законодательством либо не признавались в качестве правонарушений вообще; насущную потребность в усилении уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод личности; ошибки законодателя в части декриминализации преступных деяний⁷.

¹ См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 69.

² См.: Злобин Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 75–76.

³ См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 91.

⁴ См.: Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 137.

⁵ См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 102.

⁶ См.: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 285.

⁷ См.: Российское уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. : в 3 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. Т. 1: Общая часть. С. 51.

Безусловно, вышеперечисленные детерминанты криминализации подчеркивают комплексный характер категории «общественная опасность», являющейся стержнем основания криминализации, определяющей вредоносность деяния для общества. Общественная опасность является сущностным признаком преступления, раскрывает социальную природу данного правового феномена и определяется с точки зрения сложившихся в обществе стабильных социальных ценностей, автономно от воли законодателя.

По мнению А.В. Шеслера, существенные признаки общественной опасности преступления выражаются через его вредоносность, то есть через способность преступления порождать негативные для общества последствия, а также через наличие у преступления свойств социальной практики – возможности повторения подобных ему деяний в будущем¹. Аналогичным образом П.А. Фефелов характеризует общественную опасность как опасность для существующей в обществе системы общественных отношений, определяемую тем ущербом, вредом, который причиняется или может быть причинен общественным отношениям². В то же время в качестве ключевого признака преступления общественная опасность выступает только после его легального закрепления³.

По мнению А.Э. Жалинского одним из главных критериев оценки общественной опасности деяния выступает причинение и вероятность причинения поведенческим актом не поддающегося полному возмещению существенного вреда основополагающим конституционным ценностям, правовым благам⁴.

Общественная опасность деяния включает в себя общность значимых свойств акта поведения, определяющих его суть, обуславливающих необходимость закрепления законодателем запрета в уголовном законе и

¹ См.: Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности : учеб. пособие. Тюмень, 2005. С. 10–11.

² См.: Фефелов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 101.

³ См.: Рагулина А.В. Общественная опасность как признак деяния и как признак преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Международ. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 172.

⁴ См.: Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6 Международ. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 48–52.

разграничивающих преступление от сходных правонарушений. Общественная опасность деяния представляет собой неотделимую характеристику отдельного противоправного акта поведения, представляющего совокупность сознательно-волевых деяний, влекущих негативное изменение охраняемых общественных отношений. Собственно, общественно опасный поступок является одним из оснований конструирования норм Особенной части УК РФ¹.

Основываясь на вышеизложенных подходах к характеристике основания криминализации, следует сформулировать свое мнение о данной категории. Мы считаем, что основанием криминализации является совокупность объективных антиобщественных вредоносных свойств деяния, характеризуемого как общественно опасное, посягающее на значимые общественные отношения, в отношении которого порождается объективная необходимость и социальная потребность установления уголовно-правового запрета, что объективно соответствует сложившимся реалиям в социуме. Общественная вредоносность деяния обуславливается совокупностью социально-экономических, правовых, исторических, социально-психологических факторов, которые являются детерминирующими субстанциями по отношению к процессу криминализации.

В качестве предпосылок криминализации общественных отношений на фармацевтическом рынке в постсоветский период развития российской государственности на фоне изменений социально-экономических устоев государства и общества следует выделить обширную девальвацию моральных установок, значительное падение духовно-нравственного потенциала общества, бесконтрольное расширение свободы экономической деятельности, массовый правовой нигилизм в сознании широких слоев населения, резкое понижение общечеловеческих ценностей, обнищание народа, рост безработицы, отмену смертной казни вкупе со снижением порога уголовной ответственности, низкую эффективность правоохранительной системы одновременно с нередкими проявлениями беззакония со стороны властных структур. Всеобщая коммерциализация общественных отношений способствовала формированию в

¹ См.: Мальцев В.В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995. С. 76.

обществе устойчивого психологического портрета «современного» члена общества, пренебрегающего нормами морали, социальными ценностями, формирующего свое благополучие всевозможными аморальными, а то и криминальными способами в теневой сфере с целью получения максимальной материальной выгоды.

Происходящие общественно-государственные процессы объективно способствовали появлению новых видов преступности в финансово-кредитной, внешнеэкономической, хозяйственной, топливно-энергетической сферах, в экологической сфере, в области добычи и переработки полезных ископаемых, нефтяной отрасли, автомобильном и туристическом бизнесе, в области высоких технологий, в сфере потребительского рынка и т. д., то есть «инновационный» криминал пронизал практически все ячейки функционирования общества¹.

В рассматриваемый этап развития российской социально-экономической формации потребительский рынок России аналогично подвергся перенасыщению контрафактными и недоброкачественными товарами широкого потребления, в частности, это коснулось пищевой продукции, в большей степени алкогольных напитков, бытовой техники, средств гигиены, парфюмерии, косметики, одежды и т. д.

Безусловно, указанные негативные тенденции кардинальным образом повлияли на качественное и количественное видоизменение состояния жизненно важной артерии потребительского рынка, обеспечивающей жизнь и здоровье нации, – фармацевтического рынка России, а также большинства государств бывшего СССР. Главным образом фармацевтические рынки государств постсоветского пространства в условиях демонополизации государственного сектора экономики, роста негосударственного производственного сектора, развития «освобожденных» экономических отношений были в массовом порядке наводнены лекарственными и медицинскими изделиями сомнительного качества.

В мировом масштабе проблема распространения медицинского фальсификата вызывает особую тревогу, так как годовой объем мирового

¹ См.: Романенко В.М. Криминализация общественных отношений социума России // Философия и общество. 2001. № 3 (24). С. 146.

фармацевтического рынка по независимым экспертным оценкам составляет 900 млрд долларов¹. По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения ООН, доля фальсифицированной продукции составляет от 4 до 7% мирового фармацевтического рынка². В развивающихся странах, в государствах с неустойчивой государственностью и, как следствие, со слабой административно-хозяйственной системой каждый десятый лекарственный препарат является поддельным³, а в общей массе доля лекарственных подделок на рынке фармацевтической продукции может достигать катастрофического уровня – до 50%⁴.

По уровню прибыльности криминальный фармацевтический рынок в мировом масштабе находится на третьем месте после преступного бизнеса на рынке оружия и наркоторговли⁵. На протяжении многих веков подделка лекарств выступала одной из форм высокодоходного криминального бизнеса. Данное обстоятельство является побуждающим фактором в погоне за сверхприбылью для нечистых на руку участников фармацевтического рынка.

По мнению большинства аналитиков, в настоящий период XXI в. уровень насыщения российского фармацевтического рынка фальсификатом составил от 30 до 60%⁶. Это свидетельствует о необходимости усиления борьбы с распространением фармацевтического суррогата как на государственном уровне, так и в рамках международного сотрудничества, что заложено в Конвенции «Медикрим»⁷. В соответствии с положениями Конвенции в структуру национального уголовного законодательства рекомендовано включать нормы, предусматривающие ответственность за обращение фармацевтического

¹ См.: Фармацевтический мировой рынок. URL: <https://zdrav.expert/index.php> (дата обращения: 14.09.2021).

² См.: Контрафакт или жизнь. URL: <https://expert.ru/2020/11/30/kontrafakt-ili-zhizn/> (дата обращения: 16.09.2021).

³ См.: Лекарства и мошенники. URL: <https://csobgo.ru/lekarstva-i-moshenniki/> (дата обращения: 17.03.2023).

⁴ См.: Проблема фальсифицированных и субстандартных лекарственных средств в мире и в Казахстане. URL: <https://articlekz.com/article/26822> (дата обращения: 18.03.2023).

⁵ См.: Фальсификация лекарственных средств. URL: https://revolution.allbest.ru/medicine/01019646_0.html (дата обращения: 18.03.2023).

⁶ См.: Варданян А.В., Варданян Г.А. Обращение незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий: актуальные проблемы правоприменительной практики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 41.

⁷ См.: Пособие для парламентариев. Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «МЕДИКРИМ», СДСЕ № 211). URL: <https://rm.coe.int/16806a9676> (дата обращения: 30.01.2022).

фальсификата, что вытекает из принципа добросовестного исполнения обязательств международных договоров. При установлении государствами уголовно-правовых запретов в силу конвенционных соглашений общественная опасность данных деяний признается априорно, преступный характер установленных запретов носит транснациональный характер вследствие того, что преступному вредоносному воздействию подвергаются интересы государств, в рамках территориальной юрисдикции которых совершается обращение фармацевтического фальсификата¹.

В настоящее время ежегодно на протяжении более 15 лет проводится организованная Генеральным секретариатом Интерпола международная спецоперация «Пангея», направленная на пресечение реализации некондиционной медицинской и лекарственной продукции, в том числе через сеть Интернет. Так, в марте 2020 г. в результате проведения спецоперации «Пангея», в которой приняли участие таможенные и полицейские подразделения 90 государств, выявлено более 2 тыс. интернет-сайтов, через которые осуществлялась реализация медицинского фальсификата, была изъята фармацевтическая продукция, в том числе противовирусные препараты и защитные медицинские маски на сумму 14 млн долларов². В мае 2021 г. в рамках проведения международной операции «Пангея» сотрудниками подразделений Управления ООН по наркотикам, Всемирной таможенной организации и Интерпола было проведено около 17 тыс. оперативно-профилактических мероприятий, в ходе которых было выявлено более 1,5 тыс. правонарушений в сфере обращения фармацевтических препаратов, произведено изъятие контрафактной потенциально опасной фармацевтической продукции на сумму 23 млн долларов, было закрыто 113 тыс. веб-сайтов, через которые осуществлялась реализация некачественной фармацевтической продукции³.

¹ См.: Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 32, 158.

² См.: Спецоперацию против торговцев контрафактными масками провели по всему миру. URL: <https://vz.ru/news/2020/9/25/1062190.html/> (дата обращения: 15.09.2021).

³ См.: Операцию «ПангеяXIV» нацелили на интернет-торговлю. URL: <https://www.apteka.ua/article/598134/> (дата обращения: 21.09.2021).

В силу вышеуказанных обстоятельств следует, что на данный момент актуальным вопросом выступает охрана жизни и здоровья мирового сообщества, обеспечение доступа к добротным, безопасным лекарственным препаратам, что является гарантом обеспечения безопасности личности в мировом масштабе и на национальном уровне¹.

Сложившаяся криминогенная обстановка в большинстве сфер государственно-общественной жизнедеятельности объективно породила необходимость незамедлительного применения действенных мер реагирования государственно-правового, а в большинстве случаев уголовно-правового характера во вновь возникших и стремительно развивающихся сферах, в условиях новых экономических реалий, общественно опасных видах хозяйственной деятельности, в том числе в сфере здравоохранения, выступающей гарантом обеспечения фармацевтической безопасности личности, общества, государства в России. Наибольшую острую обеспокоенность в обществе вызывают многочисленные факты поставок в аптечные организации, лечебно-профилактические учреждения, в том числе педиатрического профиля, лекарственных и медицинских фальсификатов, недоброкачественных пищевых добавок, используемых при профилактике и лечении хронических, онкологических заболеваний, заболеваний, вызываемых вирусом иммунодефицита человека.

Следует обратить внимание, что ранее действовавший УК РСФСР 1964 г., а также принятый в 1996 г. УК РФ не содержали конкретных норм об ответственности за обращение лекарственного и медицинского фальсификата, равно как фальсифицированных биологически активных добавок. Сложившаяся обстановка на фоне разрастающегося рынка фармацевтической и медицинской продукции обернулась правовым вакуумом в части отсутствия специальных инструментов уголовно-правовой борьбы в искомой сфере.

¹ См.: Иликбаева Е.С. Международно-правовое противодействие незаконному производству лекарственных средств и обороту фальсифицированных лекарственных препаратов, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и обороту фальсифицированных биологически активных добавок // Sciences of Europe. 2017. № 14-3 (14). С. 68.

В рассматриваемый период развития новой социально-экономической формации сформировавшиеся отношения потребовали соответствующих мер реагирования со стороны правоохранительных органов.

И действительно, на протяжении длительного периода сформировалась следственно-судебная практика по квалификации преступных деяний в теневой сфере фармацевтического рынка в части привлечения к уголовной ответственности за следующие деяния: незаконное предпринимательство; мошенничество; незаконное использование средств индивидуализации товаров; производство, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности; злоупотребление полномочиями и др.¹

Безусловно, действующие на тот момент уголовно-правовые нормы в полной мере не отвечали объективным реалиям на рынке фармацевтической продукции. Рост преступлений на фармацевтическом рынке, высокая степень общественной вредности преступлений данной категории предопределили необходимость экстренного введения законодательством специальной нормы УК, устанавливающей уголовную ответственность за обращение фармацевтического и медицинского фальсификата, недоброкачественных пищевых добавок.

В целях противодействия преступности на рынке фармацевтической продукции, на основе рекомендаций Конвенции «Медикрим» была введена ст. 238¹ УК, установившая впервые в истории отечественного уголовного права ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок. Наряду с этим была проведена криминализация деяний по незаконному производству лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235¹ УК), деяний по подделке документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий (ст. 327² УК).

¹ См.: Варданян Г.А. Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистического научного анализа // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 251.

Данные обстоятельства подчеркивают интегративный характер введенных уголовно-правовых запретов, которые с составами преступлений, предусмотренными ст. 235 и 238 УК РФ, по мнению ряда ученых, образуют нормативную основу новой обособленной отрасли уголовного права – фармацевтического уголовного права, то есть совокупности уголовно-правовых норм, обеспечивающих фармацевтическую безопасность в Российской Федерации¹.

Криминализация правонарушений в сфере обращения фармацевтической и биологически активной продукции обусловлена не только рекомендациями Конвенции «Медикрим», но прежде всего детерминирована высокой степенью общественной опасности данного вредоносного явления в российском социуме.

В частности, с момента введения в действие ст. 238¹ УК РФ в период с 2015 по 2018 г. было возбуждено 287 уголовных дел²; в 2019 г. возбуждено 163 уголовных дела, осуждено 30 человек, в отношении 16 назначен судебный штраф; в 2020 г. возбуждено 126 уголовных дел, осуждено 17 человек, в отношении 27 назначен судебный штраф; в 2021 г. возбуждено 77 уголовных дел, осуждено 26 человек, в отношении 11 назначен судебный штраф; в 2022 г. возбуждено 48 уголовных дел, осуждено 13 человек, в отношении 11 назначен судебный штраф³.

В 2021 г. в рамках проведения операции «Пангея» было возбуждено 85 уголовных дел по фактам преступного обращения фармацевтической продукции, задержано 72 лица, подозреваемых в совершении преступлений⁴. В 2022 г. в результате проведения оперативно-профилактических мероприятий в рамках операции «Пангея» было возбуждено 255 уголовных дел, связанных с фактами криминального обращения лекарственных, медицинских препаратов и

¹ См.: Фармацевтическое уголовное право России : моногр. / отв. ред. А.И. Парог. М., 2021. С. 36.

² См.: Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за незаконное производство и обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок: вопросы законодательной техники и правоприменения // *Ius publicum et privatum*. 2021. № 2 (12). С. 98.

³ См.: Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 14.03.2023).

⁴ См.: Российские полицейские приняли участие в международной операции Интерпола «Пангея». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6139b1519a7947c71ae425b6/> (дата обращения: 26.12.2021).

биологически активных добавок, задержано 86 человек¹. В ходе операции пресечена преступная деятельность членов организованной группы, которые организовали сбыт фальсифицированных биологически активных добавок-супрессоров. В результате проведенных мероприятий был установлен индивидуальный предприниматель, организовавший производство и сбыт в медицинские учреждения фальсифицированных медицинских изделий – стоматологических протезов².

Российской общественной организацией «Общественная потребительская инициатива» в 2021 г. было направлено обращение в правоохранительные органы России по факту обнаружения на онлайн-площадках «AliExpress», «СберМегаМаркет», «СберАптека» и «ЯндексМаркет» 90 продавцов биологически активных добавок, содержащих психотропные, наркотические, сильнодействующие или ядовитые вещества³.

Приведенные выше статистические данные объективно не соответствуют реальному объему фармацевтического фальсификата на отечественном рынке и указывают на высокую степень латентности преступности в сфере обращения лекарственных, медицинских препаратов, биологически активных добавок. Данное обстоятельство обуславливает необходимость усиления организационно-правовых форм деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов по противодействию распространения фармацевтического фальсификата в совокупности с совершенствованием соответствующих средств уголовно-правовой охраны отношений на фармацевтическом рынке России.

Исходя из вышеизложенного в настоящем параграфе исследования следует, что криминализация отображает процесс определения социально опасных видов поведения индивидуумов с одновременным законодательным закреплением их в формате преступных и наказуемых, что объективно обусловлено социальной

¹ См.: Российские полицейские приняли участие в очередном этапе международной полицейской операции Интерпола «Пангея». URL: [https://mvdmedia.ru/news/official/irina-volk-rossiyskie-politseyskie-prinyali-uchastie-v-ocherednom-etape-mezhdunarodnoy-politseyskoj/-/](https://mvdmedia.ru/news/official/irina-volk-rossiyskie-politseyskie-prinyali-uchastie-v-ocherednom-etape-mezhdunarodnoy-politseyskoj/) (дата обращения: 08.01.2023).

² См.: Российские полицейские приняли участие в международной полицейской операции Пангея. 21.7.2022. URL: <https://medikafarm.ru/novosti/novosti2022-38.php> (дата обращения: 19.02.2023).

³ См.: Подмешивают яды: чем рискуют покупатели, заказывая БАД за рубежом. URL: <https://ria.ru/20211005/dobavka-1753049831.htm/> (дата обращения: 26.12.2021).

потребностью и целесообразностью борьбы с преступностью уголовно-правовыми средствами.

В качестве основания криминализации следует выделить комплексную категорию – общественная опасность деяния, которая является неотъемлемым признаком преступления, выступает ключевой субстанцией в формировании правовой категории криминализации, что в полной мере отражает сущность процесса криминализации в контексте реализуемой государством уголовной политики.

Основание криминализации представляет собой совокупность объективных антиобщественных вредоносных свойств деяния, характеризуемого как общественно опасное. Социально опасное деяние посягает на общественные отношения первостепенной важности, что порождает настоятельную потребность и социальную необходимость установления уголовно-правового запрета, что объективно соответствует сложившимся деструктивным реалиям в социуме. Приведенная в настоящем параграфе исследования совокупность факторов наглядно показывает целесообразность и криминологическую обоснованность введения уголовно-правовой нормы ст. 238¹ УК, которая является основным уголовно-правовым инструментом, призванным обеспечить всестороннюю охрану общественных отношений на отечественном фармацевтическом рынке от преступных посягательств.

1.2. Уголовно-правовой анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ

Охарактеризовав природу и сущность криминализации правонарушений в сфере обращения лекарственных и медицинских товаров, биологически активных продуктов на отечественном потребительском рынке, следует охарактеризовать сущностные признаки состава преступления, закрепленного в ст. 238¹ УК. Итак, обратим свое внимание на содержание объекта уголовно-правовой охраны исследуемого состава преступления.

В науке уголовного права существует многообразие правовых подходов к пониманию сущности объекта преступления как составной части конструкции категории преступления. По нашему мнению, следует согласиться с позицией А.И. Рарога, который под объектом преступления понимает комплекс общественных отношений, охраняемых уголовно-правовыми нормами от реального или потенциально возможного преступного вредоносного посягательства¹.

В доктрине уголовного права в рамках классификации объектов преступлений «по вертикали» выделяют общий, межродовой, родовой, групповой, подгрупповой, видовой и непосредственный объекты². С учетом упомянутого подхода охарактеризуем иерархию объектов применительно к исследуемому составу преступления.

Так, совокупность наиболее важных фундаментальных общественных отношений, охраняемых уголовным законом посредством особых репрессивных средств от преступных посягательств, относят к общему объекту. То есть в общий объект входит весь комплекс общественных отношений, охраняемых государством с помощью уголовно-правовых норм³. Далее выделяется межродовой объект уголовно-правовой охраны, состоящий из крупных групп общественных отношений, на основании которых в структуре Особенной части УК образовано шесть разделов сообразно общности охраняемых общественных отношений.

Межродовым объектом преступного деяния, закрепленного в ст. 238¹ УК, выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения и поддержания общественной безопасности и общественного порядка, которые охраняются уголовно-правовыми нормами разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Под общественной безопасностью в юридической науке понимается всестороннее состояние

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / под ред. А.И. Рарога. М., 2008. С. 62.

² См.: Кругликов Л.Л. Еще раз к вопросу о классификации объектов преступлений // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (2009–2019 гг.) : в 2 т. Вологда, 2019. Т. 1. С. 108–109.

³ См.: Джинджолия Р.С., Боровиков В.Б. Российское уголовное право. Общая часть : учеб.-нагляд. пособие (схемы). М., 2018. С. 158.

защищенности социальных процессов, в рамках которых осуществляется всестороннее удовлетворение жизненно важных потребностей личности, общества и государства, предупреждение, локализация и ликвидация условий и факторов, представляющих угрозу для их осуществления, что достигается в ходе деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также негосударственными организациями и гражданами¹.

Категория «общественный порядок» характеризуется как система социальных и правовых общественных отношений, возникающих и развивающихся между людьми в общественных местах, правомерная реализация которых обеспечивает соблюдение личной и общественной безопасности, нормальное общение людей, охрану их чести, достоинства, жизни и здоровья, согласованное функционирование государства и общества, что гарантируется принудительной силой государства².

В рамках разделов Особенной части УК сформировано 19 глав, основой построения которых выступает родовой объект. Так, разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» состоит из 5 глав, одна из которых – гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» – включает уголовно-правовые нормы, направленные на охрану здоровья населения и общественной нравственности.

Из этого следует, что родовым объектом преступного посягательства, регламентированного ст. 238¹ УК, следует рассматривать общественные отношения в области обеспечения и защиты здоровья личности и нравственных устоев общества. Степень социальной ценности сгруппированных общественных отношений, составляющих содержание того или иного родового объекта, определяют последовательность размещения глав в структуре Особенной части УК.

¹ См.: Басова Ю.Ю. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению понятия общественной безопасности // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 65.

² См.: Шевченко П.Н. К вопросу содержания понятия «общественный порядок» // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 40.

Законодательство России определяет здоровье как состояние человека в условиях физического, психического и социального благополучия, в условиях отсутствия заболеваний, а также нарушений функционирования органов и систем организма¹. Понятие «население» представлено в качестве непрерывно возобновляющейся в ходе воспроизводства социально организованной совокупностью людей, живущих в пределах страны и являющихся субъектом общественных отношений².

В целом под здоровьем населения мыслится охраняемая уголовным законом группа общественных отношений в сфере обеспечения безопасных и благополучных условий существования индивидуумов, связанных общими интересами³. В науке уголовного права преступления против здоровья населения мыслятся как общественно опасные посягательства на физическое и психическое здоровье людей⁴. Физическое здоровье – это состояние организма человека, характеризующееся возможностями адаптироваться к различным факторам среды обитания, уровнем физического развития, физической и функциональной подготовленностью организма к выполнению физических нагрузок⁵.

Под психическим здоровьем личности следует понимать состояние благополучия, в рамках которого человек имеет возможность реализовать свои потенциальные дарования, способен противостоять обыденным стрессам, осуществлять эффективную и плодотворную деятельность, а также вносить весомый вклад в жизнь своего сообщества⁶.

В индивидуальном аспекте нравственность включает в себя внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; моральные, этические

¹ См.: Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 256-ФЗ). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 10.07.2023).

² См.: Смитиенко В.Н. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в СССР. Киев, 1989. С. 11.

³ См.: Третьякова Е.И.оборот фальсифицированных лекарственных средств: уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 19.

⁴ См.: Уголовное право России. Часть Особенная : учеб. пособие / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2004. С. 485.

⁵ См.: Бердникова Л.Н. Медико-биологические основы безопасности жизнедеятельности : курс лекций. Красноярск, 2019. С. 16.

⁶ См.: Климонтова О.А. Понятие психического здоровья личности // Вестник науки и творчества. 2018. № 4 (28). С. 17–18.

нормы, правила поведения, определяемые этими качествами¹. Нравственные постулаты включают в себя духовные, религиозные ценности, традиции, социальные ориентиры, такие как совесть, добро, справедливость, честь, ответственность, гражданский долг, порядочность. Моральные установки наряду с правовыми регуляторами охватывают все сферы жизнедеятельности общества, определяют стандарты поведения индивидов и выступают ключевыми ориентирами в прогрессивном развитии личности, общества и государства. Таким образом, общественную нравственность следует охарактеризовать как исторически выработанную и принятую людьми совокупность обычаев, традиций, норм и правил поведения, отражающих представление в обществе о добре и зле, гуманизме, справедливости, мужестве, чести и достоинстве, жестокости и милосердии².

В пределах главы Особенной части УК выделяется отдельная группа норм, охраняющая отдельную группу общественных отношений, сформированных по критерию группового объекта посягательств, то есть по признаку группового объекта. В качестве группового объекта состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, выступают общественные отношения в сфере обеспечения здоровья населения.

В рамках данной групповой общности отношений выделяется обособленный вид общественных отношений, нарушаемых определенной подгруппой преступлений, которые составляют видовой объект уголовно-правовой охраны. Применительно к составу преступления ст. 238¹ УК видовой объект представлен совокупностью общественных отношений в сфере обеспечения фармацевтической безопасности. Фармацевтическая безопасность представляется как состояние защищенности жизненно важных интересов

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 1049.

² См.: Шалагин А.Е. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 178.

личности, социума, государства от опасностей, проявляющихся в сфере оказания услуг и обращения товаров на фармацевтическом рынке¹.

В теории уголовного права под непосредственным объектом преступного посягательства рассматриваются конкретные общественные отношения, поставленные законодателем под охрану посредством уголовно-правовой нормы в целях нейтрализации преступных посягательств и потенциальной угрозы причинения вреда².

Правонарушители, осуществляющие производство, сбыт или ввоз фальсифицированной, недоброкачественной или незарегистрированной фармацевтической продукции, а равно фальсифицированных биологически активных добавок, тем или иным образом попирают установленные правила обращения данной продукции и, как следствие, создают условия причинения вреда общепризнанным социальным ценностям.

В качестве основного непосредственного объекта исследуемого состава преступления следует рассматривать общественные отношения в сфере регламентации законного режима обращения лекарственной, медицинской продукции и биологически активных добавок³.

Именно создание условий легального обращения лекарственных и медицинских изделий, биоактивных добавок выступает гарантом безопасности здоровья нации⁴. Соответствие фармацевтических препаратов и пищевых добавок установленным государственным стандартам качества является решающим фактором обеспечения безопасности потребления данной продукции⁵.

Дополнительным непосредственным объектом выступают общественные отношения в сфере общественной нравственности, затрагивающие моральные

¹ См.: Кузнецов Д.А., Коржавых Э.А. Концептуальная модель управления экономической безопасностью фармацевтической организации // Фармация и фармакология. 2015. № 4 (11). С. 48.

² См.: Юнусов А.Л. Объект преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 12. С. 144.

³ См.: Бимбинов А.А. Объект преступного обращения фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукции (ст. 238.1 УК РФ) // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 65.

⁴ См.: Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 105.

⁵ См.: Третьякова Е.И. Оборот фальсифицированных лекарственных средств: уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016. С. 128.

права пациентов на легальную качественную потребляемую продукцию, нравственные устои общества по безопасному обеспечению медикаментами и продуктами питания; общественные отношения в сфере экономической деятельности, затрагивающие экономические интересы личности, общества, правообладателей продукции, предприятий-производителей, организаций оптовой и розничной торговли, государства. Обращает внимание, что жизнь и здоровье человека выступают в качестве факультативных категорий непосредственного объекта исследуемого состава деяния¹.

Наряду с характеристикой объекта преступного посягательства следует обратить внимание на характеристику предмета исследуемого состава преступления.

Анализ диспозиции ст. 238¹ УК позволяет выделить следующие предметы преступного посягательства: фальсифицированные, недоброкачественные, незарегистрированные лекарственные средства² и медицинские изделия³, а также фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Из приведенного определения лекарственных средств следует, что они подразделяются на лекарственные препараты и фармацевтические субстанции.

¹ См.: Иликбаева Е.С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 78.

² Под лекарственными средствами понимаются вещества или их комбинации, вступающие в контакт с организмом человека или животного, проникающие в органы, ткани организма человека или животного, применяемые для профилактики, диагностики (за исключением веществ или их комбинаций, не контактирующих с организмом человека или животного), лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности и полученные из крови, плазмы крови, из органов, тканей организма человека или животного, растений, минералов методами синтеза или с применением биологических технологий. К лекарственным средствам относятся фармацевтические субстанции и лекарственные препараты (см.: п. 1 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 28.04.2023 г. № 149-ФЗ)).

³ Медицинскими изделиями являются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболитического воздействия на организм человека. Медицинские изделия могут признаваться взаимозаменяемыми, если они сравнимы по функциональному назначению, качественным и техническим характеристикам и способны заменить друг друга (см.: п. 1 ст. 38 Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 256-ФЗ)).

Под лекарственными препаратами понимаются лекарственные средства в виде лекарственных форм, применяемых для профилактики, диагностики, лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности¹, к примеру «Омепразол».

Фармацевтической субстанцией является лекарственное средство в виде одного или нескольких обладающих фармакологической активностью действующих веществ вне зависимости от природы происхождения, которое предназначено для производства, изготовления лекарственных препаратов и определяет их эффективность², например «Диклофенак натрия».

В общем значении, к предмету преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, принадлежат изготавливаемые, реализуемые и ввозимые в Россию лекарственные препараты и фармацевтические субстанции с сопутствующей информацией, содержащей ложные характеристики и признаки их состава и (или) производителя³.

Фальсифицированным является лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) его производителе⁴. К примеру, генеральный директор ООО «П» гр. М. и представитель ООО «М» гр. Б. были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 238¹ УК РФ, в количестве 7 и 8 эпизодов соответственно по факту сбыта фальсифицированных лекарственных средств – кислорода жидкого медицинского – на общую сумму более 7 млн руб.⁵

Недоброкачественным понимается лекарственное средство, не соответствующее требованиям фармакопейной статьи либо требованиям

¹ В соответствии с п. 4 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 28.04.2023 г. № 149-ФЗ).

² В соответствии с п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 28.04.2023 г. № 149-ФЗ).

³ См.: Бимбинов А.А. Объект преступного обращения фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукции (ст. 238.1 УК РФ) // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 66.

⁴ В соответствии с п. 37 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 28.04.2023 г. № 149-ФЗ).

⁵ См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 13 июля 2021 г. по делу № 1-56/2021 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 14.02.2023).

нормативного документа или нормативной документации¹. Так, менеджер по продажам ООО «Н» гр. П. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238¹ УК РФ, по факту сбыта недоброкачественных лекарственных средств – гепатопротекторных средств для лечения хронических заболеваний печени – на общую сумму 150 тыс. руб.²

Фармакопейная статья является документом, утвержденным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и содержащим перечень показателей качества и методов контроля качества лекарственного средства³. В частности, фармакопейная статья «Бриллиантовый зеленый ФС.2.1.0008.15» устанавливает описание лекарственного средства «зеленка»: «Бриллиантовый зеленый, зеленовато-золотистые комочки... и т. д.»⁴.

К нормативной документации закон относит документ, содержащий перечень определяемых по результатам соответствующих экспертиз показателей качества лекарственного средства для медицинского применения, методов контроля его качества и установленный его производителем⁵. К примеру, реквизиты нормативной документации зарегистрированного лекарственного средства «Креон® 10000», П N015581/01-200422,2022.

Нормативным документом является документ, содержащий перечень показателей качества и (или) методов контроля качества лекарственной формы, описания анализа лекарственных средств для ветеринарного применения, требования к используемым в целях проведения данного анализа реактивам, индикаторам, установленный изготовителем⁶. Например, нормативный документ

¹ В соответствии с п. 38 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 28.04.2023 г. № 149-ФЗ).

² См.: Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 26 октября 2020 г. Уголовное дело 1-113/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/cases/docs/content/1428f7ca-b669-4de0-b0b26d7ae6472c87> (дата обращения: 15.02.2023).

³ В соответствии с п. 19 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 28.04.2023 г. № 149-ФЗ).

⁴ См.: ФС.2.1.0008.15 Бриллиантовый зеленый. Pharmacopoeia.ru – сайт о регистрации лекарственных средств в России. Site about registration of Drugs in Russia and EAEU (CIS). URL: <https://pharmacopoeia.ru/fs-2-1-0008-15-brilliantovuj-zelenuj> (дата обращения: 29.12.2021).

⁵ В соответствии с п. 20 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 28.04.2023 г. № 149-ФЗ).

⁶ В соответствии с п. 21 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 28.04.2023 г. № 149-ФЗ).

– ОКП (общероссийский классификатор продукции) – 93400 – Антибиотики (без кормовых). Ветеринарные препараты. Показатели качества. Требования и нормы.

Фальсифицированным является медицинское изделие, сопровождаемое ложной информацией о его характеристиках, производителе (изготовителе)¹. К примеру, индивидуальный предприниматель К. был признан виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238¹ УК, по факту сбыта фальсифицированных медицинских изделий – халатов медицинских одноразовых – на общую сумму 3 038 000 руб.²

Недоброкачественным понимается медицинское изделие, которое не соответствует требованиям безопасности и эффективности медицинских изделий, требованиям к их маркировке, нормативной, технической и эксплуатационной документации и которое не может быть безопасно использовано по назначению, установленному производителем (изготовителем)³. К примеру, заместитель директора ООО «Н» гр. С. совместно с супругой (начальником отдела маркетинга ООО «Н») гр. С. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 238¹ УК РФ, по факту сбыта фальсифицированных и недоброкачественных медицинских изделий – индивидуальных перевязочных медицинских пакетов – на общую сумму 3 166 993 руб.⁴

К предмету преступного посягательства исследуемого состава преступления относятся незарегистрированные лекарственные средства, то есть те, которые не имеют регистрационного свидетельства, подтверждающего факт государственной регистрации⁵. В частности, к ответственности по ч. 1 ст. 238¹ УК был привлечен

¹ В соответствии с п. 13 ст. 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 256-ФЗ).

² См.: Приговор Черновского районного суда г. Читы от 11 марта 2022 г. по делу № 1-51-21 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 17.01.2023).

³ В соответствии с п. 13 ст. 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 256-ФЗ).

⁴ См.: Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 9 августа 2021 г. по делу № 1-33/2021 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 11.01.2023).

⁵ См.: Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 110.

гр. К, совершивший преступление в форме сбыта незарегистрированных лекарственных средств на общую сумму 2 203 000 руб.¹

К незарегистрированным относятся медицинские изделия, которые подлежат государственной регистрации, но не имеющие ее². Так, к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 30 ст. 238¹ УК и ч. 1 ст. 238¹ УК был привлечен гражданин Ш., который сбыв незарегистрированные медицинские изделия – томографы магнитно-резонансные – на общую сумму 37 443 384 руб.³

Зарегистрированные лекарственные средства и медицинские изделия включаются в соответствующие государственные реестры, ведение которых в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» возложено на Минздрав России. Регистрация лекарственных средств, медицинских изделий, а равно биологически активных добавок в РФ является обязательной операцией, в процессе осуществления которой со стороны государства производится контроль качества выводимых на фармацевтический рынок лекарственных и медицинских товаров, биологически активных добавок⁴.

В примечании 3 к ст. 238¹ УК установлены категории незарегистрированных лекарственных препаратов и медицинских изделий, которые не входят в предмет преступления. В данном случае речь идет о фактах сбыта, ввоза на территорию России с целью сбыта незарегистрированной фармацевтической продукции, которая не производится на территории РФ, если сбыт или ввоз упомянутой продукции допускается соответствующим законодательством РФ, а также, если данные фармацевтические препараты рекомендованы Всемирной организацией здравоохранения.

Одним из предметов искомого состава преступления являются фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не

¹ См.: Приговор Акбулакского районного суда Оренбургской области от 5 марта 2019 г. по делу № 1-29/2019 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 18.01.2023).

² См.: Бимбинов А.А. Объект преступного обращения фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукции (ст. 238.1 УК РФ) // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 70.

³ См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 28 июня 2021 г. по делу № 1-3/2021 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 25.01.2023).

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М., 2021. С. 1027–1028.

заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции. Биологически активные добавки как разновидность пищевой продукции представляют природные концентраты биологически активных веществ, полученных из природного, животного, химически синтезированного, минерального или растительного сырья¹. Биологически активные добавки предназначены для насыщения потребляемой человеком пищи полезными биологически активными компонентами только для пользы организма, то есть для поддержания здоровья, профилактики заболеваний, для вспомогательного целебного эффекта, исключая ухудшение здоровья потребителя.

В качестве фальсифицированных признаются пищевые продукты, материалы и изделия – пищевые продукты, материалы и изделия, которые являются умышленно измененными (поддельными) и (или) имеют скрытые свойства и качество и (или) информация о которых является заведомо неполной и (или) недостоверной².

В действительности наличие в составе биологически активных добавок не заявленной при регистрации фармацевтической субстанции создает опасность причинения вреда здоровью в результате потребления пищи с данной добавкой.

Так, следственным отделом по Басманному району СК РФ по г. Москве по фактам реализации фальсифицированных биологически активных добавок было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 238¹ УК. Основанием для возбуждения дела стало исследование, обнаружившее в средствах для повышения потенции «Сеалекс Форте», «Аликапс», «Тонгкат Али Платинум», «Лаверон» «Органзекс» действующие вещества диклофенак натрия, тадалафил и ибупрофен, которые могут использоваться только в лекарственных препаратах. Неконтролируемое использование вышеуказанных лекарственных субстанций могло привести к нарушениям артериальной, кровеносной, пищеварительной систем, а также к нарушению состояния кожных покровов потребителей. Соответствующая

¹ См.: Беспалов В.Г., Некрасов В.Б. Биологически активные добавки к пище и возможности их использования в профилактической медицине // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2001. № 3-4. С. 196–197.

² См.: Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 № 29-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/ (дата обращения: 11.07.2023).

информация, как и полный состав препаратов, должны указываться в инструкциях в каждой упаковке, но, по данным следствия, производители не информировали об этом потребителей. Препараты для повышения потенции широко рекламировались в СМИ с привлечением известных артистов, таких как, например, Сергей Шнуров. Впоследствии биоактивные средства «Сеалекс Форте» и «Аликапс» были запрещены к продаже и сняты с производства. В октябре 2020 г. топ-менеджеры компании, специализировавшейся на производстве биологически активных средств для повышения потенции «Сеалекс Форте», «Аликапс», «Тонгкат Али Платинум», «Лаверон» «Органзекс», были осуждены по ст. 238¹ УК¹.

Следующим элементом состава преступного деяния является объективная сторона, которая мыслится как внешний процесс последовательного выражения социальных фактов, начиная от преступного деяния индивидуума и заканчивая общественно вредными последствиями, что объективируется в форме асоциального противоправного вредоносного воздействия на охраняемые уголовным законом ценности².

Категория объективной стороны преступления характеризуется противоправностью и общественной опасностью деяния, выражающегося в действии или бездействии; объективным наличием общественно вредных последствий; наличием причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями; временем, местом, способом, обстановкой совершения преступления; условиями и обстоятельствами совершенного общественно опасного деяния; орудиями и средствами совершения преступления³.

По нашему мнению, в данном вопросе следует согласиться с Л.Л. Кругликовым, поскольку деяние, наступившие последствия и причинно-следственная связь между ними относят к разряду обязательных признаков

¹ См.: Мировой рынок поддельных лекарств оценили. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20201020/306408647.html (дата обращения: 16.01.2022).

² См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 9.

³ См.: Качество уголовного закона. Проблемы Общей части : моногр. / отв. ред. А.И. Рапог. М., 2016. С. 19–34.

состава преступления, иные признаки являются факультативными, с оговоркой, что данные признаки являются обязательными лишь для преступлений с так называемым материальным составом¹.

В зависимости от предмета преступного посягательства объективная сторона преступления, регламентированного ч. 1 ст. 238¹ УК, представлена в четырех альтернативных способах, а именно:

- производство, сбыт или ввоз на территорию РФ фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий;
- сбыт или ввоз на территорию РФ недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий;
- незаконное производство, сбыт или ввоз на территорию РФ с целью сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий;
- производство, сбыт или ввоз на территорию РФ фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Общим обязательным признаком для вышеперечисленных форм противоправных действий, для признания их в качестве преступных является совершение деяния в крупном размере, то есть в стоимости лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок в сумме, превышающей сто тысяч рублей.

Объективная сторона в ч. 1.1 статьи образуется преступными действиями, предусмотренными ч. 1 статьи, сопряженными с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, например сети Интернет.

Часть 2 статьи закрепляет уголовную ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 или 1.1 статьи, если указанные деяния:

- совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

¹ См.: Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 144.

– повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека.

По ч. 3 статьи ответственность наступает в случае, если преступные деяния, предусмотренные ч. 1, 1.1 либо 2 статьи повлекли по неосторожности смерть двух или более лиц (по конструкции состава – материальный¹).

Момент совершения преступного деяния в крупном размере является криминообразующим фактором в части признания преступления в качестве оконченного. Закрепленный в уголовном законе стоимостной критерий в конечном итоге предопределяет преступный характер совершенных действий и отграничивает преступное деяние, предусмотренное ст. 238¹ УК, от тождественных противоправных деяний, регламентированных ст. 6.33 КоАП РФ².

Производство как признак объективной стороны представляет общественный процесс создания материальных благ, охватывающий как производительные силы общества, так и производственные отношения людей; работа по непосредственному изготовлению продукции³. В исследуемом контексте считаем верным охарактеризовать производство как деятельность производителя, направленную на серийное создание фармацевтических товаров или биологически активных добавок, в рамках нескольких или всех последовательно выполняемых различных производственных операций технологического процесса.

По законодательству в России допускаются производство, изготовление, хранение, перевозка, ввоз в РФ, вывоз из РФ, реклама, отпуск, реализация, передача, применение, уничтожение лекарств, медицинских изделий, биологически активных добавок, зарегистрированных надлежащим образом.

¹ См.: Шкеле М.В. Объективная сторона преступления // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 131.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 24.06.2023 г. № 277-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 30.06.2023).

³ См.: Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/п/производство> (дата обращения: 15.01.2022).

Под понятием «сбыт» понимается продажа готовой продукции, товаров и изделий¹. Применительно к сфере обращения фармацевтической продукции, биологически активных продуктов под сбытом мыслится реализация готовой продукции, товаров, а именно сбыт продукции покупателю как физическому лицу, индивидуальному предпринимателю, а равно продажа, передача фармацевтической, пищевой продукции в организации оптовой или розничной торговли либо иным потребителям. Содержание сбыта предполагает различные формы возмездной или безвозмездной передачи (продажа, дарение, мена, поставка, возврат долга и т. д.) товарно-материальных ценностей другим лицам².

Российское законодательство устанавливает запрет на ввоз в РФ фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных и медицинских изделий, кроме законодательно установленных исключений. Аналогично не допускается производство и обращение биологически активных добавок, не соответствующих санитарным требованиям, ввозимые территорию России биологически активные продукты должны отвечать требованиям действующих в Российской Федерации санитарных правил и гигиенических нормативов.

В понятие ввоза входит совокупность многообразных действий, направленных на фактическое пересечение товарами государственной границы РФ, если по итогу указанных действий товары доставлены на территорию РФ³. М.В. Винокуров рассматривает ввоз как действия лица по приобретению фальсифицированной лекарственной продукции из других государств и прочую организацию по транспортировке фальсифицированных лекарственных средств, медицинских товаров, биологически активных добавок на территорию РФ⁴.

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 1611.

² См.: Ларичев В.Д. Объективная сторона незаконного обращения лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3 (41). С. 9.

³ См.: Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 133.

⁴ См.: Винокуров М.В. Актуальные проблемы определения объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-opredeleniya-obektivnyh-priznakov-sostava-prestupleniya-predusmotrennogo-st-238-1-uk-rf> (дата обращения: 14.01.2022).

Диспозиция ст. 238¹ УК ограничено содержит возможные способы совершения преступных действий по обращению лекарственных, медицинских изделий и биологически активных добавок. По нашему мнению, законодателю следует дополнить содержание диспозиции исследуемого состава преступления путем включения в него ряда самостоятельных альтернативных действий, что объективно продиктовано сложившейся правоприменительной практикой. Данный аспект мы более подробно рассмотрим в следующих главах настоящего исследования.

Характеризуя субъективные признаки состава преступления ст. 238¹ УК РФ, следует обратить внимание на понятие и сущность субъекта и субъективной стороны преступления.

Субъектом преступления по ст. 238¹ УК является вменяемое физическое лицо в возрасте шестнадцати лет, виновное в совершении общественно опасного деяния, закрепленного в ст. 238¹ УК¹.

В отечественном медицинском праве в качестве участников фармацевтического рынка указаны граждане, юридические лица, индивидуальные предприниматели, должностные лица, которые фактически являются потенциальными субъектами преступлений в сфере обращения фармацевтического и пищевого фальсификата. Несмотря на данную законодательную позицию, норма уголовного закона ст. 238¹ УК не закрепляет в качестве субъекта преступления категорию специального субъекта, что типично для уголовного законодательства большинства зарубежных государств².

Субъективную сторону преступления следует рассмотреть через призму ее признаков. Так, понятие вины тесным образом связано с мотивом, целью и эмоциями (переживаниями) преступника. Фактически мотив, цель и эмоции имеют факультативное значение в структуре субъективной стороны преступления по сравнению с понятием вины.

¹ См.: Годунов О.И. Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарственных средств // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2015. № 2. С. 17.

² См.: Третьякова Е.И. Оборот фальсифицированных лекарственных средств: уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016. С. 156.

Мотив представляет категорию, отражающую внутреннее побуждение лица, изначальный смысл совершения чего-либо. Касательно исследуемого состава преступления определяющим содержанием мотива выступает корыстная составляющая, побуждающая лицо на получение материальной выгоды от незаконных действий по реализации запрещенной в обращении фармацевтической продукции и биологически активных добавок. В то же время, по мнению А.В. Шульги, в качестве альтернативы корыстной цели преступления следует рассматривать также личную и иную заинтересованность¹.

Цель преступления тесным образом связана с мотивом преступления и представляет собой конечный результат совершенного преступления. В исследуемом составе преступления целью выступает незаконное денежное обогащение от реализации запрещенной в обращении фармацевтической продукции.

Хотелось обратить внимание, что действующая редакция ст. 238¹ УК предусматривает ответственность по факту незаконного ввоза на территорию РФ незарегистрированных лекарственных или медицинских препаратов только при наличии у виновного цели сбыта, которая указана в диспозиции статьи в контексте обязательного компонента субъективной стороны конкретного преступления.

Эмоции как составляющая субъективной стороны состава преступления могут иметь определяющее значение при квалификации ряда умышленных деяний, совершенных в состоянии аффекта или ином состоянии психики. Применительно к исследуемому составу преступлению эмоциональная сторона квалификационного значения не имеет.

В теории уголовного права вина может быть выражена в форме умысла и неосторожности. Неосторожная форма вины может выступать в форме небрежности и легкомыслия. Диспозиция ст. 238¹ УК устанавливает уголовную

¹ См.: Шульга А.В. Присвоение или растрата в условиях становления рыночных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 88.

ответственность лишь при наличии в субъективной стороне преступления вины в форме прямого умысла.

В исследуемом составе преступления неосторожная вина имеет место в составах с двойной формы вины применительно к случаям совершения преступных деяний, предусмотренных ч. 1 и 1.1 ст. 238¹ УК, повлекших по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека (ч. 2) или смерть двух и более лиц (ч. 3)¹.

В рассматриваемой ситуации в результате совершения лицом умышленных действий причиняются тяжкие последствия, неизбежность наступления которых лицо предвидело, но самонадеянно рассчитывало на их предотвращение или в ситуации, если лицо не предвидело, но могло и должно было предвидеть вероятность наступления вредоносных последствий.

Охарактеризовав нормативное содержание уголовно-правовой нормы ст. 238¹ УК РФ, считаем целесообразным изучить передовой опыт регламентации преступлений в сфере обращения фармацевтической продукции в уголовном законодательстве зарубежных стран.

1.3. Регламентация уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок в зарубежном законодательстве

Основополагающим международно-правовым актом в формировании национального уголовного законодательства в сфере противодействия распространению медицинского фальсификата, борьбы с преступностью на фармацевтическом рынке является Конвенция «Медикрим», принятая 9 декабря

¹ См.: Иликбаева Е.С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 148.

2010 г. Комитетом министров Совета Европы¹. В настоящее время Конвенцию ратифицировали 18 государств-участников, помимо этого, 15 стран подписали конвенцию, но не ратифицировали.

Конвенция «Медикрим» устанавливает правовые основы для внутригосударственного и межгосударственного сотрудничества между органами государственной власти с целью нейтрализации общемировой угрозы в отношении здоровья населения мирового сообщества, исходящей от фальсификации медицинской продукции и преступности на рынке фармацевтики. В соответствии с Конвенцией с целью повышения продуктивности противодействия правонарушениям на фармацевтическом рынке государствам рекомендовано закрепить в национальном законодательстве ответственность за совершение преступлений по производству фальсифицированных фармацевтических продуктов, в том числе используемых для их производства аксессуаров, материалов и вспомогательных веществ.

Положения Конвенции рекомендуют криминализировать действия по сбыту, в том числе по выполнению посреднических операций, покушению на сбыт, производству, по транспортировке, хранению, импорту, экспорту, подделке документов в отношении фальсифицированной медицинской продукции, фармацевтическим субстанциям, их материалам, аксессуарам, вспомогательным веществам. Конвенцией рассматривается возможность уголовного преследования юридических лиц за деяния, совершенные в их интересах, как любым физическим лицом, так и членом органа юридического лица. В качестве отягчающих обстоятельств при назначении наказаний Конвенцией рекомендуется закреплять факты совершения преступлений, повлекшие смерть человека, причинившие вред психическому или физическому здоровью; совершение преступления путем злоупотребления доверием или в связи с профессиональной деятельностью; совершение преступления лицом путем злоупотребления доверия, оказанного со стороны производителя или поставщика продукции; совершение преступления в

¹ См.: Пособие для парламентариев. Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «МЕДИКРИМ», СДСЕ № 211). URL: <https://rm.coe.int/16806a9676> (дата обращения: 30.01.2022).

форме сбыта или предложения сбыта с использованием средств широкого распространения, в том числе информационных систем, таких как Интернет; совершение преступлений в составе преступной организации; совершение преступления лицом, имеющим судимость за тождественное деяние.

Рассмотрев положения Конвенции «Медикрим», рекомендуемые для использования в национальном уголовном законодательстве, рассмотрим соответствующие уголовно-правовые нормы в законодательстве ряда государств.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (далее – УК АР) принят 30 декабря 1999 г., вступил в силу 1 сентября 2000 г.¹ Субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. УК АР закрепляет возможность применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера, в том числе за совершение преступления в сфере незаконного оборота лекарственных средств.

Статья 200-1 УК АР «Незаконный оборот лекарственных средств» расположена в гл. 24 «Преступления в сфере экономической деятельности» разд. IX «Преступления в сфере экономики». Статья 200-1.1 устанавливает ответственность за продажу, ввоз или хранение с целью сбыта некачественных лекарственных средств, не отвечающих требованиям безопасности, неизвестного происхождения или незарегистрированных, с истекшим сроком годности, а также за производство, ввоз, продажу или хранение с целью сбыта фальсифицированных лекарственных товаров, совершенные в значительном размере, что наказывается штрафом в размере от трех тысяч до пяти тысяч манатов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового².

¹ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/7d878287da6aa187238b93c7df26ef3.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

² См.: В Азербайджане изменят наказание за незаконный оборот лекарств. URL: <https://gxpnews.net/2017/10/v-azerbajdzhanе-izmenyat-nakazanie-za-nezakonnyj-oborot-lekarstv/> (дата обращения: 11.06.2022).

Статья 200-1.2 закрепляет ответственность за деяния, совершенные: повторно; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в крупном размере, что наказывается ограничением свободы сроком до трех лет либо лишением свободы на срок от двух до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет.

Статья 200-1.3 предусматривает ответственность за продажу, ввоз или хранение с целью сбыта некачественных лекарственных средств, не отвечающих требованиям безопасности, неизвестного происхождения или незарегистрированных, с истекшим сроком годности, а также за производство, ввоз, продажу или хранение с целью сбыта фальсифицированных лекарственных товаров, повлекшие менее тяжкий или тяжкий вред здоровью потерпевшего, что наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет.

Статья 200-1.4 устанавливает ответственность за совершение действий, установленных ст. 200-1.3, повлекшие смерть человека по неосторожности или другие тяжкие последствия, что наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет.

Примечание к ст. 200-1.1 устанавливает значительный размер в сумме от тысячи до двух тысяч манатов, крупный размер составляет в сумме свыше двух тысяч манатов.

Уголовный кодекс Албании принят 27 января 1995 г. и вступил в силу с 1 июня 1995 г.¹ УК Албании субъектом преступления признает лицо, достигшее 14-летнего возраста. Наряду с физическими лицами уголовной ответственности подлежат юридические лица за преступления, совершенные их учреждениями или представителями от их имени или в их интересах.

¹ См.: Уголовный кодекс Албании. URL: https://drejtesia.gov.al/wp-content/uploads/2017/11/Kodi_Penal-1.pdf (дата обращения: 30.01.2022).

Основание уголовного преследования за совершение деяний в сфере обращения фальсифицированной лекарственной и медицинской продукции закреплено ст. 284/d «Производство и торговля фальсифицированными лекарственными средствами и фальсифицированным медицинским оборудованием, опасным для жизни и здоровья» в главе «Уголовные преступления против общественного порядка и безопасности»¹.

Законодатель в качестве предмета преступного посягательства указывает фальсифицированные лекарственные средства, медицинские изделия и опасные для жизни материалы, их принадлежности и субстанции, производственные детали, активные вещества. Преступные деяния наряду с производством, сбытом, экспортом могут быть совершены в форме хранения с целью сбыта, поставки, импорта предметов преступления, что влечет наказание в виде лишения свободы сроком от шести месяцев до пяти лет.

Выделяются квалифицированные составы преступления, что выражается в закреплении УК Албании ответственности за совершение преступления специальным субъектом в ходе выполнения профессиональных обязанностей, с использованием сети Интернет, групповое или неоднократное совершение преступления, что наказывается лишением свободы сроком от трех до семи лет.

Совершение деяния, повлекшего наступление тяжких последствий для жизни и здоровья человека, образует особо квалифицированный состав и подлежит наказанию в виде лишения свободы сроком не менее десяти лет.

Уголовный Кодекс Аргентины принят в 1921 г. и вступил в действие 29 апреля 1922 г.² Субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо в возрасте 14 лет, что вытекает из основ гражданского законодательства Аргентины и сложившейся правоприменительной практики. Преступления в области оборота лекарственных средств регламентированы ст. 201, 203–204/4,

¹ См.: Иликбаева Е.С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 59.

² См.: Уголовный кодекс Аргентины. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-аргентины.html> (дата обращения: 24.07.2022).

которые расположены в гл. VI «Преступления против общественного здоровья». В качестве предмета преступления правотворец указывает лекарственные средства, вещества или иные предметы, имеющие вредоносные свойства.

Статья 201 криминализирует деяния в форме направления в продажу, поставки, распределения, продажи лекарственных средств и товаров, опасных для здоровья, путем утаивания их вредоносного характера, что влечет наказание в виде лишения свободы в форме каторжных работ или тюремного заключения на срок от трех до пятнадцати лет.

Статья 203 закрепляет ответственность за совершение преступлений, указанных в ст. 201, совершенных в форме небрежности, неосторожности, в силу невыполнения правил и распоряжений или профессиональной неопытности. Причинение по неосторожности последствий в виде болезни или смерти человека влечет наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до пяти лет тюремного заключения, если же деяние не повлекло болезнь или смерть человека, то применяется санкция в виде штрафа.

Статья 204 устанавливает ответственность за поставку или продажу лекарственных веществ, не обладающих качественными или количественными свойствами, предусмотренными установленными требованиями, без выполнения которых данные лекарственные вещества не могли реализовываться. За совершение данных деяний предусмотрено наказание сроком от шести месяцев до трех лет лишения свободы в форме тюремного заключения. Статья 204/2 предусматривает уголовную ответственность за небрежное совершение данных деяний, что влечет наказание в виде штрафа.

Статья 204/3 УК Аргентины предусматривает уголовную ответственность в отношении специальных субъектов в части невыполнения должностных обязанностей ответственными за руководство, по выполнению административных полномочий, по контролю или охране учреждений, осуществляющих реализацию лекарств, если данные деяния повлекли последствия, предусмотренные ст. 204. Ответственность должностных лиц предусмотрена в виде наложения штрафа.

Статья 204/4 устанавливает наказание в виде лишения свободы в форме тюремного заключения на срок от шести месяцев до трех лет в отношении лица, продавшего без разрешения лекарственные вещества, реализуемые только по рецепту.

Уголовный кодекс Армении принят 29 апреля 2003 г., вступил в силу 1 августа 2003 г.¹ Уголовная ответственность лица наступает с момента достижения лицом 16 лет. В структуре УК Армении в гл. 26 «Преступления против здоровья населения» размещены составы преступлений, предусмотренные ст. 280, 280¹, 280², регламентирующими ответственность за преступления в медицинской сфере.

Статья 280 в ч. 1 закрепляет ответственность за незаконное занятие частной медицинской практикой или фармацевтической деятельностью без лицензии, повлекшее по неосторожности вред здоровью человека, что наказывается лишением свободы сроком до трех лет. Часть 2 статьи устанавливает ответственность за действия по изготовлению или сбыту поддельных лекарств, что наказывается лишением свободы сроком до трех лет. Вышеперечисленные деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека, наказываются лишением свободы сроком до пяти лет.

Статья 280¹ «Подделка или сокрытие результатов клинических испытаний лекарственных средств» в ч. 1 закрепляет ответственность за подделку или сокрытие результатов клинических испытаний лекарственных средств, что наказывается штрафом максимально от 1000-кратного до 1500-кратного размера минимальной заработной платы. Деяния, предусмотренные ч. 1, по неосторожности повлекшие средней тяжести вред здоровью, в ч. 2 статьи наказываются штрафом от 1000-кратного до 1500-кратного размера минимальной заработной платы или арестом максимально на срок три месяца. Деяния, предусмотренные ч. 1, по неосторожности повлекшие тяжкий вред здоровью, в ч. 3 статьи наказываются штрафом от 1500-кратного до 2000-кратного размера

¹ См.: Уголовный кодекс Армении. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#0> (дата обращения: 25.07.2022).

минимальной заработной платы или лишением свободы сроком до трех лет. Деяния, предусмотренные ч. 1, по неосторожности повлекшие смерть человека, в ч. 4 статьи наказываются лишением свободы сроком до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, ч. 5 статьи закрепляет наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет за совершение деяния, предусмотренного ч. 1, по неосторожности повлекшего смерть двух или более лиц.

Статья 280² «Незаконное производство (изготовление) или реализация, или применение медицинского изделия, или фальшивого медицинского изделия» в ч. 1 устанавливает ответственность за производство (изготовление) медицинского изделия без государственной регистрации, учета или специального разрешения (лицензии), что наказывается штрафом в размере не более 200-кратного размера минимальной заработной платы или лишением свободы сроком до одного года. Часть 2 статьи криминализирует производство (изготовление) или реализацию или применение фальшивого медицинского изделия, что наказывается лишением свободы сроком до двух лет.

Диспозиция ст. 280² УК Армении предусматривает квалифицированные виды рассматриваемого состава преступления. Так, в соответствии с ч. 3 статьи совершение деяний, предусмотренных ч. 1 или 2, по неосторожности повлекших причинение вреда здоровью человека, влечет наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет. Соответственно, ч. 4 статьи за совершение деяний, установленных ч. 1 или 2, по неосторожности повлекших смерть человека, предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет.

Уголовный Кодекс Республики Беларусь принят 9 июля 1999 г., вступил в действие с 1 января 2001 г.¹ Преступником кодекс признает физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=52;-50#pos=52;-50 (дата обращения: 25.07.2022).

Глава 29 «Преступления против здоровья населения» разд. X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» содержит ст. 338¹ «Подделка документов качества, маркировки, упаковки лекарственных средств и (или) медицинских изделий, вспомогательных веществ, частей, материалов, аксессуаров» и ст. 338² «Производство, ввоз в Республику Беларусь, хранение или сбыт фальсифицированных, некачественных, незарегистрированных лекарственных средств и (или) медицинских изделий».

В соответствии со ст. 338¹ изготовление в целях использования или сбыта, либо использование или сбыт заведомо поддельных документов, или декларации о соответствии, инструкции по медицинскому применению лекарственного препарата, или нормативной, технической и иной документации производителя, либо использование поддельной упаковки, или нанесение поддельной маркировки на упаковки лекарственных препаратов, фармацевтических субстанций, вспомогательных веществ, медицинских изделий, их частей, комплектующих и расходных материалов и аксессуаров к медицинским изделиям при отсутствии признаков более тяжкого преступления наказываются штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами сроком до двух лет, или ограничением свободы сроком до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

Статья 338² криминализирует производство, ввоз и (или) хранение в целях сбыта, либо сбыт фальсифицированных и (или) некачественных лекарственных средств и (или) медицинских изделий, либо незарегистрированных лекарственных средств и (или) медицинских изделий, за исключением случаев, установленных актами законодательства, международными договорами, международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза, при отсутствии признаков более тяжкого преступления, что влечет наказание в виде штрафа, или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительных работ, или ограничения свободы сроком до двух лет, или лишения свободы на тот же срок.

Часть 2 статьи устанавливает ответственность за те же действия, совершенные повторно либо группой лиц по предварительному сговору, что наказывается исправительными работами сроком до двух лет, или ограничением свободы сроком до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

В соответствии с ч. 3 статьи за действия, предусмотренные ч. 1 статьи, совершенные организованной группой либо повлекшие по неосторожности причинение тяжкого телесного повреждения или смерть человека, следует наказание в виде ограничения свободы сроком до пяти лет или лишения свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Уголовный кодекс Грузии принят 22 июля 1999 г., вступил в силу 1 июня 2000 г.¹ В качестве субъекта преступления признается вменяемое физическое лицо в возрасте четырнадцать лет.

Глава XXVI данного кодекса «Преступления против предпринимательской или иной экономической деятельности» в ч. 1 ст. 197 закрепляет основание уголовной ответственности за фальсификацию, под которой подразумевается изменение производителем или продавцом свойств вещи путем обмана, совершенное из корыстных мотивов, что наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью сроком до трех лет или без такового. Часть 2 статьи криминализирует неоднократность деяний, указанных в ч. 1, что влечет наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью сроком до трех лет. В ч. 3 ст. 197 деяния, предусмотренные ч. 1 или 2, могущие создать опасность для жизни или здоровья людей, наказываются лишением свободы на срок от пяти до семи лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью сроком до трех лет. Наступление тяжких последствий или причинение смерти человека в результате совершения деяний, предусмотренных ч. 1 или 2 статьи, наказывается

¹ См.: Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/137/ru/pdf> (дата обращения: 27.12.2022).

лишением свободы на срок от семи до десяти лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью сроком до пяти лет.

Статья 197¹ устанавливает ответственность за совершение действий по незаконной перевозке или сбыту заведомо фальсифицированной вещи, за что предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет.

Статья 198 в ч. 1 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет за совершение действий по изготовлению, реализации или ввозу продукции, опасной для жизни или здоровья человека, или по незаконному использованию этикеток на данную продукцию. Часть 2 статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет за деяния, создавшие угрозу для здоровья или жизни людей. Совершение деяний, предусмотренных ч. 1 или 2 статьи, повлекших смерть человека или иные тяжкие последствия, в соответствии с ч. 3 статьи влечет наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двенадцати лет.

Глава XXXII УК Грузии «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» включает ст. 251, которая криминализирует действия по выпуску или продажу недоброкачественной продукции, которая не соответствует требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, а также действия по незаконной выдаче или использованию официального документа, удостоверяющего соответствие этих товаров требованиям безопасности, повлекшие причинение вреда здоровью человека, что наказывается лишением свободы сроком до двух лет. Часть 2 статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет, если в результате преступления причинен тяжкий вред здоровью человека или здоровью двух или более лиц. Частью 3 статьи предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до семи лет за совершение действий, повлекших смерть человека.

Уголовный кодекс Голландии был принят 3 марта 1881 г.¹ Субъектом преступления признается физическое лицо, достигшее 12-летнего возраста. В

¹ См.: Уголовный кодекс Голландии. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-голландии.html> (дата обращения: 27.12.2022).

качестве субъектов уголовного преследования ст. 51 УК Голландии закрепляет юридических лиц, в отношении которых применяется наказание в виде штрафа, в судебном порядке может быть временно приостановлена деятельность юридического лица, возложены обязательства имущественного характера в отношении имущества, денежных средств корпорации¹.

В разд. XXV «Обман» ст. 330 УК Голландии устанавливает ответственность в отношении лица, которое продает, предлагает на продажу или доставляет продукты, напитки или лекарство, при этом знает о фальсификации данной продукции и умалчивает об этом, что влечет наказание в виде тюремного заключения на срок не более трех лет.

Уголовный кодекс Дании, принятый 12 августа 1997 г.², устанавливает уголовную ответственность в отношении физических лиц, достигших возраста 15 лет, а также юридических лиц в виде штрафа. Пункт 1 § 189 гл. 20 «Преступления, вызывающие опасность для общества» предусматривает уголовную ответственность за действия по продаже или распространению в качестве лекарств или профилактических средств товаров, неподходящих для лечения или профилактики, которые потенциально представляют опасность для здоровья или жизни потребителей. За совершение указанного преступления предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком до шести лет. Искомая статья УК Дании в п. 2 устанавливает ответственность за совершение вышеперечисленных преступных деяний, совершенных по небрежности, что влечет наказание в виде простого заключения по стражу (от семи дней до шести месяцев) или в виде штрафа.

Следует обратить внимание на содержание §190, в котором устанавливается уголовная ответственность при возникновении обстоятельств в форме распространения продуктов питания, предметов повседневного пользования, лекарств, средств предупреждения болезней, которые представляют опасность

¹ См.: Нагорная И.И. Уголовная ответственность юридических лиц в Нидерландах, Франции, Великобритании и США: законодательство, доктрина и судебная практика (реферативный обзор) // Государство и право. 2013. № 3. С. 116–117.

² См.: Уголовный кодекс Дании. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-дании.html> (дата обращения: 26.01.2022).

для здоровья или жизни домашних животных. За совершение данного преступления применяется пропорционально более мягкая санкция.

Законодатель Израиля в ст. 338 гл. 4 «Поставление жизни и здоровья в опасность» в Законе об уголовном праве, вступившем в силу 4 августа 1977 г., закрепил ответственность за неосторожные или небрежные деяния в форме продажи, снабжения, передачи, применения лекарства либо отравляющего вещества или опасного вещества, что может подвергнуть в опасность жизнь человека или причинить человеку телесное повреждение. Совершение данного преступления наказывается тюремным заключением сроком на три года.

В качестве субъекта преступления признается физическое лицо в возрасте двенадцати лет. Уголовным законом предусмотрена ответственность корпораций в случае, когда преступление совершено лицом при исполнении своих должностных обязанностей, а также когда преступные деяния совершены в связи с интересами корпорации¹.

Уголовный кодекс Республики Казахстан принят 3 июля 2014 г., вступил в действие с 1 января 2015 г.² Субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Глава 12 «Медицинские уголовные правонарушения» включает ст. 323 «Обращение с фальсифицированными лекарственными средствами или медицинскими изделиями», которая в ч. 1 устанавливает ответственность за производство, изготовление или хранение в целях сбыта, а также применение или сбыт фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, повлекшее тяжкие последствия, что наказывается штрафом в размере до 2 тыс. месячных расчетных показателей, либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до 600 часов, либо ограничением свободы сроком до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок, с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные

¹ См.: Закон об уголовном праве Израиля. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1375279180.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).

² См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 28.12.2022).

должности или заниматься определенной деятельностью сроком до двух лет или без такового.

Часть 2 ст. 323 устанавливает ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 статьи, если они совершены: 1) группой лиц по предварительному сговору; 2) неоднократно; 3) в крупном размере, что наказывается штрафом в размере до 5 тыс. месячных расчетных показателей, либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до 1200 часов, либо ограничением свободы сроком до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет или без такового.

В соответствии с ч. 3 ст. 323 деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 статьи, совершенные преступной группой, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до пяти лет или без такового.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) принят 14 марта 1997 г., вступил в действие 1 октября 1997 г.¹ Субъектом преступления по УК КНР признается лицо, достигшее 16 лет. Одновременно кодекс закрепляет возможность применения штрафных санкций в отношении предприятий или организаций, совершивших преступление, наряду с индивидуальной ответственностью руководителей и должностных лиц организаций (предприятий).

Преступления в области обращения лекарственной и медицинской продукции закреплены в § 1 «Преступления в сфере производства и реализации фальсифицированной и некачественной продукции» гл. 3 «Преступления в сфере экономического порядка социалистического рынка» УК КНР.

¹ См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 24.07.2022).

Статья 141 в п. 1 предусматривает ответственность за совершение деяний в форме производства и реализации поддельных лекарственных средств, представляющих вред для здоровья человека, что наказывается штрафом в сумме от 50 % до 2-кратного размера стоимости реализованных товаров самостоятельно или в совокупности с лишением свободы сроком до трех лет или краткосрочным арестом. Пункт 2 ст. 141 устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом в сумме от 50 % до 2-кратного размера стоимости реализованных товаров за совершение действий, предусмотренных п. 1 статьи, повлекших причинение серьезного вреда здоровью человека. Согласно п. 3 ст. 141 совершение деяний, предусмотренных п. 1 статьи, повлекших причинение особо серьезного вреда здоровью или смерть человека, наказывается лишением свободы на срок свыше десяти лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью и штрафом в сумме от 50 % до 2-кратного размера стоимости реализованных товаров либо конфискацией имущества.

Статья 142 в п. 1 закрепляет ответственность за производство и сбыт некачественных лекарственных средств, опасных для здоровья человека, что наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет в совокупности со штрафом в сумме от 50 % до 2-кратного размера стоимости реализованных товаров. В п. 2 статьи устанавливает ответственность за совершение действий, перечисленных в ч. 1 статьи, причинивших особо тяжкие последствия, что наказывается лишением свободы на срок свыше десяти лет или бессрочным лишением свободы, а также штрафом в сумме от 50 % до 2-кратного размера стоимости реализованных товаров или конфискацией имущества.

Статья 145 в п. 1 устанавливает ответственность за производство и реализацию медицинского оборудования и санитарно-гигиенических материалов медицинского назначения, которые не соответствуют требованиям стандартов качества и представляют серьезную угрозу для здоровья человека, что наказывается лишением свободы сроком до пяти лет, а также штрафом в сумме от 50 % до 2-кратного размера стоимости реализованных товаров. Наступление особо тяжких последствий в соответствии с п. 2 статьи предусматривает

наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет и штрафом в сумме от 50 % до 2-кратного размера стоимости реализованных товаров. Наличие особо отягчающих обстоятельств в соответствии с п. 3 статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или бессрочным лишением свободы и штрафом в сумме от 50 % до 2-кратного размера стоимости реализованных товаров или конфискацией имущества.

Заслуживает внимание законодательный опыт закрепления в ст. 147, 148 УК КНР ответственности за совершение преступлений, связанных с производством и реализацией поддельных, непригодных, утративших эффективность ветеринарных препаратов, а также косметической продукции, не соответствующей санитарным нормам.

Хотелось обратить внимание на ст. 140 УК КНР, в которой закреплены критерии дифференциации ответственности за совершение преступлений по реализации со стороны производителя или продавца фальсифицированной, поддельной, второсортной, некачественной продукции в виде лекарственных средств, медицинского оборудования, санитарно-гигиенических материалов, ветеринарных препаратов, косметической продукции в зависимости от объема реализованных вышеперечисленных предметов.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики принят 28 октября 2021 г., вступил в силу 1 декабря 2021 г.¹ Субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо в возрасте 16 лет.

В разд. VIII «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» содержится гл. 37 «Преступления против здоровья населения», в которой закреплена ст. 294 «Незаконное производство и реализация лекарственных средств».

В соответствии с ч. 1 ст. 294 совершение действий по незаконному производству или реализации лекарственных средств, медицинской техники, профилактических, диагностических, лечебно-косметических изделий, лечебно-

¹ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&doc_id2=36675065#activate_doc=2&pos=340;-84&pos2=2904;-96 (дата обращения: 07.01.2023).

профилактических продуктов или пищевых добавок, причинивших по неосторожности значительный вред, наказывается штрафом от 500 до 1000 расчетных показателей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до одного года. На основании ч. 2 ст. 294 за совершение деяний, указанных в ч. 1 статьи, повлекших по неосторожности отравление людей или иной тяжкий или особо тяжкий вред, предусмотрено наказание в виде штрафа от 1000 до 2000 расчетных показателей или лишение свободы сроком до пяти лет с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью сроком до двух лет.

Уголовный кодекс Республики Молдова принят 18 апреля 2002 г., вступил в действие 12 июня 2003 г.¹ Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. В качестве субъекта преступления по УК Молдовы признается также юридическое лицо, к которому предусмотрено применение штрафа, лишение права заниматься определенной деятельностью, ликвидации.

Статья 214¹ гл. VIII «Преступления против общественного здоровья и общежития» кодекса в ч. 1 устанавливает ответственность за совершение деяний в форме изготовления либо реализации поддельных лекарств, за что предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от 1350 до 2350 условных единиц с лишением или без лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет. В отношении юридического лица налагается штраф в размере от 4000 до 6000 условных единиц с лишением права заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет или без такового.

Часть 2 статьи 214¹ устанавливает ответственность за совершение действий, указанных в ч. 1 статьи, повлекших по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо смерть человека, что наказывается

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=331268&lang=2> (дата обращения: 28.12.2022).

лишением свободы сроком до пяти лет. В отношении юридического лица предусмотрен штраф в размере от 4000 до 6000 условных единиц с лишением права заниматься определенной деятельностью сроком до пяти лет или ликвидация.

Уголовный кодекс Норвегии принят 20 мая 2005 г., вступил в силу 1 октября 2005 г.¹ Субъектом преступления признается физическое лицо в возрасте 15 лет, а также юридическое лицо.

В п. 1 ст. 239 гл. 23 «Охрана здоровья населения и окружающей среды» устанавливается уголовная ответственность за умышленные действия в форме изготовления веществ, обладающих отравляющими свойствами, а также за действия по добавлению этих веществ в пищевую или иную продукцию, предназначенную для общего пользования, а равно за сбыт или иное распространение данных предметов, причиняющих общественную опасность жизни или здоровью, что наказывается лишением свободы сроком до пятнадцати лет. Пункт 2 ст. 239 устанавливает наказание в виде лишения свободы сроком до шести лет за неосторожное совершение деяний, описанных в п. 1 статьи.

Уголовное законодательство Польши представлено *Уголовным кодексом Польши*, принятым 6 июня 1997 г.² Субъектом преступления признается физическое лицо в возрасте 17 лет.

Статья 165 гл. XX «Преступления против общей безопасности» УК Польши в § 1 устанавливает уголовную ответственность за изготовление или ввод в оборот веществ, фармацевтических, продовольственных товаров, иных товаров общего пользования, не отвечающих требованиям качества и представляющих опасность для здоровья и жизни людей и имущества в большом размере, что наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до восьми лет. Совершение действий, предусмотренных § 1 и повлекших причинение тяжелого

¹ См.: Уголовный кодекс Норвегии. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-05-20-28/KAPITTEL_2-8#KAPITTEL_2-8 (дата обращения: 21.07.2022).

² См.: Уголовный кодекс Польши. URL: <http://okpravo.ru/news/уголовный-кодекс-польши.html> (дата обращения: 20.07.2022).

вреда здоровью многих людей или смерть человека, на основании § 3 наказывається лишением свободы на срок от двух до двенадцати лет.

§ 2 устанавливает ответственность за неумышленное совершение действий, указанных в § 1, что наказывається лишением свободы сроком до трех лет. § 4 закрепляет ответственность за неумышленное совершение преступления, указанного в § 2, повлекшего причинение тяжелого вреда здоровью многих людей или смерть человека, что наказывається лишением свободы на срок от шести месяцев до восьми лет.

Уголовное законодательство Республики Сан-Марино представлено Уголовным кодексом, принятым 25 февраля 1974 г. и вступившим в действие 1 января 1975 г.¹ Субъектом преступления в нем признается лицо, достигшее возраста 12 лет и способное осознавать значение деяния и волеизъявления.

Статья 242 криминализирует действия по производству, изготовлению, реализации и ввозу водных растворов, питательных, медицинских веществ или их фальсификатов, представляющих опасность для здоровья человека, что подлежит наказанию в виде тюремного заключения сроком от четырех до десяти лет. В отношении лиц, осуществляющих торговлю вышеперечисленными веществами, дополнительно предусмотрено наказание в форме лишения прав сроком от двух до пяти лет.

Статья 243 закрепляет уголовную ответственность за действия по производству, изготовлению, реализации и ввозу питательных веществ, отличных от водных растворов, питательных и медицинских веществ, представляющих опасность для здоровья человека, что наказывається тюремным заключением сроком от двух до шести лет. В отношении лиц, осуществляющих торговлю вышеперечисленными веществами, дополнительно предусмотрено наказание в форме лишения прав сроком от двух до пяти лет.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyj-kodeks-san-marino.html> (дата обращения: 24.07.2022).

Уголовный кодекс Республики Таджикистан принят 21 мая 1998 г., вступил в силу 1 сентября 1998 г.¹ Субъектом преступления признается физическое лицо в возрасте 16 лет.

Глава 22 «Преступления против здоровья населения» расположена в разд. VII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» и содержит ст. 210(1), которая в ч. 1 устанавливает ответственность за производство, незаконный ввоз, выпуск в обращение некачественных, поддельных и не соответствующих требованиям качества медикаментов, совершенные в крупном размере, что наказывается штрафом в размере от 1000 до 2000 показателей для расчетов или лишением свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет или без такового.

Часть 2 статьи устанавливает ответственность за деяния, совершенные: а) повторно; б) группой лиц по предварительному сговору; в) с использованием служебного положения, что влечет наказание штрафом в размере от 2000 до 4000 показателей для расчетов или лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до пяти лет.

В соответствии с ч. 3 статьи деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 статьи, если они совершены организованной группой, в особо крупных размерах, повлекли по неосторожности смерть человека или другие тяжкие последствия, подлежат наказанию в виде лишения свободы на срок от восьми до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на пять лет.

Уголовный кодекс Таиланда принят 13 ноября 1956 г.² Субъектом уголовной ответственности признается физическое лицо в возрасте 14 лет.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=58;88&pos2=2127;-108 (дата обращения: 29.12.2022).

² См.: Уголовный кодекс Таиланда. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-тайланда.html> (дата обращения: 28.01.2022).

Статья 236 расположена в разд. VI «Преступления, относящиеся к общественной безопасности» УК Таиланда и устанавливает ответственность за совершение действий по подделке и продаже лекарств, продуктов питания, вещей, предназначенных для потребления или использования человеком, если эти действия могут причинить вред здоровью, что наказывается тюремным заключением сроком до трех лет со штрафом в размере до 6 тыс. бат или без такового.

Статья 238 закрепляет квалифицирующие признаки состава преступления ст. 236. В частности, в п. 1 устанавливается наказание в виде пожизненного тюремного заключения или тюремного заключения на срок от пяти до двадцати лет со штрафом в размере от 1 тыс. до 40 тыс. бат за совершение действий, указанных в ст. 236, повлекших смерть человека. Пункт 2 ст. 238 предусматривает наказание в виде тюремного заключения на срок от одного года до десяти лет со штрафом в размере от 2 тыс. до 20 тыс. бат за совершение действий, указанных в ст. 236, причинивших серьезный физический вред другому человеку.

Уголовный кодекс Турции (ТСК, закон № 5237) принят 26 сентября 2004 г., вступил в силу 8 июля 2005 г.¹ Субъектом преступления в нем признается лицо, достигшее возраста 12 лет и обладающее способностью осознавать юридическое значение и последствия совершенного им деяния и направлять свое поведение в связи с этим деянием.

В разделе «Преступления против общества» в гл. 3 «Преступления против общественного здравоохранения» п. 1 ст. 186 кодекса устанавливает ответственность за деяния по продаже, снабжению, владению, хранению всех видов продуктов питания или лекарств, подлежащих употреблению, по внесению в них изменений, что угрожает жизни и здоровью людей. Данное деяние наказывается уголовным штрафом от одного года до пяти лет. Пункт 2 устанавливает ответственность специальных субъектов преступления, совершивших преступление в связи с осуществлением профессиональной

¹ См.: Уголовный кодекс Турции. URL: <https://av-saimincekas.com/ru/законы/ТКК-TURK-уголовное-право/#gsc.tab=0> (дата обращения: 25.07.2022).

деятельности и исполнения искусства на основании официального разрешения, что увеличивает налагаемое наказание на треть.

Статья 187 УК Турции в п. 1 закрепляет наказуемость в отношении лица, которое производит или продает лекарства, которые угрожают жизни и здоровью людей, что влечет наказание в виде тюремного срока от одного года до пяти лет и штрафа. Пункт 2 статьи устанавливает ответственность специальных субъектов преступления, совершивших преступление в рамках выполнения профессии и искусства, выполняемых врачом или фармацевтом или на основании официального разрешения, что увеличивает налагаемое наказание на треть.

Уголовный кодекс Украины принят 5 апреля 2001 г., вступил в силу 1 сентября 2001 г.¹ Субъектами уголовной ответственности признаются физические лица в возрасте 16 лет и юридические лица.

Раздел XIII «Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие уголовные преступления против здоровья населения» УК Украины содержит ст. 321-1, которая в ч. 1 криминализирует действия по приобретению, изготовлению, пересылке, перевозке, хранению с целью сбыта, а равно сбыту заведомо фальсифицированных лекарственных препаратов, что наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

Часть 2 статьи закрепляет квалифицирующие признаки искомого состава преступления путем установления ответственности за совершение действий, предусмотренных ч. 1, совершенных повторно; группой лиц по предварительному сговору; должностным лицом путем злоупотребления служебным положением; медицинским или фармацевтическим работником; посредством информационных систем, в частности Интернет; в крупных размерах, а также если действия привели к длительному расстройству здоровья человека, а равно за производство фальсифицированных лекарственных средств, что наказывается лишением свободы на срок от восьми до десяти лет с лишением права занимать

¹ См.: Уголовный кодекс Украины. URL: <https://urst.com.ua/ru/act/uku> (дата обращения: 25.07.2022).

определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет и с конфискацией имущества.

Часть 3 статьи закрепляет особо квалифицирующие признаки состава преступления в форме установления ответственности за совершение действий, предусмотренных ч. 1 или 2, которые совершены в особо крупных размерах либо повлекли смерть человека или иные тяжкие последствия, что наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества.

Уголовное право Республики Узбекистан представлено Уголовным кодексом (далее – УК РУ), который принят 22 сентября 1994 г. и вступил в действие 1 апреля 1995 г.¹ Субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо в возрасте 16 лет.

Раздел III УК РУ «Преступления в сфере экономики» в гл. XIII «Преступления в сфере хозяйственной деятельности» содержит ст. 186-3, которая в ч. 1 криминализирует производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или сбыт недоброкачественных либо фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, а также сбыт медицинских изделий или лекарственных средств вне аптек и их филиалов, совершенные после применения административного взыскания за такие же действия.

Часть 2 ст. 186-3 устанавливает ответственность за действия, предусмотренные ч. 1 статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору; путем злоупотребления должностным положением; в крупном размере; повторно или опасным рецидивистом; посредством подделки документов государственной регистрации и качества лекарственных средств или медицинских изделий, повлекшие средней тяжести или тяжкое телесное повреждение, что наказывается лишением свободы от пяти до восьми лет. Часть 3 статьи закрепляет ответственность за действия, предусмотренные ч. 1, совершенные в особо

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=256;-90&pos2=2165;-100 (дата обращения: 29.12.2022).

крупном размере, организованной группой, повлекшие смерть человека, что наказывается лишением свободы от восьми до десяти лет. Часть 4 статьи устанавливает ответственность за действия, предусмотренные ч. 1, повлекшие человеческие жертвы, иные тяжкие последствия, что наказывается лишением свободы от десяти до пятнадцати лет.

Часть 5 ст. 186-3 УК РУ криминализирует нарушение порядка розничной реализации по рецепту лекарственных средств, содержащих сильнодействующие вещества, совершенное после применения административного взыскания за такое же действие или в крупном размере, что наказывается штрафом от 100 до 300 базовых расчетных величин, или исправительными работами до трех лет, или ограничением свободы от двух до пяти лет, либо лишением свободы до пяти лет.

Источником уголовного законодательства Швеции является *Уголовный кодекс Швеции*, который принят в 1962 г., вступил в силу 1 января 1965 г.¹ Субъектом преступления признается лицо, достигшее возраста 15 лет. УК Швеции предусматривает корпоративную ответственность, заключающуюся в уголовной ответственности физических лиц – представителей коммерческих организаций ответственности в форме корпоративного штрафа за совершение преступлений в коммерческой сфере.

Уголовная ответственность в области обеспечения безопасности жизни и здоровья человека предусмотрена ст. 7, которая расположена в гл. 13 «О преступлениях, представляющих общественную опасность». Предмет преступного посягательства законодательно не детализирован, закрепляется общее понятие – пища, вода и иные предметы. Законодатель в п. 1 статьи устанавливает ответственность за создание опасных условий для здоровья и жизни человека в форме отравления пищи, воды, иных предметов, а также путем их распространения, передачи. Уголовное наказание за совершение данного деяния предусмотрено до шести лет тюремного заключения.

¹ См.: Уголовный кодекс Швеции. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-швеции.html> (дата обращения: 29.01.2022).

В соответствии с п. 2 ст. 7 УК Швеции предусматривается квалифицированный состав данного преступления в случае признания деяния тяжким, что влечет наказание в виде тюремного заключения на срок от четырех до десяти лет или пожизненно. В ст. 6 законодатель при определении тяжести совершенного преступления указывает на необходимость установления обстоятельств совершения деяния, которые привели к смертельной опасности, к причинению тяжкого телесного повреждения или серьезному заболеванию, или иным образом при совершении преступления была проявлена особая безжалостность или жестокость.

Ст. 9 УК Швеции за неосторожное совершение деяний, предусмотренных ст. 7, устанавливает уголовную ответственность в форме штрафа или тюремного наказания сроком до двух лет. В ст. 11 кодекса закреплено основание назначения менее строгого наказания в случае предотвращения правонарушителем опасности или преступных последствий совершенного деяния.

Пенитенциарный кодекс Эстонии принят 6 июня 2001 г., вступил в силу 1 сентября 2002 г.¹ Субъектом уголовной ответственности признается физическое вменяемое лицо в возрасте 14 лет. Юридические лица также несут уголовную ответственность. Глава 12 кодекса «Виновные деяния против здоровья населения» в разд. 3 «Виновные деяния, связанные с лекарственными средствами и допингом» содержит ст. 194 «Незаконный оборот лекарственных средств».

В соответствии со ст. 194 совершение действий по незаконному перемещению лекарственного средства через государственную границу с целью передачи, по производству, изготовлению, сбыту, приобретению или посредничеству в приобретении фальсифицированных лекарственных средств, или по владению ими с целью передачи, если отсутствуют составы виновных деяний, установленных ст. 183–185 кодекса, подлежит денежному взысканию или тюремному заключению сроком до трех лет. Совершение юридическим лицом аналогичного преступления влечет наказание в виде денежного взыскания.

¹ См.: Пенитенциарный кодекс Эстонии. URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ%20КОДЕКС%2022.07.2022.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

Рассмотрев уголовно-правовые нормы, устанавливающие преступность и наказуемость деяний в сфере обращения фармацевтической продукции в уголовном законодательстве ряда современных государств, следует отметить позитивные стороны в части формирования уголовно-правовых предписаний в исследуемой области.

Во-первых, обращает внимание размещение искомых норм в различных разделах, главах соответствующих национальных уголовных законов. Преступления в сфере обращения фармацевтической продукции в одних государствах законодатель относит к категории экономических преступлений (Азербайджан, Грузия, Китай, Узбекистан), в других – к преступлениям в сфере общественной безопасности (Албания, Дания, Польша, Таиланд, Швеция). Выделяются государства, где рассматриваемые деяния отнесены к преступлениям против здоровья населения или общественного здоровья (Армения, Аргентина, Беларусь, Кыргызстан, Сан-Марино, Украина). Законодатель Израиля относит деяние к преступлениям против жизни и здоровья. Особое внимание заслуживает законодательная практика Республики Казахстан, где исследуемый состав преступления размещен в главе «Медицинские уголовные правонарушения», в Пенитенциарном кодексе Эстонии искомый состав преступления размещен в разд. 3 «Виновные деяния, связанные с лекарственными средствами и допингом».

Во-вторых, законодатель разнохарактерно описывает предмет преступного посягательства. В частности, законодателями некоторых государств применяются общие понятия предмета преступления: фальсифицированная вещь, продукция, вода, пища (Грузия, Дания, Норвегия). В большинстве уголовных законов в качестве предмета указываются лекарства, лекарственные средства, которые характеризуются как фальсифицированные (Голландия, Эстония, Украина), поддельные (Молдова, Таиланд), опасные (Аргентина, Голландия, Дания, Израиль), измененные (Турция), некачественные (Азербайджан). В ряде кодификаций употребляется общее понятие, связанное с медицинской сферой: фармацевтические средства, опасные для жизни и здоровья (Польша), вещества, используемые в медицине (Сан-Марино), некачественные и поддельные

медикаменты (Таджикистан). В отдельных уголовных законах предмет посягательства указан подробно, включая поддельные или фальсифицированные медицинские изделия или лекарственные средства (Албания, Азербайджан, Армения, Казахстан, Узбекистан). Обращает внимания закрепление в качестве предмета преступления незарегистрированных лекарственных средств (Азербайджан, Беларусь), косметической продукции (Китай, Кыргызстан), ветеринарных препаратов (Дания, Китай), лечебно-профилактического питания и пищевых добавок (Кыргызстан).

В-третьих, в описании компонентов объективной стороны преступления законодатель в большинстве уголовных законов криминализирует деяния по производству и реализации фальсификата, законодательство некоторых государств преступность действий сводит лишь к реализации продукции, в ряде уголовных законов в качестве преступных закреплены действия по ввозу, хранению с целью сбыта. Заслуживает положительной оценки регламентация преступных деяний в УК Украины (изготовление, пересылка, приобретение, перевозка, хранение с целью сбыта или сбыт), УК Республики Узбекистан (производство, приобретение, изготовление, перевозка, хранение в целях сбыта или сбыт), УК Республики Казахстан (производство, изготовление или хранение в целях сбыта, а равно сбыт или применение), УК Республики Беларусь (производство, ввоз и (или) хранение в целях сбыта либо сбыт).

В-четвертых, в соответствии с рекомендациями Конвенции «Медикрим» в законодательстве большинства государств в качестве квалифицирующего признака закреплен факт повторного или неоднократного совершения преступления. Также следует отметить, что законодатель Республики Узбекистан использовал признак административной преюдиции, что, несомненно, представляет интерес для современного уголовного законодательства.

В-пятых, заслуживает высокой оценки включение в уголовные законы ряда квалифицирующих признаков, а именно: совершение преступления специальным субъектом (Аргентина, Китай, Сан-Марино, Таджикистан, Турция, Украина,

Узбекистан), совершение преступления посредством информационно-коммуникационных систем, в частности сети Интернет (Албания, Украина).

Проведя краткий дайджест-анализ уголовного законодательства ряда государств, регламентирующего ответственность за фармацевтические преступления, следует отметить продуктивные тенденции в развитии современных национальных уголовных систем. Использование законодателями передовых законодательных достижений в формировании уголовных законов, объективно отвечающих современным вехам развития общества и государства, является гарантом успешного решения задач борьбы с преступностью на фармацевтическом рынке мирового сообщества.

Глава 2. Использование возможностей законодательной техники при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ

2.1. Понятие, приемы и средства законодательной техники в уголовном праве

В теории права законодательная техника понимается как составная часть юридической техники, состоящая из совокупности средств, приемов, правил, используемых в процессе подготовки, формирования и обнародования правовых предписаний в целях достижения оптимального правового регулирования общественных отношений¹. В юридической науке существуют различные взгляды на содержание и соотношение категорий «юридическая техника» и «законодательная техника».

Одна часть научных взглядов сводится к различию рассматриваемых категорий, что более присуще странам романо-германской правовой семьи, другая часть взглядов проводит отождествление данных категорий, в частности в странах с англо-саксонской системой права, где юридическая техника как категория присуща всем стадиям законотворческого процесса. В рассматриваемом контексте очевидно, что исследователи романо-германской системы права к понятию «юридическая техника» и «законодательная техника» подходят более комплексно, разграничивая в практической плоскости данные категории. Наряду с существующим правовым дуализмом в трактовке понятий «юридическая техника» и «законодательная техника» сущность юридической техники исследователи права понимают по-разному в зависимости от восприятия и оценки категорий «техника» и «право»².

¹ См.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (1982–1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 14.

² См.: Муромцев Г.И. Юридическая техника: Некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 30–31.

Данные категории выступают критериями разделения двух подходов к пониманию места и сущности такого комплексного правового явления, как юридическая техника. Первый подход определяет место юридической техники в основе права и всех стадий правообразования¹, в соответствии со вторым подходом роль юридической техники проявляется только в законодательной сфере права².

В действительности первый подход к пониманию роли и сущности юридической техники в системе права является более приемлемым, что подкрепляется рядом обстоятельств.

Во-первых, использование достижений науки на всех стадиях правотворчества объективно необходимо, так как это является инструментом разрешения коллизий и преодоления пробелов в действующем законодательстве, средством повышения уровня качества и степени разработанности нормативно-правовых актов, что в целом способствует универсальной способности и возможности норм права единообразно осуществлять регулятивную функцию общественных отношений.

Во-вторых, неформальные способы и средства юридической техники способствуют толкованию и реализации нормативно-правового акта или нормы права, определяя смысл волеизъявлений, заложенных законотворцем в тот или иной нормативно-правовой акт или норму права.

В-третьих, в странах романо-германской правовой семьи ранее принятое решение по тому или иному казусу способствует правильному и единообразному применению положений нормативно-правового акта в последующем. В практике толкования законодательства и правоприменительной деятельности охранительных органов, органов судебной власти на территории РФ значительную роль выполняют разъяснения Верховного Суда РФ.

Очевидно, что юридическая техника и техника законодательная сопоставляются как общее и составное: законодательная техника выступает

¹ См.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (1982–1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 15.

² См.: Желдыбина Т.А. Законотворчество в России: эволюция и современность : моногр. М., 2015. С. 5.

компонентом юридической техники и мыслится как система научно обоснованных и практически сложившихся средств и способов, используемых при создании, подготовке и оформлении законов¹.

По мнению Л.Л. Кругликова, юридическая техника по сущности значительно шире понятия законодательной в отношении области и предмета применения, является родовым понятием, включающим видовые элементы, такие как законодательная, интерпретационная, правоприменительная техника, которые имеют исключительные правовые очертания².

Ф. Жени и Р. Иеринг характеризуют юридическую технику в роли инструмента перемещения социальных притязаний в правовую плоскость, построения норм, обязательных для обеспечения правопорядка в обществе³.

Указанное соотношение юридической техники как техники в широком понимании, используемой в сфере права, по мнению П.Ю. Каратаева, предполагает наличие в структуре юридической техники нескольких ее подвидов: техники общего значения, законодательной техники, техники подзаконных нормативно-правовых актов, техники правоприменения, толкования, техники судебной речи, техники юридического письма и т. д.⁴

В.Н. Карташов в понятие техники юридической включает многообразный инструментарий юридической практики, используемый для реализации задач прикладного характера, к которому относятся общесоциальные (термины, цифры, буквы, нормы), специально-правовые (правовые явления, нормативные предписания, правовые запреты, юридические конструкции) и технологические (оргтехника, компьютеры) средства⁵.

С точки зрения В.М. Баранова, юридическая техника понимается как процесс перевода правовых идей в содержательную плоскость, а также как совокупность средств, способов и правил, применяемых для создания и

¹ См.: Лызлов Д.Н., Картухин В.Ю. Юридическая техника : учеб. пособие. М., 2009. С. 7.

² См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 10.

³ См.: Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С. 106.

⁴ См.: Каратаев П.Ю. Законодательная техника: некоторые теоретические вопросы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 6 (257). С. 140.

⁵ См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника : учеб. М., 2007. С. 78.

формирования нормативно-правовых актов, интерпретационных, правоприменительных и иных актов¹.

«Юридическая техника, – писал В.К. Бабаев, – представляет совокупность средств, способов и правил создания, оформления и обнародования нормативно-правовых актов»².

Из вышесказанного следует, что юридическая техника выступает как совокупность правил, приемов (способов и методов) и средств, полученных в процессе научного познания, нормотворчества и правоприменения, которые используются полномочными органами власти и лицами в процессе реализации юридической воли в правотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности³.

Указанные формы проявления юридической техники, выделенные по критерию формы реализации юридической воли соответствующего субъекта, являются основополагающими и системообразующими разновидностями юридической техники⁴.

Остановимся более подробно на составном элементе юридической техники – законодательной технике.

Законодательную технику следует понимать в качестве неотъемлемого компонента техники, используемого в правотворчестве средства для конструирования совершенных по форме и содержанию нормативно-правовых установок⁵. Законодательную технику необходимо рассматривать в трех проекциях: законодательная техника как наука, законодательная техника как прикладная, практическая сфера деятельности, законодательная техника как совокупность научной составляющей и практической сферы деятельности.

¹ См.: Кузнецов А.П., Бокова И.Н. Методологические основы юридической техники в современном уголовном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 298.

² Бабаев В.К. Теория современного советского права : фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород, 1991. С. 76.

³ См.: Соловьев О.Г. К вопросу о юридической технике в теории права: понятие, виды, значение // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2002. С. 30.

⁴ См.: Лапшин В.Ф. Юридическая и законодательная техника: вопросы соотношения и применения в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 90.

⁵ См.: Миренский Б.А. Законодательная техника и проблемы уголовного права // Советское государство и право. 1986. № 12. С. 106.

Позицию сторонников научного подхода к рассмотрению категории законодательной техники поддерживает Л. Успенский, по мнению которого законодательная техника состоит из общей теории права¹.

Сторонники практического назначения, в частности Л.М. Бойко, рассматривают феномен законодательной техники как чисто технические моменты подготовки проектов нормативных актов, то есть все, что касается методики составления правовых актов, их оформления².

Аналогичной точки зрения придерживается А.Ф. Черданцев, который рассматривает законодательную технику как совокупность правил, приемов, средств и способов подготовки, составления и оформления нормативно-правовых актов³.

Р. Книпер и В. Назарян дают следующее ее определение: законодательная техника – система теоретически осмысленных и обоснованных правил, способов, методов и приемов разработки, наиболее совершенных по своей форме и структуре проектов законов и других нормативно-правовых актов, характеризующая правотворческую деятельность, которая обеспечивает точное и полное соответствие изложения положений, исчерпывающий охват регулируемой сферы в нормативном акте, ясность и доступность правового материала⁴.

По мнению С.С. Алексеева, законодательная техника понимается как средства и способы, применяемые в рамках установленных правил, используемых в соответствии с правилами в процессе формирования и системного построения нормативно-правовых актов⁵. Законодательная техника, по мнению ряда исследователей, рассматривается как цельное образование, включающее в себя принципы, средства, приемы и правила формирования как нормативно-правовых актов, так и обособленных правовых норм⁶.

¹ См.: Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927. С. IV.

² См.: Бойко Л.М. Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества. Ташкент, 1988. С. 10.

³ См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М., 1999. С. 367.

⁴ См.: Книпер Р., Назарян В. Очерки к проблеме законодательной техники. Эшборн, 1999. С. 200.

⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М., 1982. Т. II. С. 267.

⁶ См.: Кузнецов А.П., Бокова И.Н. Методологические основы юридической техники в современном уголовном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 301.

Я.И. Семенов рассматривал законодательную технику как исторически обусловленную, доктринально обоснованную и проверенную практикой совокупность правотворческих правил, используемых законодателем в процессе создания кодексов, законов или составных частей нормативно-правового акта. По мнению автора, законодательная техника включает в себя следующие элементы: правила, построения закона вообще, построения диспозиций и санкций, языка, стиля и терминологии¹.

Ю.А. Тихомиров законодательную технику видит как свод правил, применяемых законотворцем для структурно-логического и нормативно-познавательного конструирования правовой материи и формирования текста закона².

По мнению Л.Л. Кругликова, законодательная техника представляет систему средств, приемов и правил, применяемых для оформления нормативного содержания нормы в соответствующую оболочку³.

А.В. Иванчин мыслит законодательную технику как систему средств, приемов и правил, используемых для оптимального выражения воли законотворца в уголовном законодательстве⁴.

Проанализировав вышеприведенные мнения относительно сущности законодательной техники, следует выделить компоненты понятия законодательной техники:

1) выражение воли законодателя через языковые, логические, технико-юридические приемы, то есть посредством терминологии, символов, юридических конструкций, презумпций;

2) формирование и выражение идеи законодателя в статьях нормативно-правового акта посредством различных форм оптимального изложения законодательного материала;

¹ См.: Семенов Я.И. Законодательная техника как инструмент совершенствования законодательства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13 (68-1). С. 165.

² См.: Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 110–116.

³ См.: Кругликов Л.Л. О понятии законодательной техники // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2005. № 1. С. 259.

⁴ См.: Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 28.

3) структурное построение нормативно-правовых актов и норм права посредством закрепления обязательных элементов в структуре нормы права и в структуре нормативно-правового акта;

4) законодательное закрепление процедуры принятия нормативно-правового акта в форме обязательного прохождения законопроекта через определенные стадии законотворческого процесса;

5) законодательное закрепление процедуры обнародования и вступления в законную силу нормативно-правового акта;

6) систематизация законодательства в форме консолидации, инкорпорации, кодификации нормативно-правовых актов и норм права.

На наш взгляд, наиболее полное значение в теории права категории «законодательная техника» заключается в следующих формулировках: законодательная техника – это совокупность теоретически обоснованных и обусловленных правотворческой практикой средств, приемов и правил построения безупречных по форме и содержанию действенных правовых установок, доступных и лаконичных, способных обеспечить эффективную реализацию правовых норм в социальных процессах¹; законодательная техника – система средств, приемов и правил формирования нормативно-правовых установок, предназначенных для полного и точного соответствия формы нормативных предписаний воле законодателя, обзримость, доступность нормативного материала, всесторонний охват регулируемых вопросов, внутреннюю согласованность и непротиворечивость системы законодательства².

В юридической науке при характеристике категории «законодательная техника» прежде всего обращает на себя внимание дуализм в понимании – в наличии широкого и узкого подхода к восприятию исследуемой категории. Французский теоретик П. Сандевуар рассматривает законодательную технику в широком смысле как совокупность средств и методов, с помощью которых цели государственных органов укладываются в русло правовых норм и достигаются

¹ См.: Бошно С.В. Правоведение: основы государства и права : учеб. для академ. бакалавриата. М., 2014. С. 188.

² См.: Орехова Н.Л. Нормотворчество. Хабаровск, 2008. С. 56.

путем действенного их исполнения, и в узком смысле как условия использования языка и структуры юридических рассуждений, а также технических средств и правил¹.

С точки зрения широкого подхода под категорией «законодательная техника» подразумевается не только выработка нормативного содержания нормы права или нормативно-правового акта, но и подготовка законопроекта, рассмотрение в соответствующих комитетах законодательного органа, согласование законопроекта с профильными ведомствами, получение соответствующих одобрений или отклонений проектов нормативно-правовых актов, рассмотрение законопроектов в соответствующих чтениях. В содержание законодательной техники включается правотворческий процесс, содержащий фазу зарождения законопроекта, стадии рассмотрения, обсуждения, согласования, доработки законопроекта и, соответственно, этап подписания соответствующим государственным должностным лицом (применительно к РФ – Президентом РФ) законопроекта, прошедшего все стадии в законодательном органе, и конечная ступень – это обнародование и вступление в законную силу закона.

Исходя из приведенной широкой трактовки законодательной техники, можно сделать вывод, что правильная организация деятельности по созданию проектов законодательных актов, процессуальные формы по рассмотрению, принятию и обнародованию имеют, безусловно, высокое значение в нормотворчестве, но фактического влияния на формирование правовых установок не имеют².

Широкий подход к пониманию сущности законодательной техники фактически размывает границы законодательной техники с процессом правообразования, нормотворчества, со стадиями создания нормативно-правовых актов; фактически законодательная техника, по мнению ряда теоретиков права, отождествляется с теорией правотворчества. Вряд ли можно вести речь о тождестве, так как теория правотворчества не ограничивается техническими,

¹ См.: Сандеуар П. Введение в право. М., 1994. С. 135.

² См.: Иванчин А.В. Дискуссионные вопросы понимания законодательной техники (в сфере уголовного правотворчества) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 4. С. 19.

процедурными аспектами, но тенденция включения в содержание законодательной техники практически всех компонентов правотворчества, характерная для широкого подхода в понимании, действительно верная.

Сторонники узкого подхода к пониманию законодательной техники исходят из концептуальных положений, в соответствии с которыми законодательная техника сводится к совокупности приемов, средств, способов, используемых в процессе разработки нормативно-правовых предписаний с целью обеспечения их совершенства, заключающегося в способности норм права или нормативно-правовых актов в полной мере осуществлять регулятивное воздействие на круг вопросов, для разрешения которых они и предназначены. Узкий подход к пониманию законодательной техники рассматривает ее как совокупность технических средств и приемов, с помощью которых осуществляется внешнее оформление права в форме структурного построения правовых норм и права в целом. Данная позиция заключается в принадлежности законодательной техники только к формальной внешней стороне права, минуя ее содержательную, то есть материальную сторону права.

Обосновывая свое мнение, сторонники узкой сущности законодательной техники утверждают, что материальная сущность права не относится к технической стороне права, что из структуры правовой техники необходимо исключить содержательную сторону права.

По мнению А.В. Иванчина, к процессу формирования существа правового предписания законодательная техника не имеет отношения, а непосредственно задействована в процедуре насыщения права содержанием¹. Непосредственно законодательная техника осуществляет функцию оформления содержания правовой нормы, также посредством законодательной техники осуществляется возведение в ранг закона воли государственной власти. Сформированный посредством законодательных процедур закон должен реально отражать содержание правовой нормы и одновременно объективно воплощать волю

¹ См.: Иванчин А.В. Законодательная техника в уголовном правотворчестве (понятие и структура) // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 124.

правотворца. В практической плоскости функционирования законодательной техники возникает проблемный вопрос об оптимальном одновременном устойчивом сосуществовании воли государства и правового содержания. Именно законодательная техника призвана обеспечить баланс воли правотворца и содержания права, которые соотносятся между собой как содержание и форма. Именно в законотворческом процессе правовое содержание выступает формой воли законодателя – происходит переход законодательной воли в содержание правовой нормы¹. Правотворчество предназначено для изучения и анализа правовых потребностей социума и государства, создания и принятия нормативных актов полномочными субъектами в рамках соответствующих процедур².

В практической плоскости законодательную технику следует рассматривать в единстве с моральными условиями жизнедеятельности общества и государства в тот или иной исторический период, что обуславливает тождество правовых норм к протекающим социальным процессам. Указанное обстоятельство определяет эффективность применения правовых предписаний, что в первую очередь зависит от уровня технического совершенства используемой нормы права в контексте ее соответствия фактическим социальным процессам.

Фактическое предназначение законодательной техники состоит в создании совершенных действенных живых правовых предписаний, способных эффективно осуществлять правовое воздействие на общественные отношения в жизнедеятельности личности, общества и государства³. На самом деле, нередки в правоприменительной практике ситуации, когда совершенные с точки зрения юридической конструкции нормы права фактически являются бессильными, мертвыми в части возможности правового воздействия на общественные

¹ См.: Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 36.

² См.: Общая теория государства и права : академ. курс : в 2 т. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2: Теория права / д-ра юрид. наук, проф. Борисов В. В., Гранат И. Л., Гревцов Ю. И. и др. С. 157; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учеб. М., 2004. С. 231.

³ См.: Танцюра В.С., Санташов А.Л. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ: вопросы законодательной техники // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников IV Международ. пенитенциар. форума (к 140-летию уголов.-исполн. системы России и 85-летию Акад. ФСИН России) / отв. ред. А. А. Рудый : в 10 т. Рязань, 2019. Т. 2. С. 266.

отношения, для регуляции которых данные нормы права изначально были созданы законотворцем. Можно до бесконечности модернизировать действующие нормы уголовного законодательства, доводя их до высокого технического уровня, но на самом деле в практической плоскости применения данных «совершенных» норм уголовного закона фактической эффективности их правоприменения достигнуто не будет. В данном случае возникает угроза действия норм уголовного закона, которые объективно не будут соответствовать и отвечать моральным устоям, сложившимся в обществе на определенном этапе исторического развития. В действительности следует рассматривать категорию «право» в единстве понятий формы и содержания. Содержание от формы отделимо лишь теоретически, в реальности они не могут существовать отдельно¹.

Вышеперечисленные признаки категории «законодательная техника» имеют общеправовое применение и присущи всем отраслям права, в том числе уголовному. В уголовном праве понимание законодательной техники заключается в совокупности приемов и средств, с помощью которых законодатель вкладывает смысл в структуру нормы уголовного права, формулируя содержание гипотезы, диспозиции и санкции. В данном случае, рассматривая форму и содержание норм уголовного законодательства, необходимо обратить внимание на сущностные составляющие уголовного права как отрасли законодательства.

Теоретики науки уголовного права выделяют в структуре уголовного права внутреннюю и внешнюю составляющую. Внешняя форма уголовного права представляет собой структурное построение норм уголовного права и их выражение посредством языковых средств, внутренняя форма уголовного права характеризуется наличием первичных субстанций – норм уголовного права, которые сгруппированы по тем или иным критериям в относительно самостоятельные правовые общности: институты, подотрасли, отрасли. «Создание права происходит в единстве содержания и формы»². Фактически законодательная

¹ См.: Иванчин А.В. Дискуссионные вопросы понимания законодательной техники (в сфере уголовного правотворчества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 4. С. 20.

² См.: Ушаков А.А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Ученые записки Пермского государственного университета. 1966. № 147. С. 136.

техника в процессе правообразования осуществляет внешнее оформление права как результата волеизъявления законодателя, используя технические средства (юридические понятия, термины, юридические конструкции, презумпции, юридические фикции и символы) и способы (структуризация, логическое изложение, языковое выражение, обобщенность). В определение сущностных характеристик права законодательная техника не вовлечена, «к таким, сущностным, аспектам законодательная техника безразлична»¹.

Законодательная техника уголовного закона отделена от законодательной воли правотворца, которая является элементом права, определяет сущность права в зависимости от объективных условий и обстоятельств жизнедеятельности общества и государства в определенном периоде исторического существования. Фактически законодательная техника в уголовном правотворчестве осуществляет закрепление внешней и внутренней форм уголовного законодательства. Таким образом, законодательная техника в уголовном праве выступает в контексте оформления права в двух аспектах: внешняя законодательная техника, внутренняя законодательная техника.

Внешняя законодательная техника отражает процесс внешнего оформления правовых предписаний², регламентирует законодательную процедуру³, решает вопросы организации правотворческой деятельности⁴. Внутренняя законодательная техника непосредственно содержит приемы законодательной техники, характеризует аспекты механизма образования содержания и структуры уголовного права, отражает вопросы, непосредственно связанные с результатом правотворческой деятельности⁵. В силу данного обстоятельства законодательная техника содержит правовой

¹ См.: Иванчин А.В. Законодательная техника в уголовном правотворчестве (понятие и структура) // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 125.

² См.: Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 10–11.

³ См.: Кузнецов А.П., Бокова И.Н. Методологические основы юридической техники в современном уголовном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 300.

⁴ См.: Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского государственного университета. 1961. Т. 19, вып. 5. С. 81–83.

⁵ См.: Кузнецов А.П., Бокова И.Н. Методологические основы юридической техники в современном уголовном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 300.

инструментарий для создания как внешней формы, так и содержания и структуры права¹.

Характеризуя понятие законодательной техники, следует рассмотреть ее элементы, к которым относятся средства, приемы (способы, методы) и правила законодательной техники. В правовой действительности предметный круг элементов законодательной техники (средств, приемов и правил) достаточно обширен, поэтому не представляется возможным охарактеризовать весь спектр правовых инструментов. К компонентам законодательной техники относятся все мыслимые средства, приемы и правила научного познания, включая богатый логический инструментарий, всевозможные способы и средства организации и проработки правового содержания, отработанные в ходе многочисленных кодификаций инструменты и методы «доводки» содержания права до «кондиции»².

В частности, рассматривая категории «средства» и «приемы», необходимо четко разграничивать значение данных понятий. При этом под средствами мыслятся предусмотренные правом явления и предметы, благодаря которым производится достижение ожидаемых результатов и установленных целей³. В качестве приемов понимается совокупность способов, с помощью которых реализуются средства законодательной техники в процессе конструирования правового предписания, прием отражает процесс использования технического средства⁴. Правила законодательной техники рассматриваются в качестве технико-правовых норм, используемых в отдельных аспектах правотворческой и правоприменительной техник, отражающих применение технических средств и приемов, что реализуется во внешней форме⁵.

¹ См.: Иванчин А.В. Еще раз к вопросу о понятии законодательной техники (на примере уголовного права) // Юридическая гносеология. 2016. № 2. С. 75.

² См.: Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества : моногр. Рязань, 2014. С. 59.

³ См.: Лызлов Д.Н., Картухин В.Ю. Юридическая техника : учеб. пособие. М., 2009. С. 11.

⁴ См.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (1982–1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 12.

⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М., 1982. Т. II. С. 271.

Средства законодательной техники выступают в качестве инструментов правовой технологии, с помощью которых удовлетворяются потребности субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей¹. В качестве средств законодательной техники выделяют понятия, термины, юридические конструкции, перечисления, преюдиции, презумпции, символы, аксиомы и фикции. Рассмотрим их подробнее.

Категория «понятие» представляет собой форму мышления, отражающую существенные свойства связи и отношения предметов и явлений². Юридическое понятие является средством законодательной техники, в котором закреплены наиболее существенные признаки объективных правовых явлений в обобщенном виде, что представляется юридически значимым. Например, понятие «хищение» имеет обобщенное значение по отношению к категориям «мошенничество», «присвоение или растрата», являющимся формами хищения.

Категория «термин» характеризуется в форме слова или словосочетания, которое не только используется в законодательстве, но и обозначает юридическое понятие, является его обобщенным наименованием, имеет точно определенное содержание, отличается функциональной устойчивостью, выражает и закрепляет содержание нормативно-правовых предписаний государства³. В сфере правотворчества термин предназначен для описания наиболее типичных существенных свойств юридического понятия в точно очерченных категориальных границах, не допускается применение термина для описания разных по объему и содержанию понятий⁴.

Юридическая конструкция представляет способ конструктивного размещения правовой материи, что предполагает логическую консолидацию элементов правового статуса (права, обязанности, ответственность) субъектов

¹ См.: Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М.Н. Марченко. М., 1999. С. 326.

² См.: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации: проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород. 2000. С. 24.

³ См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2003. С. 695.

⁴ См.: Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии : науч.-практ. пособие / отв. ред. Р. Ф. Васильев. М., 2000. С. 103.

правоотношений¹. «Юридическая конструкция, – писал С.С. Алексеев, – выступает определенного рода формой, которая потенциально предназначена для наполнения правовым материалом»². С точки зрения А.Ф. Черданцева, юридическая конструкции является идеальным образом, отображающим конструкцию общественных отношений, урегулированных нормами права³.

А.В. Иванчин под юридической конструкцией мыслит средство законодательной техники в форме обобщенной структурной модели всех преступлений, определенную совокупность компонентов которой законодатель наполняет юридически значимой информацией, регламентируя тем самым в законодательстве соответствующий состав преступления⁴. В качестве примера юридической конструкции в уголовном законе РФ следует выделить конструкцию, включающую нормы, закрепляющие основания освобождения от уголовного наказания.

В доктрине уголовного права вопрос о существовании юридических презумпций является спорным, но многие ученые предназначение презумпций сводят к формированию умозаключений, имеющих практическое и юридическое значение, на основании инициированного предположения о тех или иных социальных явлениях. Так, презумпция знания уголовного закона предполагает осведомленность неограниченного круга в отношении действующих уголовно-правовых запретов, что имеет как доктринальное, так и практическое значение⁵. Правовая презумпция – это закрепленное в нормах права предположение, выступающее в качестве предпосылки установления (неустановления) одного юридического факта при наличии других, а в некоторых случаях заменяющее

¹ См.: Большой юридический словарь / авт.-сост. В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова ; под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1998. С. 781.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М., 1982. Т. II. С. 276.

³ См.: Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 15.

⁴ См.: Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 137.

⁵ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 52.

юридический факт, влекущий за собой определенные материально-правовые последствия¹.

В качестве средств законодательной техники выделяются правовые аксиомы, выступающие в роли нравственных постулатов, абсолютно правдоподобных и не опровергаемых, которые выступают первоосновой правовых предписаний². В рамках правоприменения аксиомы не нуждаются в доказательстве и не допускают разнотолков, оказывают благоприятное влияние на оптимизацию процесса правового регулирования, способствуют обеспечению преемственности в праве. Пример аксиомы в уголовной праве: «Все равны перед законом и судом».

Юридическая фикция как прием законодательной техники используется в ситуациях, когда иные приемы законодательной техники не могут обеспечить достижения необходимого правового результата, например, в признании истинным того или иного события, которое в реальности не имело место, что говорит о свойстве неистинности фикций, в отличие от презумпции, основанной на предположении обстоятельств. По мнению К.К. Панько, фикция представляет императивную установку объективного права, посредством которой несуществующее явление неоспоримо признается сущим и обратно, является средством преодоления несоответствия буквы закона фактической социальной потребности в процессе правотворчества и правоприменения³.

Роль фикций состоит в том, что при признании несуществующего существующим и обратно проходит процесс минимизации процессуальных издержек от пробелов в праве, избавляя от избыточной формализации общественных отношений, что в целом способствует всесторонней оптимизации нормативной материи, преодолению неопределенности в правовом регулировании и экономии юридических средств⁴. Примером фикции служит положение ч. 5

¹ См.: Кучур Н.Ф. Презумпции в советском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 6–7; Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства : учеб. пособие. М., 2001. С. 212.

² См.: Пухтий Е.Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 15.

³ См.: Зражевская Т. Д. Юридическая техника: обзор материалов научно-методического семинара // Государство и право. 2000. № 12. С. 92.

⁴ См.: Санташов А.Л., Танцюра В.С., Мухтарова Е.А. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 3. С. 357.

ст. 86 УК: «Если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, а также возместил вред, причиненный преступлением, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения судимости».

В качестве средств законодательной техники выделяются правовые идиомы, которые воплощаются в юридических образах, предназначение которых общепонятно в результате широкого распространения. Правовые идиомы (фразеологизмы) в нормативно-правовых актах выполняют организационную и смысловую функцию, формируют у субъекта необходимое восприятие смысла текста, побуждают к действию, способствуют формированию правовой позиции у субъекта, обозначают познаваемые сознанием индивида мыслимые предметы, события, действия, эмоции, переживания¹. В юридической деятельности идиомы используются для обозначения предметов и объектов, отражающих специфику профессиональной деятельности, например: организованная группа, эксцесс исполнителя, презумпция невиновности, конфискация имущества, преюдиция и т. д. Правовые идиомы являются первостепенным структурно-семантическим элементом юридического дискурса, на их основе формируется корпус внешней и внутренней институциональной коммуникации, определяются установки и нормативные положения².

Наряду с охарактеризованными средствами законодательной техники в правотворчестве используются юридические символы, посредством которых происходит закрепление государственно-властных установок. Юридическими символами являются установленные законодательством условные образы, используемые для выражения определенного содержания³. А.В. Никитин определяет правовой символ как создаваемый или санкционируемый государством условный образ, отличительный знак, представляющий собой видимое либо слышимое культурно-ценностное образование, которому субъект правотворчества придает особый политико-правовой смысл, не связанный с

¹ См.: Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 314–315.

² См.: Воронцова Ю.А. Фразеологические единицы в юридическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 46.

³ См.: Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 349.

сущностью этого образования, охраняемый государством и используемый в особом процедурном порядке¹.

Анализируя содержание категории «юридический символ», следует выделить существенные признаки рассматриваемой категории:

– символ является искусственным знаком, имеющим условную природу, форма которого сущностно не связана с выражаемым ею содержанием²;

– символ санкционируется государством и поддерживается силой государственного принуждения³;

– юридический символ закрепляет и выражает социально значимое правовое содержание⁴;

– общепонятность и избирательность юридических символов⁵.

В качестве примера юридической символики – криминализация действий по незаконному приобретению или сбыту государственных наград РФ, РСФСР, СССР, ст. 324 УК РФ.

В уголовно-правовой науке к средствам законодательной техники следует отнести перечисление, посредством которого в определенном порядке размещается в виде списка совокупность явлений, способов, предметов, в тексте или норме правового акта с целью четкого упорядочения правового материала⁶. Перечисление способствуют правильному толкованию уголовно-правового предписания и ясному пониманию как нормы права, так и нормативно-правового акта, в которых воплощена воля правотворца при криминализации противоправных деяний⁷. Непосредственно перечисление является средством

¹ См.: Никитин А.В. Правовые символы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 19.

² См.: Там же. С. 17–18.

³ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 166–167.

⁴ См.: Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 58.

⁵ Спиридонова О.Е. Символы в уголовном праве России как средства законодательной техники и как дифференцирующие обстоятельства // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2010. Вып. 5. С. 113–118.

⁶ См.: Санташов А.Л., Танцюра В.С., Мухтарова Е.А. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 3. С. 358.

⁷ См.: Тимошенко Ю.А. Юридические конструкции составов экологических преступлений как средство законодательной техники // Юристь-правоведь. 2015. № 6 (73). С. 19.

законодательной техники, используемым для лингвологического построения конструкции нормы права¹.

В теории права в качестве особого средства законодательной техники выделяют преюдиции². В.К. Бабаев под преюдициями (предрешениями) рассматривал принятое в установленной процессуальной форме уполномоченным органом власти решение (приговор), которое приобрело юридическую силу, о наличии или отсутствии юридического факта или правоотношения, обязательное для суда, рассматривающего дело, связанное с ранее разрешенным по существу³.

Административная преюдиция представляет многосложный юридический состав, основу которого составляет преюдициальность, являющаяся следствием вступления решения в законную силу, которое в обязательном порядке учитывается при правовой оценке повторно совершенного тождественного правонарушения в течение определенного законом временного периода. Преюдициальность предстает как оригинальное условие наступления уголовной ответственности, выступает гранью между административным деликтом и преступлением. Уровень научной проработки моделей уголовно-правовых норм с признаками преюдиции непосредственно определяет степень эффективности борьбы с преступностью, что влияет на нравственное и материальное благополучие современного российского социума⁴. Примером состава преступления с административной преюдицией служит норма, закрепленная в ст. 171⁴ УК РФ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции».

В учении о законодательной технике наряду с вышеупомянутыми средствами выделяются следующие средства законодательной техники:

¹ См.: Чигидин В.Б. Классификация технико-юридических ошибок, допускаемых в современном российском законодательстве // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2003. № 2-3 (50-51). С. 25.

² См.: Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113, 116–117.

³ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 33.

⁴ См.: Маркунцев С.А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 39–40.

нормативное построение, системное построение и отраслевая типизация¹; нормативное обобщение, нормативное предписание².

Под приемами (способами) в законодательной технике понимаются пути достижения намеченных целей и результатов с помощью конкретных средств и при наличии соответствующих условий и предпосылок законодательной практики³. В структуре законодательной техники необходимо рассматривать следующие приемы: структуризация, логическое изложение, языковое изложение, унификация, способы построения правового материала по степени обобщенности или по способу изложения, нормативная конкретизация, классификация, примечание.

Одной из важнейших составляющих структуры законодательной техники является прием (способ) нормативной структуризации, который в процессе правотворчества способствует формированию оптимальной и рациональной структуры нормативно-правового акта. Структура закона в правовой науке характеризуется как организация его содержания, целесообразного расположения нормативно-правовых предписаний и иных правовых атрибутов⁴. Фактически нормативная структуризация представляет собой способ (прием) законодательной техники, заключающийся в системе согласованных действий по рациональному и целесообразному расположению нормативно-правовых велений и официальных реквизитов в тексте законодательного акта. Характеризуя способ (прием) нормативной структуризации, следует выделить составные части данного приема (способа) законодательной техники, к которым относятся обязательные элементы структуризации (система официальных реквизитов, рубрикация закона) и факультативные элементы структуризации (преамбула закона, приложение к закону).

¹ См.: Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 116–117.

² См.: Юков М.К. Место юридической техники в правотворчестве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1979. № 5. С. 47.

³ См.: Карташев В.Н. Законодательная технология: понятие, основные элементы, методика преподавания // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 29.

⁴ См.: Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 52.

Простому и доступному пониманию содержательной стороны нормативно-правового акта способствуют приемы языкового изложения закона. Способы языкового изложения – прием законодательной техники, заключающийся в закреплении определенного круга требований к употреблению лексических средств русского языка в тексте законодательного акта с целью достижения его четкости, ясности, простоты и доступности для понимания. Текст законодательного акта – это словесно выраженное и закрепленное в документе содержание данного законодательного акта¹.

Изложение правового материала в тексте закона, безусловно, подчиняется грамматическим правилам русского языка, к которым можно отнести правила орфографии, пунктуации, синтаксиса, но все они в силу своей специфики в рассматриваемом случае к элементам законодательной техники не относятся. Одно из требований, обеспечивающих оптимальное языковое изложение нормативно-правовых актов, – ясность изложения, что обеспечивается использованием простых слов, словосочетаний, однозначных терминов, отказом от сложных языковых конструкций, иностранных слов, специальных и узкоспецифических терминов, жаргонных (ненормативных) слов, архаичных выражений и сравнительных словооборотов.

С целью исключения сложности восприятия законодательного акта, вызванного громоздкостью изложения нормативного материала, состоящего из множества сложных предложений, перечислений, целесообразно в ходе использования приема языкового выражения прибегать к нормативному предложению, которое представляет собой языковую единицу текста закона, образованную из слов, устойчивых словосочетаний и подчиненную внутренним закономерностям организации². Категория «нормативное предложение» должна соответствовать следующим требованиям: адекватность грамматической формы, заключающаяся в использовании в тексте закона констатирующих, утвердительных, повествовательных предложений, но не вопросительных;

¹ См.: Алексеев С.С. Государство и право. М., 2015. С. 107.

² См.: Власенко Н.А. Языковые и графические средства законодательной техники // Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 147.

отсутствие множества следующих друг за другом однородных членов в структуре простых предложений, что в конечном итоге препятствует правильному пониманию мысли законодателя, выраженной в тексте закона; недопустимость использования в тексте закона нетипичных по своей природе правовых предписаний соединительных союзов; абстрактный (обезличенный) характер предложений, носящих общий характер, отграниченных от конкретных обстоятельств.

Хотелось обратить внимание на то, что для каждой отрасли права характерно использование фразеологических оборотов, то есть устойчивых сочетаний слов, в качестве готовых единиц языка, в уголовном праве, например, активное содействие раскрытию и расследованию преступления. Также в качестве составляющей используемых приемов законодательной техники следует отнести использование семантических свойств слова как элемента текста, таких как полисемия¹, антонимия², синонимия³. Нередко в текстах законодательных актов используются элементы иноязычной (ст. 185.6 УК РФ «Неправомерное использование инсайдерской информации»), просторечной (ст. 158 УК РСФСР «Самогоноварение»), профессиональной (ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство»), жаргонной лексики (ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»). В процессе языкового формирования текста законодательного акта необходимо следовать языковому стилю изложения нормативно-правовых актов, который категорически отличается от стилистики, используемой в художественных произведениях и публицистике.

По мнению Д.А. Керимова, языковой стиль изложения текста закона должен соответствовать следующим критериям: директивность, выражающаяся в его обязательных, императивных, властных, волевых формулировках;

¹ Полисемия в языкознании состоит в наличии у единицы языка более одного значения, представляет многозначность (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 1267).

² Антонимия в языкознании представляет собой отношения, существующие между антонимами, где антоним – слово, противоположное по значению другому (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 28).

³ Синонимия отражает отношения, существующие между синонимами, где синоним – слово или выражение, совпадающее или близкое по значению с другим словом (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 1657).

официальность, заключающаяся в законодательном закреплении суверенной воли государства в части принятия закона высшим законодательным органом государственной власти, подписании закона высшим должностным лицом государства, а также официального обнародования закона путем опубликования в официальных изданиях; сдержанность, исключая пафосность, пышность, торжественность¹.

Однозначное понимание, логичность и последовательность правового материала, содержащегося в законе, обеспечивается способами (приемами) логического изложения законов. При характеристике рассматриваемого приема (способа) законодательной техники следует обратить внимание на требование основных трех законов формальной логики, используемых при формировании содержательной структуры законодательного акта. Речь прежде всего идет о законе тождества, определяющем четкость и ясность содержания используемых понятий, отражающих единые и тождественные явления, характеризующиеся строго определенным содержанием и объемом; о законе противоречия, посредством которого выражается последовательность и непротиворечивость правовой мысли с целью предотвращения фактов противоречий в законодательных актах; о законе достаточного основания, смысл которого заключается в обязательном наличии необходимых оснований для социальной, экономической, исторической обоснованности принимаемых правовых решений.

При создании нормативно-правового акта следует также следовать правилам логического изложения законов, вытекающих из требований формальной логики и позволяющих конструировать структуру нормативно-правового акта. Законодательные акты формируются с учетом следующих требований: последовательность изложения, отсутствие противоречий и повторов, соответствие структурных элементов закона логике изложения правовых велений, обоснованность предписаний на убедительных фактах, полнота правового охвата регулируемых отношений. В частности, большинство нормативно-правовых актов, например Конституция РФ, имеют вводную часть

¹ См.: Керимов Д.А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие. М., 1998. С. 61.

(введение, преамбула), основную часть, заключительную часть (заключение, заключительные и переходные положения), кодифицированные акты могут состоять из общей части, особенной части, например УК РФ.

В качестве гаранта обеспечения справедливости избираемых правоприменителем средств уголовно-правового воздействия выступает такой прием законодательной техники, как нормативная конкретизация уголовно-правового значения обстоятельств дела. В частности, ст. 62 УК РФ 1996 г. по сравнению с нормой УК РСФСР 1960 г. усилила значение роли ряда смягчающих обстоятельств. Так, законодателем в п. 1 ст. 62 УК РФ была произведена нормативная конкретизация посредством закрепления категорической нормы, регламентирующей назначение размера наказания, срок и размер которого не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого наказания в силу смягчающих обстоятельств. Указанная нормативная конкретизация обеспечивает реальность учета смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» или п. «к» ст. 61 УК РФ при избрании судом уголовного наказания¹.

Одним из востребованных в правотворческом процессе приемов законодательной техники является унификация, что в переводе с латинского означает «приведение чего-либо к единообразию»². В практической сфере применения унификация рассматривается в двух плоскостях: во-первых, как процесс параллельный и противоположный дифференциации, осуществляемый по воле законотворца в ходе правотворчества, имеющий цель единообразного правоприменения; во-вторых, как прием законодательной техники, целью которого является обеспечение цельности правового материала, простота понимания и экономия правового материала. Процессы унификации осуществляются на различных законодательных уровнях, в частности на межотраслевом и отраслевом, например: в форме выделения Общей и Особенной частей уголовного закона, законодательном закреплении в уголовном законе

¹ См.: Кругликов Л.Л. Конкретизация уголовно-правового значения обстоятельств дела как законодательный прием // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (1982–1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 47–49.

² См.: Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 7.

норм-принципов, в выработке и использовании единых правовых положений, имеющих межотраслевое значение, и т. д. На уровне уголовно-правовых институтов, групп норм, отдельных норм и их составляющих унификация производится в форме объединения групп норм, регулирующих однородные общественные отношения в единый институт, приведение в соответствие и уравнивание по объему статьи УК и диспозиции уголовно-правовой нормы и т. д.¹

По степени обобщенности формирования правового предписания необходимо рассмотреть абстрактный прием построения правовых норм и казуистический прием формирования правового предписания.

Абстрактный прием заключается в использовании формулы абстракции относительно правового материала, в результате которого формируется нормативный материал, содержащий обобщенное правило поведения, распространяемое в отношении неограниченного круга лиц на долгосрочной основе². Наиболее широкое использование приема абстракции нашло отражение в нормах уголовного законодательства. Пример тому – формулировка ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями».

В качестве противопоставления законотворческой абстракции выступает казуистический прием, когда юридически важные факты описываются при помощи индивидуально-определенных признаков, в том числе путем перечисления конкретных фактических данных.

В отличие от абстрактного способа изложения правовых велений, казуистический прием состоит в детальном и конкретном изложении юридически важных обстоятельств в норме; в конкретизации ранее установленной абстрактной правовой нормы применительно к конкретной юридической ситуации; в закреплении в норме конкретного способа разрешения определенной правовой ситуации. Казуистический прием изложения норм права в процессе регуляции придает содержанию общественным отношениям конкретность и

¹ См.: Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 277–278.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М., 1982. Т. II. С. 282.

ясность¹. Казуистический прием наряду с абстрактным применяется в конструировании предписаний уголовного закона и отличается тем, что абстрактный прием подразумевает обобщающую формулировку (с помощью родовых признаков), а казуистический связан с изложением норм при помощи индивидуальных (конкретных) признаков². В качестве примера казуистической нормы можно привести диспозицию ст. 141¹ УК РФ «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума».

В практической законотворческой плоскости правотворец в ходе конструирования нормы права должен соблюдать баланс при использовании метода абстракции и казуистического способа с целью оптимального сочетания обобщения и уточнения в уголовном законе³.

По способу изложения нормативного материала следует рассмотреть следующие приемы законодательной техники: прямой (непосредственный), ссылочный и бланкетный.

Прямой способ изложения нормативного предписания заключается в непосредственном размещении всех элементов нормы права в рамках статьи нормативного предписания⁴. Отличительной чертой указанного приема изложения является закрепление соответствующей модели поведения в нормативном предписании, без обращения к сторонним нормативно-правовым актам, что в наибольшей степени типично при изложении признаков составов преступлений.

В рамках ссылочного приема законодатель в процессе формулирования правила поведения осуществляет ссылку на нормативные установки,

¹ См.: Тимофеева Е.А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. С. 148.

² См.: Соловьев О.Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 66.

³ См.: Денисова А.В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и государство. 2010. № 2 (29). С. 96.

⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М., 1982. Т. II. С. 283.

содержащиеся в другой статье этого же нормативно-правового акта¹. В уголовном правотворчестве ссылочный прием применяется законотворцем для более оптимального размещения уголовного запрета и экономного использования правовой материи путем отсылки к уже имеющимся правовым установкам в тексте уголовного закона².

В правотворчестве бланкетный способ формирования правовых установок заключается в производимой законодателем отсылке к предписаниям нормативного характера, содержащимся в актах иной отраслевой принадлежности³. Ссылочный прием предполагает отсылку к тому же самому акту, а бланкетный – к другому⁴.

В законодательной технике ряд теоретиков выделяют в качестве приема классификацию, а также примечание в нормативном правовом акте как особый прием, представляющий элемент вспомогательной графики⁵.

Классификация – распределение по группам, разделам, классам; система, по которой что-нибудь классифицировано⁶. В уголовном праве классификация является достаточно распространенным приемом законодательной техники. Одной из самых первых классификаций, усвоенных законодателем, является систематизация преступлений по критерию объекта преступного посягательства. Известный памятник права – Русская Правда – классифицировал преступления по объекту посягательства, располагая сначала преступления против личных прав, а после них имущественные преступления⁷. Примером классификации в уголовном законе выступают различные формы хищений (кража, мелкое хищение, мошенничество, присвоение и растрата, грабеж и т. д.).

¹ См.: Пронина М.П. Приемы конструирования норм уголовного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 154.

² См.: Денисова А.В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и государство. 2010. № 2 (29). С. 96.

³ См.: Соловьев О.Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 67.

⁴ См.: Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества : моногр. Рязань, 2014. С. 59.

⁵ См.: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства : в схемах и определениях : учеб. пособие. М., 2002. С. 89.

⁶ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 615.

⁷ См.: Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества : моногр. Рязань, 2014. С. 62.

В процессе формирования норм уголовного закона России законодатель широко использует прием законодательной техники в форме примечаний. В практическом контексте примечание является специфическим компонентом технико-правового процесса формирования государственно-властных предписаний в форме закрепления возможных вариантов поведения субъектов, выступающее нетипичным дополнительным средством в рамках правового регулирования, располагающееся обособленно от правовой нормы, обладающее юридической силой и влекущее последствия правового толка¹.

В процессе перехода законодательной воли в содержание уголовного закона применяются также императивный и диспозитивный приемы, что воплощается в создании законотворцем соответственно императивных (ст. 80¹ УК) и диспозитивных (ст. 75 УК) предписаний. Первые не допускают свободы усмотрения правоприменителя при наступлении определенного юридического факта, вторые допускают².

По моменту окончания преступного посягательства выделяются приемы построения составов по типу материальных (ст. 160 УК), формальных (ст. 163 УК), усеченных (ст. 317 УК), а также создания опасности (ст. 122 УК); по конструкции состава преступления – приемы построения простых (ст. 158 УК) и сложных составов (ст. 228 УК); по функциональному значению общественно опасных последствий в составе преступления – приемы конструирования составов по типу материальных (ст. 159 УК), формальных (ст. 327 УК) и формально-материальных (ст. 180УК)³.

В качестве инструментов законодательной техники выделяются еще два технических приема – изложение уголовно-правовых норм по типу общих и специальных. Законодательно-технический смысл их применения сводится к тому, что введение специальной нормы наряду с нормой общего характера имеет практическую целесообразность, когда специальная норма устанавливает особый

¹ См.: Баранов В.М., Кондаков Д.С. Примечание в российском праве: природа, виды, проблемы реализации // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 346.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М., 1982. Т. II. С. 72–74.

³ См.: Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества : моногр. Рязань, 2014. С. 71.

режим уголовной ответственности по сравнению с общей нормой¹. В качестве примера следует привести факт дополнения УК РФ посредством Федерального закона РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ статьями, предусматривающими ответственность за совершение отдельных видов мошенничества².

Данные, составляющие законодательную технику, являются ее первичными компонентами и в своей совокупности могут образовывать более крупные вторичные правовые общности в структуре законодательной техники – методики. В общеправовом значении методика понимается в качестве элемента законодательной техники, в которой включены средства, способы, правила, применяемые в законотворческом процессе создания и оформления в уголовном законе оптимальной комбинации признаков общественно опасного деяния и установления их нормативной составляющей³.

С точки зрения содержания внутренней законодательной техники выделяются методики конструирования состава преступления и построения санкции уголовно-правовой нормы.

В правотворческой сфере воля законодателя переводится не только в содержание, но и в структуру уголовного права. В данном случае следует говорить о создании внутренней формы уголовного права – выделении в нем уголовно-правовых предписаний и их общностей, то есть институтов. Указанный процесс призван обслуживать значимый вторичный элемент внутренней техники – методику системного построения уголовного права⁴.

Важными составляющими элементами методики системного построения уголовного права выступают построение по типу уголовно-правовой нормы и построение по типу уголовно-правового института. Данные построения являются техническими приемами выражения воли законодателя посредством как

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 248–249.

² См.: Лапшин В.Ф. Уголовно-правовые нормы о мошенничестве: вопросы соблюдения правил законодательной техники // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники) : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2013. Вып. 2. С. 54.

³ См.: Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 55.

⁴ См.: Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества : моногр. Рязань, 2014. С. 55.

отдельных уголовно-правовых норм и предписаний, так и их блоков, которые предназначены для выработки структуры права. В силу данного обстоятельства упомянутые блоки уголовно-правовых норм образуют методику как более крупный правовой феномен, чем отдельные средства, приемы и правила, выступают компонентом в содержании техники – методики системного построения уголовного права¹.

Наряду с характеристикой компонентов внутренней техники следует обратить внимание на элементарные единицы внешней законодательной техники, которые призваны осуществлять внешнее оформление правовых предписаний в законотворческом процессе. Упомянутые инструментальные компоненты внешней законодательной техники следует рассматривать в трех аспектах: методика языкового оформления уголовно-правовых предписаний; методика структуризации уголовного права; методика размещения уголовно-правовых предписаний².

Наряду с вышеперечисленными приемами и средствами законодательной техники, которые составляют ее ядро, следует выделить правила законодательной техники, которые используются в процессе применения тех или иных ее средств и приемов. Как справедливо отмечает Л.Л. Кругликов, правила законодательной техники, выделяемые в качестве отдельного элемента законодательной техники, характеризуют компоненты законотворческой и правоприменительной техники, что воплощается в использовании технических средств и приемов, что наиболее типично для внешней формы³.

В юридической науке существует многообразие используемых правил законодательной техники. Применительно к отрасли уголовного права в контексте конструирования норм права необходимо выделить следующие универсальные правила законодательной техники: конкретность, ясность и

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М., 1982. Т. II. С. 274.

² См.: Алексеев, С. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 2010. Т. 3: Проблемы теории и права : курс лекций. С. 154; Галкин В.М. Проблемы уголовно-законодательной техники. // Проблемы совершенствования советского законодательства : тр. М., 1980. Вып. 18. С. 174; Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского государственного университета. 1961. Т. 19, вып. 5.С. 84.

³ См.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (1982–1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 15.

исчерпывающая полнота регуляционного воздействия; отсутствие коллизий, пробелов и противоречий отраслевого характера; логическое изложение правового материала в нормативно-правовом акте и взаимосвязь правовых норм между собой; недопустимость использования в тексте нормативно-правового акта громоздких, нечетких и неясных терминов, простота, четкость, ясность используемых терминов; избежание повторности правового материала; отказ от нераспространенных слов, канцеляризмов, речевых шаблонов и устаревших словосочетаний¹.

Также следует упомянуть о правилах конструирования квалифицированных составов преступлений, разработанных основателем Ярославской уголовно-правовой научной школы профессором Л.Л. Кругликовым, состоящих в классификации составов, не относящихся к содержанию и относящихся к форме. Аналогичным образом важную правотворческую ценность представляют разработанные профессором Л.Л. Кругликовым рекомендации о целесообразности «блокового» изложения квалифицирующих признаков («по горизонтали» и «по вертикали»). Следует обратить внимание, что в ряде глав УК с целью упорядочения и усиления ответственности (в том числе за родственные преступления) видится оптимальной система вертикального размещения квалифицирующих признаков типа: группа лиц по предварительному сговору (ч. 2) – организованная группа (ч. 3); крупный размер (ч. 2) – особо крупный размер (ч. 3); крупный ущерб (ч. 2) – особо крупный ущерб (ч. 3). Считаем, что использование указанных правил и рекомендаций способно принести немалую пользу в процессе совершенствования УК РФ².

Приведенные выше сущностные характеристики законодательной техники в доктрине уголовного права, ее средства, приемы и правила будут рассмотрены

¹ См.: Соловьев О.Г., Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях: технико-юридические аспекты законодательной и правоприменительной практики : моногр. Рязань, 2014. С. 40.

² См.: Иванчин, А.В. Взгляды Кругликова Л.Л. на законодательную технику – одна из «несущих конструкций» Ярославской уголовно-правовой школы // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 28.

применительно к конструированию более совершенной редакции ст. 238¹ УК в последующих главах настоящей работы.

2.2. Проблемы реконструкции состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ

Подробно изучив в первой главе работы признаки состава преступного деяния, предусмотренного ст. 238¹ УК, охарактеризуем круг законодательного инструментария, используемого законодателем при конструировании объективных признаков состава, уделив внимание направлениям совершенствования данной нормы.

В первую очередь рассмотрим вопросы использования правового инструментария законодательной техники в проекции формирования признаков объекта преступного посягательства.

В рассматриваемом контексте следует обратить внимание на применение законодателем юридических *понятий* в качестве средства законодательной техники при характеристике непосредственного, видового, родового и общего объектов относительно исследуемой нормы ст. 238¹ УК. В рамках конструирования признаков искомой уголовно-правовой нормы правотворец, определяя круг и содержание объектов уголовно-правовой охраны, прибегает к использованию определенного круга понятий, посредством которых определяется сущность категорий «здоровье населения», «общественная нравственность», «общественный порядок», «общественная безопасность». Так, основным непосредственным объектом искомого состава преступления являются общественные отношения в сфере регламентации законного режима обращения лекарственной, медицинской продукции и биологически активных продуктов.

Из анализа диспозиции ст. 238¹ УК РФ следует, что законодатель оперирует юридическими терминами, использует приемы законодательной техники в форме *классификации и перечисления*, в качестве разновидностей инструментов законодательной техники, определяя следующие предметы преступных

посягательств: фальсифицированные, недоброкачественные, незарегистрированные лекарственные средства и медицинские изделия, а также фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

В примечаниях к ст. 238¹ УК правотворцем посредством законодательного приема в форме примечания произведено отграничение предметов преступного посягательства, относящихся к объектам уголовно-правовой охраны ст. 238¹ УК РФ, от объектов охраны и, соответственно, предметов преступного посягательства ст. 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 229.1, 234 УК.

Из юридического содержания понятий, которые характеризуют различные виды, объекты преступных посягательств, а также терминов, раскрывающих содержание предмета преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, следует, что законотворец применяет бланкетный прием при конструировании содержания нормы уголовного права как вид связи между нормативными правовыми актами. В бланкетной диспозиции отсылка делается к положениям других нормативных актов, в которых содержатся недостающие элементы данного нормативно-правового предписания¹.

В данном случае, что было наглядно рассмотрено выше, речь идет об использовании законодателем терминологии, закрепленной в федеральных законах «Об обращении лекарственных средств», «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «О качестве и безопасности пищевых продуктов». Данные правовые акты составляют первооснову нормам уголовного права, закрепляющим ответственность за совершение преступлений в сфере обращения фармацевтической продукции. Нормы, регламентирующие порядок обращения фармацевтических товаров и биологически активных продуктов, объективно не могут быть полностью закреплены в тексте ст. 238¹ УК РФ, так как это, в свою очередь, неизбежно повлечет необоснованное увеличение объема

¹ См.: Уголовное право России. Часть Общая: учеб. / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999. С. 53; Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2. Правотворческая практика, система и структура права: Текст лекций. Ярославль, 1996. С. 66–67; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 71–74.

правовой нормы. Факт использования в УК РФ бланкетных диспозиций, что предопределяет их тесную связь с другими отраслями права¹. Бланкетные диспозиции определяют межотраслевой характер норм уголовного закона, придают процессу унификации межотраслевой уровень, что предполагает заимствование терминологии из других отраслей права или выработку и применение межотраслевой терминологии.

Изучив используемый понятийный аппарат при характеристике объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, мы пришли к общему мнению о необходимости использования *унификации* как особого приема законодательной техники с целью совершенствования исследуемой правовой нормы. Унификация проявляется в правотворческом процессе в контексте создания совершенных правовых норм общего характера, в разработке единого межотраслевого терминологического аппарата, что исключает коллизию норм в правоприменении².

Как нами ранее было отмечено, в уголовном законодательстве существуют приемы унификации на отраслевом и межотраслевом уровнях, а также на уровне уголовно-правовых институтов и отдельных норм. Рассмотрим приемы унификации, которые целесообразно применить в отношении нормы ст. 238¹ УК. Акцентируем внимание на содержание заголовка ст. 238¹ УК «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок». Налицо использование двух понятий – обращение и оборот. Необходимо рассмотреть сущность данных категорий.

Обращение лекарственных средств состоит в общественных отношениях, возникающих в связи с разработкой, доклиническими исследованиями, клиническими исследованиями, экспертизой, государственной регистрацией, стандартизацией и с контролем качества, производством, изготовлением,

¹ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 192.

² См.: Смирнова Л.Е. Направления унификации в уголовном праве // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2005. С. 148.

хранением, перевозкой, ввозом в РФ, вывозом из РФ, рекламой, отпуском, реализацией, передачей, применением, а также их уничтожением¹.

Обращение медицинских изделий включает в себя технические испытания, токсикологические исследования, клинические испытания, экспертизу качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, их государственную регистрацию, производство, изготовление, ввоз в РФ, вывоз из РФ, подтверждение соответствия, государственный контроль, хранение, транспортировку, реализацию, монтаж, наладку, применение, эксплуатацию, в том числе техническое обслуживание и ремонт, уничтожение или утилизацию².

Относительно биологически активных добавок в Федеральном законе «О качестве и безопасности пищевых продуктов» используется категория «обращение», что подразумевает производство (изготовление), упаковку, реализацию, хранение, перевозку и использование пищевых продуктов на территории Российской Федерации³.

В соответствии с гражданско-правовым законодательством понятие «оборот» представляет собой совокупность возникающих из правомерных действий гражданско-правовых обязательств, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг. Под гражданским оборотом предлагается понимать динамическую систему результатов совершения действий, в том числе сделок, являющихся основанием возникновения, изменения и прекращения гражданских прав, опосредующих переход объектов гражданских прав от одних лиц к другим⁴. Применительно к фармацевтической сфере под оборотом лекарственных средств подразумевается отчуждение или переход от

¹ См.: Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 24.07.2023 г. № 341-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения: 29.07.2023).

² См.: Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 256-ФЗ). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 10.07.2023).

³ См.: Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 № 29-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/ (дата обращения: 11.07.2023).

⁴ См.: Захаркина А.В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 326.

одного лица к другому в порядке универсального или сингулярного правопреемства лекарственных средств как объекта гражданских прав¹.

Из анализа диспозиции ст. 238¹ УК следует, что общественно опасное деяние выражается в действиях по производству, сбыту или ввозу на территорию РФ фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, что соответствует категории «обращение» закрепленного в законодательном определении обращения пищевой продукции, но не категории «оборот», указанной в заголовке ст. 238¹ УК. Ключевая субстанция, определяющая относимость к категории «обращение», это категория «производство». Таким образом, налицо несоответствие понятий заголовка ст. 238¹ УК и содержания ее диспозиции².

Данное обстоятельство говорит о разнохарактерности построения правового материала и является основанием проведения унификации в форме приведения в соответствие и уравнивания понятий заголовка статьи Уголовного кодекса и ее диспозиции³.

Таким образом, в результате проведенного анализа сущности категорий «обращение» и «оборот», составляющих содержание заголовка к ст. 238¹ УК, а также в результате их соотнесения с указанными в диспозиции статьи альтернативными деяниями можно сделать вывод об объективной потребности унификации терминологии путем исключения из заголовка термина «оборот». В итоге название статьи трансформируется в следующее: «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок».

¹ См.: Шведова А.Ю. Понятие гражданско-правового оборота лекарственных средств // Сфера знаний: вопросы продуктивного взаимодействия наук в XXI веке : сб. ст. Казань, 2018. С. 241.

² См.: Файзрахманов Н.Ф. Обзор Федерального закона от 31.12.2014 № 532-ФЗ, его значение в организации расследования отдельных преступлений, посягающих на здоровье населения // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. / [редкол.: Булыжкин А. В. и др.]. Орел, 2015. С. 332.

³ См.: Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 202.

Таким образом, данный пример наглядно свидетельствует о целесообразности применения приема унификации, заключающегося в определении новых единых уголовно-правовых понятий в тексте уголовного закона¹.

Рассмотрев вопросы использования приемов и средств законодательной техники в отношении объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, уделим внимание вопросам использования возможностей законодательной техники относительно элементов объективной стороны исследуемого состава преступления.

Содержание объективной стороны исследуемой нормы следует рассматривать в действиях в форме производства, сбыта, а также ввоза на территорию РФ фальсифицированных лекарственных средств, или медицинских изделий, или биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, либо сбыта или ввоза на территорию РФ недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий, либо действий по незаконному производству, сбыту или ввозу на территорию РФ в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, которые совершены в крупном размере. При конструировании данного состава преступления законодатель использовал *абстрактный способ* изложения правовых предписаний, как один из элементов законодательной техники, сущность которого заключается в обобщенном выражении сущности уголовно-правовых предписаний, употреблении общих формулировок, в результате чего уголовно-правовая норма приобретает обобщающий и долговременный характер².

Правовая норма ст. 238¹ УК является типовой уголовно-правовой конструкцией³, содержание которой воплощается в форме, модели, схеме,

¹ См.: Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 205.

² См.: Иванчин А.В. Абстрактный и казуистический приемы в уголовном правотворчестве // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 195.

³ Юридические конструкции выступают более высоким уровнем технико-юридического изложения воли законодателя, отражающим характер (модель) связи между элементами и сторонами логических норм (более подробно см.: Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–15; Пономарев Д.Е. Генезис и сущность юридической конструкции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

используемых законодателем для формирования правовых норм и их системного построения в законодательстве¹. Искомый состав преступления выражается в форме уголовно-правовой конструкции преступления и наказания², а также определяется как конструкция освобождения от уголовной ответственности³, что нашло закрепление в п. 3 примечаний к ст. 238¹ УК. Исследуемый состав преступления представляет конструкцию состава преступления⁴, сформированного по типу материального, когда преступное деяние считается оконченным при его совершении в крупном размере, то есть на сумму свыше 100 тыс. руб.

Анализируя нормы отечественного законодательства, направленные на охрану общественных отношений, близких с фармацевтической сферой, с учетом учения о конструировании состава преступления и теории криминализации, исходя из положительного опыта конструирования ряда уголовно-правовых норм в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве, мы пришли к выводу о целесообразности введения в основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 238¹ УК, признака административной преюдиции. Данный признак предлагается рассмотреть через категорию «неоднократность», конкретизируя его в примечаниях к ст. 238¹ УК следующим образом: «Для целей настоящей статьи под неоднократностью понимается совершение предусмотренного ею деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за правонарушение, предусмотренное ст. 6.33 КоАП РФ». В данном случае законодателю предлагается использовать прием законодательной техники в форме примечания.

Фактически признак административной преюдиции представляет разновидность правовых *идиом* (фразеологизмов), являющихся отдельными средствами законодательной техники. Содержание административной преюдиции

Екатеринбург, 2005; Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003).

¹ См.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999 гг. Ярославль, 1999. С. 18.

² См.: Соловьев О.Г., Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях: технико-юридические аспекты законодательной и правоприменительной практики : моногр. Рязань, 2014. С. 43.

³ См.: Иванчин А.В. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества : учеб. пособие. Ярославль, 2009. С. 120.

⁴ См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 151–152.

заключается в криминализации факта неоднократного совершения в течение определенного периода времени тождественного правонарушения лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за такое же правонарушение¹. В процессе закрепления в содержании диспозиции ст. 238¹ УК признака административной преюдиции правотворцу следует использовать бланкетный прием законодательной техники, обратившись к правовым предписаниям ст. 6.33 КоАП РФ.

При формулировании диспозиции нормы с признаком административной преюдицией законотворцу следует прибегнуть к средству законодательной техники в форме *перечисления* в части закрепления в диспозиции ст. 238¹ УК обязательных признаков в форме действий, образующих состав общественно опасного деяния.

При формулировании законодателем правовой нормы с применением признака административной преюдиции следует использовать уголовно-правовую *фикцию* нормативного характера, с помощью которой устанавливаются временные параметры, в рамках которых лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 238¹ УК². Так, законодатель посредством ссылочного приема законодательной техники обращается к правовой установке ст. 4.6 КоАП РФ, устанавливающей, что лицо считается подвергнутым административному взысканию в течение одного года со дня вступления в законную силу соответствующего постановления. Вышеуказанное направление совершенствования исследуемого состава преступления мы также рассмотрим в следующем разделе исследования.

С целью ясного понимания содержания диспозиции ст. 238¹ УК законодатель применил перечисление как средство законодательной техники путем последовательного изложения альтернативных преступных действий в форме производства, ввоза, сбыта, ввоза с целью сбыта (применительно

¹ См.: Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 248.

² См.: Данилова Е.С. К вопросу о понятии, классификации значении юридических фикций // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 115–116.

незарегистрированным лекарственным средствам или медицинским изделиям), которые определяют внешние формы проявления общественно опасного деяния. Перечисление в диспозиции искомой статьи вышеуказанных способов совершения преступления, по нашему мнению, не является исчерпывающим и требует дополнений рядом отдельных самостоятельных действий.

На основе анализа следственно-судебной практики, норм уголовного законодательства ряда зарубежных государств, российского медицинского законодательства и рекомендаций Конвенции «Медикрим», опираясь на учение о законодательной технике, предлагается реконструировать основной состав преступления в ст. 238¹ УК путем расширения его объективной стороны (в дополнении к производству, ввозу и сбыту) альтернативными действиями по приобретению, хранению, изготовлению, пересылке, перевозке и ввозу с целью сбыта соответствующих предметов. Каждое из вводимых деяний широко распространено в практике и соизмеримо по уровню общественной опасности с деяниями, указанными в действующей редакции ст. 238¹ УК РФ. С учетом вводимых дополнений диспозиция исследуемой нормы представляется в следующем формате: *производство, приобретение, хранение, изготовление, пересылка, перевозка с целью сбыта, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации с целью сбыта фальсифицированных, недоброкачественных или незарегистрированных лекарственных средств либо медицинских изделий, а равно фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.*

В структуре диспозиции исследуемого состава преступления закреплено количественное *оценочное понятие* – крупный размер, которое с использованием непосредственного приема изложения правового материала, а также приема законодательной техники в форме примечания устанавливается в размере более 100 тыс. руб. В теории уголовного права оценочные понятия – это предложения, говорящие о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным. Предложения, выражающие убеждения людей о том, что есть

добро и что есть зло¹. В исследуемом составе преступления используемое оценочное понятие является обязательным признаком основного состава преступления, и, по нашему мнению, использование оценочных понятий в процессе формирования нормы ст. 238¹ УК объективно обусловлено материальными условиями жизнедеятельности социума.

В целях углубления и упорядочения уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 238¹ УК, предлагается использовать «вертикальные связки» квалифицирующих признаков. На основе учения о конструировании состава преступления, с учетом следственно-судебной практики применения ст. 238¹ УК и положительного зарубежного опыта предлагается ввести трехуровневую градацию ответственности по критерию размера совершенного деяния: значительный размер в сумме, превышающей 100 тыс. руб., – ч. 1 статьи; крупный размер в сумме, превышающей 1,5 млн руб., – ч. 3 статьи; особо крупный размер в сумме, превышающей 6 млн руб., – ч. 4 статьи. Значения размеров совершенных деяний предлагается законодателю закрепить в примечаниях ст. 238¹ УК с использованием приемов законодательной техники, таких как прямой метод изложения правового предписания, методы классификации и примечания.

Изучив уголовное законодательство ряда зарубежных стран, устанавливающее ответственность за незаконные действия в сфере обращения фармацевтической продукции, мы увидели, что в ряде национальных уголовных законов к соответствующим статьям закреплены примечания, в которых кодифицированы разноплановые условия прекращения уголовного преследования в случаях позитивного посткриминального поведения лица. Мы считаем, что в Общей части УК РФ достаточно широко регламентированы основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, поэтому закрепление соответствующего примечания к ст. 238¹ УК полагаем нецелесообразным.

¹ См.: Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970. С. 11.

В содержании диспозиции ст. 238¹ УК очевидно использование законодателем *фикций* как одного из средств законодательной техники¹. В частности, при конструировании состава преступления законодатель признает в качестве оконченного преступления наряду со сбытом некондиционной фармацевтической продукции и биологически активных добавок и иные способы совершения преступления, в частности в форме производства и ввоза вышеуказанных субстанций². Таким образом, законодателем производится признание несуществующего в качестве истинного, то есть действия по производству, ввозу, а также по изготовлению, пересылке, перевозке, хранению признаются окончательно общественно опасными действиями, как при сбыте рассматриваемых субстанций.

Безусловно, имеет место и *аксиома* в исследуемой норме уголовного закона. В действительности, аксиомами являются положения, многократно проверенные жизнью³. Правовая аксиома – это положение, принимаемое в юридической практике как абсолютно истинное, не требующее доказательств⁴. В практической плоскости уголовно-правовые аксиомы становятся таковыми только при условии их помещения в Уголовном кодексе⁵. В частности, в п. 3 примечаний ст. 238¹ УК закреплено положение о том, что действие статьи не распространяется на случаи сбыта, ввоза на территорию РФ в целях сбыта незарегистрированных в РФ лекарственных средств или медицинских изделий, если указанные препараты в РФ не производятся, а также если сбыт, ввоз таких препаратов допускаются соответствующим законодательством и (или) если указанные лекарственные средства или медицинские изделия рекомендованы к применению Всемирной организацией здравоохранения. В данном случае имеет место устоявшееся положение о том, что лекарственные средства или медицинские изделия,

¹ См.: Танимов О.В. Теория юридических фикций / отв. ред. Т.В. Кашанина. М., 2016. С. 167; Иванчин А.В. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества : учеб. пособие. Ярославль, 2009. С. 84.

² См.: Ситникова А.И. Фикции в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 62.

³ См.: Кругликов Л.Л. Аксиомы, презумпции и фикции: динамический аспект // LEX RUSSICA. 2006. Т. 65, № 5. С. 920–929; Агафонова М.С. Аксиомы как средство законодательной техники // Юридические записки молодых ученых и аспирантов ЯрГУ : сб. ст. / отв. ред. М.В. Лушникова. Ярославль, 2006. Вып. 6. С. 50–52.

⁴ См.: Радько Т.Н. Теория государства и права : учеб. для бакалавров. М., 2018. С. 190.

⁵ См.: Кругликов Л.Л. Присущи ли аксиомы уголовному праву // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (2009–2019) : в 2 т. Вологда, 2019. Т. 1. С. 39.

рекомендованные ВОЗ, объективно соответствуют предъявляемым требованиям и не могут создавать угрозу жизни и здоровью человека, поэтому легально находятся в обращении на территории РФ.

В процессе конструирования нормы ст. 238¹ УК законодатель прибегнул к использованию презумпции с целью регламентации существенных признаков состава преступления. В теории законодательства презумпции функционально предназначены для придания юридической силы и общеобязательности социальным явлениям на основании теоретически выверенных и практически обоснованных заключений, что имеет первостепенное значение при разрешении по существу юридических ситуаций¹. Применительно к исследуемому составу преступления можно говорить о презумпции возрастания степени общественной опасности деяния, совершенного при наличии квалифицирующих обстоятельств². В данной ситуации речь идет о закрепленных в ч. 2 и 3 статьи квалифицирующих обстоятельств совершения преступления, наглядно отражающего правовое воплощение презумпции интенсивного увеличения общественной опасности. Свойства указанной презумпции будет использовано при формулировании авторских предложений о внесении в диспозицию нормы дополнительных квалифицирующих признаков, что рассмотрим в следующем разделе исследования. Рассматриваемая презумпция имеет неоспоримый характер и используется правотворцем в качестве инструмента дифференциации уголовной ответственности.

В процессе формирования содержания диспозиции ст. 238¹ УК законодатель в контексте критерия обобщенности правового предписания использует абстрактный метод построения правового материала, в котором содержится обобщенное правило поведения, рассчитанное на долговременное поведение и предназначенное для регулятивного воздействия в отношении неограниченного круга лиц. Тем не менее законодатель в процессе выражения правового предписания наряду с приемом абстракции прибегает к казуистическому приему.

¹ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 97.

² См.: Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические преступления). Ярославль, 2000. С. 41, 88.

Следует заострить внимание, что параллельно законодатель использует прямой (непосредственный) метод изложения правового материала, указав в п. 3 примечаний к ст. 238¹ УК казуальные обстоятельства правонарушения, содержащего признаки преступления, предусмотренного ст. 238¹, но не признающиеся в качестве преступных в силу закрепленных в примечаниях ряда жизненных обстоятельств.

В рамках закрепления в ч. 2 и 3 ст. 238¹ УК квалифицирующих признаков преступления законодатель использует перечисление как средство законодательной техники, посредством которого закрепляются квалифицирующие формы объективного выражения преступных действий. Используя категории «тяжкий вред здоровью», «группа лиц по предварительному сговору», «организованная группа», законодатель осуществляет ссылку к нормам Общей части УК РФ. Путем применения бланкетного приема изложения нормативного материала законодателем производится конкретизация содержания социально вредных последствий, таких как тяжкий вред здоровью¹ и смерть человека. Представленные к внесению в структуру искомой статьи отдельные квалифицирующие признаки состава преступления предлагаем закрепить посредством инструментов законодательной техники в форме перечисления и посредством как ссылочного, так и бланкетного приемов изложения правовой материи.

Рассмотрев правовой инструментарий, используемый законодателем в процессе построения объективной составляющей конструкции нормы ст. 238¹ УК, обратим внимание на законодательные средства и приемы, используемые при формировании субъективных признаков исследуемого состава.

За совершение преступных действий, предусмотренных ст. 238¹ УК, уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения шестнадцатилетнего возраста. В отношении составов

¹ См.: Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» от 17.08.2007 г. № 522 (в ред. от 17.11.2011 г.). URL: <https://base.garant.ru/12155259/> (дата обращения: 14.12.2021); Приказ Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» от 24.04.2008 г. № 194н (в ред. от 18.01.2012 г.). URL: <https://base.garant.ru/12162210/> (дата обращения: 18.12.2021).

преступлений, закрепленных в ч. 2 ст. 20 УК, законодателем был снижен возрастной ценз привлечения к уголовной ответственности до четырнадцатилетнего возраста.

Касательно возраста наступления уголовной ответственности следует отметить, что в ч. 1 и 2 ст. 20 УК нашла закрепление фикция неосознания малолетними социальной природы, характера и общественной опасности совершаемых действий, так как законодатель вместо категории «духовная незрелость» вводит в оборот понятие «возраст уголовной ответственности»¹. Данная фикция имеет неопровержимый характер и означает, что факт недостижения лицом возраста уголовной ответственности определяет неспособность лица осознавать степень и характер общественной вредности своего поведения при совершении общественно опасного деяния, неспособность лица оценивать последствия преступных действий, что исключает правовую возможность привлечения данного лица к уголовной ответственности.

В ч. 3 ст. 20 УК РФ правотворец использует опровержимую правовую презумпцию, в соответствии с которой несовершеннолетнее лицо при достижении возраста ответственности в полной мере способно осознавать природу и характер своего поведения и руководить им, пока не доказано обратное². Смысл данной оспариваемой правовой презумпции заключается в признании в качестве вменяемых лиц несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, кроме случаев фактического недостижения несовершеннолетним соответствующего уровня психологического развития, исключающего психическое расстройство, что выступает правовой гарантией от объективного вменения³.

В рассматриваемом контексте остался без внимания вопрос об участии в совершении преступных действий, запрещенных ст. 238¹ УК, субъектов, не

¹ См.: Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. С. 72.

² См.: Кругликов Л.Л., Зувев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления). Ярославль, 2000. С. 138–142; Кругликов Л.Л. Аксиомы, презумпции и фикции в уголовном праве: динамический аспект // Lex Russica. 2006. Т. 65, № 5. С. 921.

³ См.: Панько К.К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и классификация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 325.

достигших шестнадцатилетнего возраста. Речь идет прежде всего о фактах совершения преступлений с особо квалифицирующими признаками, повлекших тяжкие последствия и вызывающих острый социальный резонанс.

Так, п. 4.1 Пекинских правил устанавливает, что в национальных правовых системах при установлении возрастного ценза уголовного преследования в отношении несовершеннолетних лиц должны быть учтены факторы духовного, эмоционального, интеллектуального развития зрелости личности, при этом нижнее значение возраста ответственности не может быть слишком низким¹. Минимальный возраст уголовного преследования традиционно устанавливается в силу экономических, этнических, социально-культурных и исторических факторов жизнедеятельности социума.

Наряду с Россией общее условие возрастной категории, с которой предусмотрена уголовная ответственность, кроме случаев совершения лицом тяжких и особо тяжких преступлений, устанавливается с фактом наступлением шестнадцатилетнего возраста в следующих государствах постсоветского пространства: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Литовская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Украина.

В ряде государств, находящихся на постсоветском пространстве, законодательно закреплен более низкий возраст привлечения к уголовной ответственности. Так, по Пенитенциарному кодексу Эстонии уголовная ответственность наступает с 14 лет².

Уголовное законодательство Латвийской Республики устанавливает четырнадцатилетний возраст наступления уголовной ответственности, в том числе в сфере оборота товаров и оказания услуг, в ст. 202 «Необеспечение

¹ См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 30.12.2022).

² См.: Пенитенциарный кодекс Эстонии. URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ%20КОДЕКС%2007.2020.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

качества товара и услуги», ст. 203 «Несоблюдение требований надежности товара и услуги»¹.

Уголовный кодекс Грузии в качестве условия наступления уголовной ответственности устанавливает возраст с 14 лет, в частности ст. 246 УК Грузии устанавливает основание уголовной ответственности за незаконную врачебную или фармацевтическую деятельность².

В ряде европейских стран уголовное законодательство закрепляет более низкий возрастной порог наступления уголовной ответственности. В частности, уголовное законодательство Нидерландов³ устанавливает возраст наступления уголовной ответственности с 12 лет, УК Республики Болгария⁴ закрепляет возможность привлечения к уголовной ответственности с 14 лет, уголовное законодательство Франции⁵ предусматривает наступление уголовной ответственности по достижении лицом возраста 13 лет. По уголовному законодательству ФРГ⁶ и Италии⁷ уголовная ответственность наступает при достижении лицом четырнадцатилетнего возраста.

Нормотворец при установлении возрастного ценза привлечения к уголовной ответственности исходит из критерия способности несовершеннолетних, достигших определенного возраста, осознавать степень и характер общественной вредности своего поведения при совершении общественно опасного деяния и оценивать последствия преступных действий. И действительно, фактическая способность к сознательно-волевому контролю своих поступков, как правило,

¹ См.: Уголовный закон Латвии. URL: <http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).

² См.: Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/137/ru/pdf> (дата обращения: 27.12.2022).

³ См.: Уголовный кодекс Голландии. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-голландии.html> (дата обращения: 27.12.2022).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Болгария. URL: <https://lex.bg/laws/ldoc/1589654529> (дата обращения: 07.01.2023).

⁵ См.: Уголовный кодекс Франции / науч. редактирование Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой ; пер с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб., 2002. 648 с.

⁶ См.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии = The Criminal Code of The Federal Republic of Germany / науч. редактирование и вступит. ст. Д.А. Шестакова ; предисл. Г.-Г. Йешека ; пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб., 2003. 522 с.

⁷ См.: Уголовный кодекс Италии / науч. ред. Р.М. Асланова ; пер. с итал. Е.Р. Шубиной. СПб., 2003.

формируется у подростков значительно раньше достижения ими 14-летнего возраста¹.

В практической плоскости зачастую возникают коллизионные ситуации, когда в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступные деяния, в силу недостижения возраста уголовной ответственности, со стороны государства не применяются должные уголовно-правовые меры воздействия, которые в силу характера и степени общественной вредности преступления, высокого социального резонанса должны быть применены. В правоприменительной практике нередки ситуации, когда несовершеннолетние, не достигшие возраста уголовной ответственности, совершают общественно опасные деяния и не получают должного порицания со стороны общества². Очевидно, что несовершеннолетние преступники, совершившие преступление, оказываются вне уголовно-правового поля, несмотря на то что данные лица в силу характера совершенного деяния имеют фактическую способность к сознательно-волевому поведению и способны к виновной ответственности³.

С другой стороны, установление слишком низкого возрастного уровня привлечения лица к уголовной ответственности или его отсутствие влечет за собой бессмысленность уголовной ответственности. Следует согласиться с А.Г. Кибальником, по мнению которого, особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних обусловлены исключительно возрастом и социальной незрелостью и фактически направлены на смягчение ответственности и наказания несовершеннолетних⁴. В силу данного обстоятельства нормотворцу следует принимать обоснованное и взвешенное решение при установлении минимального возраста наступления уголовной ответственности в духе разумности и справедливости. В рамках проведенного анкетирования среди

¹ См.: Кузнецов Д.Ю. Проблема возраста уголовной ответственности в трудах российских юристов второй половины XIX – начала XX века и современность // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы расследования преступлений в современных условиях : материалы науч.-практ. конф. Орел, 2011. С. 88.

² См.: Селезнева Н.А. Ответственность несовершеннолетних по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 23.

³ См.: Готовец В.Э. Возраст субъекта преступления // Наука и образование сегодня. 2019. № 2 (37). С. 70.

⁴ См.: Кибальник А.Г. Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 63.

сотрудников правоохранительных органов было установлено, что 24 % респондентов высказались за снижение возрастного ценза ответственности до 14 лет за совершение деяний, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, с особо квалифицирующими признаками, 71 % опрошенных не поддержали указанную инициативу, 5 % опрошенных затруднились ответить.

По нашему мнению, в российском уголовном законодательстве в ч. 2 ст. 20 УК РФ криминологически обоснованно установлен исчерпывающий перечень преступлений со сниженным возрастом ответственности. В контексте рассматриваемого вопроса следует сказать, что снижение возрастной рамки наступления уголовной ответственности до четырнадцатилетнего возраста за совершение искомого преступления, даже при наличии квалифицирующих признаков, нецелесообразно и не имеет криминологического обоснования. Об этом свидетельствует правоприменительная практика расследования и рассмотрения уголовных дел по ст. 238¹ УК РФ.

Исходя из вышеизложенных обстоятельств, мы считаем, что вопрос о снижении возраста ответственности по преступлениям, предусмотренным ст. 238¹ УК, с квалифицирующими признаками является дискуссионным и требует тщательной научной проработки. В связи с чем полагаем, что субъектом совершения преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, в конечном итоге должно быть лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Относительно уголовной ответственности юридических лиц российский законодатель занимает прочную позицию исключительно индивидуальной (персональной) ответственности, а не групповой, что представляется вполне оправданным, так как ответственность юридических лиц, по существу, остается гражданско-правовой или административной¹. По мнению Е.В. Грызуновой, субъектом правонарушения является человек. Если противоправное деяние совершается организацией, мы должны подразумевать, что данное деяние совершается человеком, работающим в этой организации. То есть организация

¹ См.: Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 184.

является комплексным субъектом правонарушения и фактически не способна совершать какие-либо действия (бездействия), их могут совершать только люди¹. По мнению Н.С. Таганцева, общее мнение ученых относительно юридических лиц является неизменным с точки зрения правовой доктрины и принципов уголовной политики².

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что признание юридического лица субъектом ответственности в уголовном законе России нецелесообразно, так как потребует значительной реформации большинства институтов в уголовно-правовой доктрине.

На основе анализа ряда уголовно-правовых норм УК РФ, результатов исследования материалов следственно-судебной практики, с учетом норм уголовного законодательства зарубежных стран (Аргентина, Китай, Турция и др.) и рекомендаций Конвенции «Медикрим» объективно представляется вывод о целесообразности введения в ч. 2 ст. 238¹ УК нового квалифицирующего признака – совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения.

В действующей редакции ст. 238¹ УК в качестве субъекта преступления не предусматривается факта совершения преступления специальным субъектом, то есть лицом, обладающим как общими, так и специфическими признаками, которые обязательны для привлечения к специальным случаям уголовной ответственности³. Фактически дополнительный признак может носить конкретный характер (например, при вынесении судьей заведомо неправосудного приговора) или иметь обобщенное содержание (например, в случае нарушений требований пожарной безопасности субъектом, ответственным за соблюдение данных правил).

В содержании нормы ст. 238¹ УК категория «производство» закреплена в качестве способа совершения преступления. Законодатель посредством

¹ См.: Грызунова Е.В. Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 63.

² См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право : лекции : часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 143.

³ См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 101.

бланкетного приема излагает правовой материал путем отсылки к положениям закона «Об обращении лекарственных средств», где производство понимается как деятельность предприятий-изготовителей по изготовлению лекарственных средств в рамках стадий технологического процесса, который включает функциональные операции по хранению и реализации произведенной продукции. Исходя из вышеизложенного, в законе имеется прямое закрепление хозяйствующего субъекта, участвующего в обращении лекарственных средств.

Аналогичным образом в ст. 29 закона «О качестве и безопасности пищевых продуктов», ст. 98 закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» законодательно закреплены основы ответственности должностных лиц контрольно-надзорных органов, задействованных в сфере охраны здоровья, обращения пищевых продуктов. Вышеупомянутые законодательные установки, а также социальная ценность охраняемых общественных отношений обуславливает необходимость модернизации действующей редакции состава ст. 238¹ УК в части закрепления квалифицирующих признаков, регламентирующих уголовную ответственность за совершение искомого преступления должностными лицами в качестве специальных субъектов.

К специальным субъектам преступления в упомянутом контексте следует отнести лиц, совершивших преступление с использованием служебного положения, лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющих функции представителя власти либо выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, занимающих должности в государственном, муниципальном или коммерческом секторе, которым вменены обязанности, связанные с обеспечением законного режима обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных продуктов.

Например, заместитель директора ФГБНУ «И», к основным видам деятельности которого относятся разработка основ и способов профилактики и лечения болезней сельскохозяйственных животных, разработка и производство лекарственных препаратов и средств защиты животных, оказание услуг по их

диагностике, профилактике и лечению, гр. «Н» совместно с ведущим научным сотрудником лаборатории болезней животных гр. «Ш» были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 238¹ УК, по факту производства (изготовления) и сбыта недоброкачественного и незарегистрированного лекарственного средства для ветеринарного применения – сыворотки на общую сумму не менее 230 560 руб.¹

К рассматриваемой категории специальных субъектов следует отнести сотрудников государственных организаций (предприятий, учреждений), предприятий-производителей, индивидуальных предпринимателей, представителей коммерческих (некоммерческих) негосударственных организаций, выполняющих управленческие и (или) хозяйственные функции в сфере обращения фармацевтической продукции. Так, генеральный директор ООО «Эстетика» гр. «Г» была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238¹ УК РФ, по факту сбыта незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий на общую сумму 8 842 433,91 руб.²

В действительности, факт совершения указанной категории преступлений лицами, наделенными специальными полномочиями в рассматриваемой сфере, обусловивший обращение недоброкачественной фармацевтической или биологически активной продукции, имеет резонансный характер, что в конечном итоге может привести к фатальным социальным последствиям. В рассматриваемой ситуации мы можем говорить об использовании законодателем бланкетного (отсылочного) способа конструирования состава преступления, в котором указывается часть правового предписания и одновременно проводится отсылка к внешней норме, где закреплена другая часть правовой установки³.

Речь в данном случае идет об обращении к медицинскому законодательству, регламентирующему правила ввода в гражданский оборот лекарственных средств

¹ См.: Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 11 декабря 2018 г. по делу № 1-481/2018 // ГАС «Правосудие» (дата обращения 19.02.2023).

² См.: Приговор Советского районного суда г. Махачкалы от 6 мая 2022 г. по делу № 1-138/2022 // ГАС «Правосудие» (дата обращения 21.02.2023).

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М., 1982. Т. II. С. 282.

для медицинского применения¹, регулирующих особенности обращения и государственной регистрации медицинских изделий², определяющих требования к производству и обороту биологически активных добавок³.

При установлении наличия признаков специального субъекта в качестве лиц, использующих свое служебное положение при совершении преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, следует рассматривать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к ст. 285 УК, в том числе государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК. В данном случае правовое предписание закрепляется законодателем посредством приема законодательной техники в форме примечаний. Немаловажную роль в правоприменительной практике выполняют разъяснения по вопросам применения законодательства, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий»⁴, от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁵, от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁶, от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых

¹ См.: Постановление Правительства РФ «О порядке ввода в гражданский оборот лекарственных препаратов для медицинского применения» от 26.11.2019 г. № 1510 (в ред. от 15.12.2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338709/ (дата обращения: 21.03.2022).

² См.: Постановление Правительства РФ «Об особенностях обращения медицинских изделий, в том числе государственной регистрации серии (партии) медицинского изделия» от 03.04.2020 г. № 430 (в ред. от 28.12.2021 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73749698/> (дата обращения: 07.01.2023).

³ См.: Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.3.2.1290-03 «Гигиенические требования к организации производства и оборота биологически активных добавок к пище (БАД)», утвержденные Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации 17 апреля 2003 года. URL: <https://base.garant.ru/4179220/> (дата обращения: 07.01.2023).

⁴ См.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 (в ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 14.11.2022).

⁵ См.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 17.11.2022).

⁶ См.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 19.11.2022).

вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях»¹.

По нашему мнению, в целях обеспечения единообразного применения законодательства в процессе расследования и судебного рассмотрения дел о преступлениях в сфере обращения фармацевтической продукции и биологически активных добавок следует внести дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ»². Предлагается закрепить разъяснения по вопросам толкования нормы ст. 238¹ в части регламентации привлечения к уголовной ответственности лиц, использующих свое служебное положение при совершении преступлений, на основании соответствующих положений примечаний к ст. 201, 285 УК и руководящих разъяснений вышеупомянутых постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Исследование материалов следственно-судебной практики, положительный зарубежный опыт, анализ статистических данных указывают на высокий уровень рецидива при совершении преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, что свидетельствует о значительном возрастании степени общественной опасности деяния. Представляется объективным в качестве квалифицирующего ввести признак «совершение преступления специальным субъектом, то есть лицом, имеющим судимость за совершение аналогичных преступлений». В качестве аналогичных преступлений в примечаниях ст. 238¹ УК предлагается указать преступления, предусмотренные ст. 235, 235¹, 238, 238¹, 327² УК. Таким образом, представляется целесообразным усилить ответственность посредством введения в п. «г» ч. 3 ст. 238¹ УК признака специального рецидива в качестве квалифицирующего (совершение преступления лицом, имеющим судимость за совершение аналогичных преступлений).

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/ (дата обращения: 23.11.2022).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72180394/> (дата обращения: 26.11.2022).

Данное законодательное предложение вытекает из сущности аксиомы общественной опасности личности и деяния, в соответствии с которой социальная вредоносность преступлений неуклонно возрастает в случае повторного совершения преступления, совершения преступления лицом, ранее судимым, что предлагается реализовать в ст. 238¹ УК РФ в части признания вышеуказанных обстоятельств в качестве общеотягчающих и квалифицирующих¹.

В данном случае, раскрывая понятие лица, имеющего судимость за совершение аналогичных преступлений, следует использовать законодательный прием в форме примечаний, посредством которого конкретизировать вышеуказанное обстоятельство в соответствующем пункте примечаний к ст. 238¹ УК.

Вышеупомянутые категории, отражающие сущностные характеристики специального субъекта модернизированного состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, одновременно являются средствами дифференциации уголовной ответственности, на характеристике которых мы остановимся в следующей главе исследования.

Также следует обратить внимание на использование законодателем при конструировании исследуемого состава преступления презумпции, которая определяет сущностные характеристики субъекта преступления².

В конструкции ст. 238¹ УК РФ законодателем закреплена презумпция осознания субъектами законности порядка обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок³. В силу данной презумпции виновное лицо должно осознавать противоправный характер своих

¹ См.: Кругликов Л.Л. Аксиомы, презумпции и фикции в уголовном праве: динамический аспект // Lex Russica. 2006. Т. 65, № 5. С. 926.

² См.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 20.

³ См.: Танцюра В.С. Вопросы противодействия обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников V Международ. пенитенциар. форума, приуроч. к проведению в 2021 г. в Рос. Федерации Года науки и технологий / отв. ред. В.Г. Бояринев : в 9 т. Рязань, 2019. Т. 3. С. 291.

действий, выражающийся в нарушении нормального законного порядка обращения фармацевтической продукции¹.

Следует отметить, что в содержании исследуемого состава преступления включена презумпция добросовестности деятельности субъектов, участвующих в обращении фармацевтической продукции и биологически активных продуктов. Указанное положение предопределяет обязанность соответствующих субъектов добросовестно осуществлять деятельность в исследуемой сфере в режиме законности². Что касается должностных лиц контрольно-надзорных органов, презумпция добропорядочности деятельности обязывает вышеупомянутых субъектов надлежащим образом выполнять обязанности в ходе реализации контрольно-надзорных функций за обращением соответствующей фармацевтической и пищевой продукции. Данная позиция аналогичным образом обосновывает объективную потребность введения в содержание исследуемой нормы специального субъекта, то есть лица, использующего свое служебное положение в преступной деятельности, что выступает обстоятельством, дифференцирующим уголовную ответственность. В процессе закрепления квалифицирующих признаков состава преступления законодатель применяет презумпцию повышения общественной опасности деяния при совершении преступления с отягчающими квалифицирующими обстоятельствами, что отражено в ч. 2, 3 ст. 238¹ УК³. Вышеприведенные доводы, по нашему мнению, объективно обосновывают необходимость закрепления специального субъекта в содержании нормы ст. 238¹ УК.

В структуре состава общественно опасного деяния субъективная сторона способствует признанию деяния в качестве общественно опасного, определяет степень общественной опасности преступления, выполняет значимую роль при квалификации преступления и имеет определяющее значение при назначении справедливого наказания.

¹ См.: Грошев А.В. Презумпции в уголовном праве и их роль в правоприменительной деятельности // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 145.

² См.: Нестеров А.В. Презумпция законопослушности // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 407.

³ См.: Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические преступления). Ярославль, 2000. С. 89–90.

Применительно к норме ст. 238¹ УК установлено, что лицо подлежит уголовному преследованию только при субъективном отношении виновного лица к совершенному преступлению в форме вины – прямого умысла. Если в действиях лица отсутствует неотъемлемый признак субъективной стороны – вина в форме прямого умысла, то объективно следует вывод об отсутствии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, что по обстоятельствам дела влечет прекращение в отношении лица уголовного преследования. Вышеприведенный казус вытекает из аксиоматического положения, в соответствии с которым без вины нет уголовной ответственности¹.

Применительно к процедуре конструирования правового предписания определяющую роль непосредственно при построении системы санкций, предлагаемых к применению в отношении правонарушителя, выполняет аксиома, в соответствии с которой наказание должно быть достаточным средством достижения его целей. На основе указанного постулата автором разработаны количественно-качественные направления модернизации санкций соответствующих частей ст. 238¹ УК, которые объективно отражают оптимальное соотношение аспектов индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности.

Существенным признаком субъективной стороны исследуемого состава преступления является заложенная законодателем в первооснову состава преступления презумпция знания закона. Указанная презумпция предполагает, что все субъекты правоотношений должны знать законодательство, под юрисдикцию которого они подпадают, незнание или игнорирование норм закона не освобождает субъекта от юридической ответственности по факту нарушения закона².

В данном случае мы можем говорить об использовании правотворцем при конструировании субъективной составляющей исследуемого состава преступления неопровержимой презумпции истинности уголовного запрета,

¹ См.: Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические преступления). Ярославль, 2000. С. 39.

² См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 105.

воплощаемой в реальности осознания лицом незаконности своих действий, в понимании лицом общественной опасности деяний, что составляет интеллектуальный элемент умышленной формы вины¹.

Таким образом, в настоящей главе была дана характеристика инструментария законодательной техники, используемого законодателем при формулировании уголовно-правовых предписаний, в том числе использованных при конструировании существенных признаков состава общественно опасного деяния, закрепленного в ст. 238¹ УК. Параллельно нами были рассмотрены направления использования средств законодательной техники в части конструирования ст. 238¹ УК, что в конечном итоге определяет основание межотраслевой дифференциации и дифференциации уголовной ответственности. Вопросы дифференциации ответственности применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, будут подробно исследованы в третьей главе настоящего исследования.

¹ См.: Кругликов Л.Л., Зув Ю.Г. О презумпциях как технико-юридическом средстве в уголовном праве // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 270.

Глава 3. Дифференциация ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок

3.1. Дифференциация ответственности в уголовном праве: понятие, виды и средства осуществления

Дифференциация уголовной ответственности является приоритетным направлением уголовной политики России на современном этапе развития отечественного уголовного законодательства¹. Данное положение обусловлено объективными тенденциями по воплощению в жизнь принципов равенства перед законом и судом, гуманизма и справедливости в области правоприменения в части избрания меры государственного принуждения, что непосредственно осуществляется путем дифференциации ответственности в уголовно-правовой сфере².

Дифференциация уголовной ответственности понимается в контексте градации осуществления законотворцем в уголовном законе меры возможной ответственности, что приводит в конечном итоге к последствиям репрессивного характера. Уголовная ответственность занимает ключевую ведущую позицию в уголовном законодательстве, так как в результате произведенной дифференциации в форме дозирования, разделения объема ответственности возникают репрессивные меры уголовно-правового характера³.

В рамках рассмотрения понятий и сущности категории дифференциации ответственности следует отметить, что дифференциация ответственности в российском уголовном законодательстве существенным образом влияет на

¹ См.: Жильцов А.А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 239.

² См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 22.

³ См.: Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса : сб. науч. тр. / редкол.: Е. В. Благов и др. Ярославль, 1993. С. 110–111.

развитие государственных и общественных институтов, что отражает ее тесную связь с проводимой государством уголовно-правовой политикой. Осуществление дифференциации в отношении лиц, нарушивших уголовно-правовые запреты, является одним из стратегических направлений современной уголовной политики государства по борьбе с преступностью¹. В современной науке уголовного права дифференциация ответственности выступает одним из принципов уголовно-правовой политики государства и воплощает концептуальные цели и тенденции ее развития. Государственная политика в сфере борьбы с преступностью определяет прежде всего цели, задачи, стратегические направления деятельности, организационно-правовые формы реализации полномочий в рамках функционирования аппаратов гражданского общества и органов власти в сфере противодействия преступности, особенно отдельным ее видам (террористическая, экстремистская преступность и т. д.)².

Действительно, уголовная политика является элементом государственной политики, проводимой в социуме, выступает в качестве проработанного направления деятельности государства по борьбе с преступностью, устанавливает цели, средства и направления борьбы с преступностью. Посредством формирования отраслевого законодательства криминального цикла и установления правовых форм практического его применения уголовная политика определяет организационно-правовые меры по превенции преступности. Уголовная политика представляет собой стратегию государства по формированию и применению согласованных между собой норм отраслей криминального цикла в рамках деятельности специальных государственных учреждений³. Приведенная формулировка характеризует ярко выраженный законотворческий характер уголовной политики.

¹ См.: Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 48–49.

² См.: Розенко С.В. Экстремизм в России: состояние и проблемы уголовной ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 1. С. 125–130.

³ См.: Гончаров Д.Ю. Законодательство криминального цикла в определениях уголовной политики советского и раннего постсоветского периодов // Адвокатская практика. 2010. № 4. С. 36.

Б.Я. Гаврилов в понятие уголовной политики включает также уголовно-исполнительную, уголовно-розыскную, уголовно-предупредительную политику¹. В данном случае необходимо выделить относительно самостоятельные, но взаимообусловленные сферы реализации государственной уголовной политики в области борьбы с преступностью. Речь идет прежде всего об уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, общепреventивной сферах проявления государственной политики.

Рассматривая уголовно-правовую сферу проявления уголовной политики государства, следует отметить, что уголовная политика определяет содержание уголовного законодательства, закрепляет его принципы, направления совершенствования норм отраслей законодательства уголовного цикла. По мнению М.П. Чубинского, уголовная политика понимается в качестве вектора уголовно-правовой науки, направленного на создание в государстве посредством социальной реформ благоприятных условий для надлежащей организации системы правосудия, развития и функционирования современного уголовного законодательства².

И действительно, уголовно-правовая сфера деятельности правоприменительных органов охватывает широкий спектр общественных отношений, в рамках которых в различных формах проявляются преступные общественно вредные явления. В практической плоскости несовершенство норм уголовного закона создает непреодолимые трудности в деятельности правоприменительных органов по обеспечению защиты прав и законных интересов личности, общества и государства, что неминуемо приводит к негативным социальным оценкам деятельности по борьбе с преступностью. От степени совершенства уголовного законодательства напрямую зависит степень эффективности борьбы уполномоченных субъектов с преступностью.

Совершенство уголовного законодательства заключается в разработке и принятии поправок в уголовный закон, которые в наивысшей степени

¹ См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : моногр. М., 2008. С. 13.

² См.: Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М., 2008. С. 78.

соответствовали бы объективно существующим реалиям в социуме, в котором личность осуществляет участие в тех или иных процессах материального, духовного и политического характера. Одним из требований к уголовному законодательству является точность и ясность законодательных формулировок, которые позволят избежать случаев применения мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших малозначительное деяние или совершивших действие, подпадающее под категорию гражданско-правового деликта.

Не менее актуальным в практической сфере правоприменительной деятельности является вопрос о степени применения к преступникам мер уголовно-правового характера, исходя из условий и обстоятельств совершенного деяния. В данной ситуации следует говорить о целесообразности использования в сфере правотворчества и правоприменения основных принципов уголовно-правовой политики в форме дифференциации и индивидуализации¹.

Дифференциация уголовной ответственности как части уголовно-правовой политики государства заключается в том, что предписания уголовного закона распространяются на неопределенный круг потенциальных субъектов преступления, обязанных претерпевать неблагоприятные последствия карательного характера, объем которых определяется на основании уровня типовой общественной опасности преступления и личности преступника².

Дифференциация ответственности как имманентный элемент политики государства в уголовно-правовой сфере взаимосвязана с социальными явлениями в рамках установления преступного круга деяний, что определяется как криминализация³, в то же время прослеживается связь дифференциации

¹ См.: Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. 1977. № 9. С. 54.

² См.: Коробов П.В. Правовая политика и дифференциация уголовной ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 181.

³ См.: Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яколев. М., 1982. С. 17.

ответственности с социально-правовыми процессами по исключению деяний из категории преступных, что выражается в понятии декриминализации¹.

Дифференциация уголовной ответственности соотносится с областью пенализации, состоящей в формулировке оснований привлечения к уголовной ответственности, определении целей, видов и размеров наказаний², а также имеет точки соприкосновения со сферой депенализации, заключающейся в установлении оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также в сокращении репрессивного объема уголовно-правовых мер³.

Дифференциация уголовной ответственности материализуется в правотворческой сфере правоотношений посредством осуществления категоризации преступлений по критерию общественной опасности путем законодательного закрепления обстоятельств, отягчающих и смягчающих ответственность, в выработке практически обоснованных разъяснений по вопросам правоприменения, а также в повсеместном воплощении реализации принципа персонализации ответственности.

Индивидуализация ответственности заключается во всестороннем изучении обстоятельств и условий совершения преступления, индивидуальных свойств личности преступника при назначении наказания или иных мер уголовно-правового воздействия, исходя из степени и характера опасности, в сторону жестких или более мягких мер, но в пределах, предусмотренных уголовным законодательством, что, безусловно, способствует повышению качества правоприменительной деятельности⁴.

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности нашли свое воплощение в уголовном законодательстве России посредством закрепления в качестве одного из основополагающих принципов уголовно-правовой политики

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблема декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 103.

² См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 92.

³ См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 127.

⁴ См.: Полтарыгин Р.В. Теоретическое исследование особенностей институтов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 236.

и уголовного законодательства РФ принципа справедливости в ст. 6 УК РФ¹, что благоприятствует выполнению задач и достижению целей уголовного законодательства².

В рамках кардинальной модернизации уголовного законодательства как важнейшего направления уголовной политики необходимо иметь в виду, что на процессы дифференциации и индивидуализации ответственности прямое и непосредственное влияние в динамическом контексте осуществляют компоненты законодательной техники³. Динамика использования инструментов законодательной техники в контексте их взаимодействия и взаимозаменяемости непосредственным образом влияет на преобразование форм реализации уголовной политики, что неизбежно влечет изменения в процессах дифференциации и индивидуализации ответственности⁴. Оптимальный подбор правотворцем инструментов законодательной техники является условием нерушимости российского законодательства уголовного цикла, способствует полной материализации дифференциации и индивидуализации ответственности в уголовно-правовой сфере, а также стимулирует формирование позитивной модели поведения в социуме.

Уголовная политика государства реализуется в том числе посредством определения и проведения мер профилактического характера по предупреждению преступлений⁵. Указанное направление деятельности государства обуславливается путем закрепления в ст. 43 УК РФ такой цели наказания, как предупреждение совершения новых преступлений.

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 1995. С. 18.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (в ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 23.12.2022).

³ См.: Кругликов Л.Л., Санташов А.Л. О влиянии компонентов законодательной техники на дифференциацию и индивидуализацию ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 131.

⁴ См.: Там же. С. 134–135.

⁵ См.: Цветинович А.Л. Уголовная политика и законодательство // Вопросы уголовной политики : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: А. Н. Тарбагаев, А. С. Горелик. Красноярск, 1991. С. 43.

Профилактическая направленность уголовной политики реализуется посредством установки в законодательстве уголовного цикла не только правовых форм предупредительной деятельности, но и социальных, организационных, идеологических и иных мер превентивного характера¹. Профилактика преступлений осуществляется путем соотнесения характера и интенсивности намечаемых мер с конкретными задачами воздействия, с учетом статуса и особенностей личностей, к которым применяются профилактические меры, условиями их жизнедеятельности и динамики поведения. Меры профилактического воздействия дифференцируются в зависимости от объекта превенции, в частности можно выделить следующие направления: профилактика среди несовершеннолетних лиц, среди молодежи и студенчества, в отношении ранее судимых лиц, среди военнослужащих и т. д.

На основании вышеизложенных доводов необходимо отметить, что понятие «дифференциация» буквально пронизывает все сферы социального проявления уголовной политики и является мерилом, принципом, определяющим ориентиры и сущностные характеристики проводимой уголовной политики в обществе и государстве. По мнению А.И. Коробеева, дифференциация ответственности и наказания – это одна из основополагающих, руководящих идей в области борьбы с преступностью².

Естественным правовым продолжением дифференциации ответственности является категория индивидуализации ответственности. Данные категории взаимообусловлены, взаимозависимы и находятся в неразрывной правовой связи в процессе реализации права, но правовое предназначение рассматриваемых правовых явлений различное. И действительно, необходимо обратить внимание, что уголовно-правовая политика реализуется в законотворческой и правоприменительной сферах деятельности уполномоченных органов власти. Практически в уголовно-правовой сфере дифференциация ответственности

¹ См.: Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 70.

² См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 33.

погружена в законотворческую сферу, где законодатель устанавливает классификацию преступлений, закрепляет меры и размеры уголовного воздействия, определяет правовые рамки применения мер уголовно-правового воздействия на преступника, исходя из личностных характеристик и обстоятельств совершения деяния.

В сфере правоприменения господствует принцип индивидуализации уголовной ответственности, в соответствии с которым правоприменитель, ориентируясь на законодательно установленные границы и рамки применения уголовно-правовых мер, избирает в отношении подсудимого меру наказания с учетом личности преступника и специфических обстоятельств совершения противоправного деяния. При разрешении дела по существу правоприменительный орган в пределах наделенных полномочий, квалифицировав совершенное преступление, принимает решение о применении к лицу вида и меры наказания в пределах, установленных в уголовном законе, руководствуясь фактическими сведениями о личности виновного, а также о характере и степени общественной опасности деяния¹.

В действительности, предполагается на законотворческом и прикладном уровнях закрепить систему, содержащую четкий перечень категорий преступлений и соответствующий им круг уголовно-правовых мер воздействия, применяемых к преступникам в зависимости от степени общественной вредности совершенного деяния и личностных криминологических характеристик преступника, что впоследствии даст возможность правоприменителю справедливо применить к преступнику меру наказания в правовых рамках, установленных законодателем.

В рассматриваемом контексте в реализуемой уголовно-правовой политике необходимо определить направляющее значение законотворческой сферы, которая фактически на законодательном уровне создает правовую основу борьбы с преступностью путем установления оснований уголовной ответственности

¹ См.: Кругликов Л.Л. О понятии и видах дифференциации ответственности // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2001. С. 10.

посредством определения круга деяний, признаваемых преступными, в части закрепления видов применяемых к преступнику мер уголовно-правового воздействия.

По мнению А.П. Чугаева и И.А. Янчука, нормативной основой для воплощения персонального характера ответственности является ее дифференциация в уголовном законе¹. Фактически понятия дифференциации и индивидуализации должны находиться отдельно, обособленно друг от друга, что обусловлено как доктринальным подходом, так и прикладным началом и предполагает закрепление в уголовном законе совершенных правовых установок, относящихся как к дифференциации, так и к индивидуализации, автономно без их смешения².

Задача дифференциации уголовной ответственности заключается в установлении оптимальных объемов и пределов усмотрения суда при назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера³. И действительно, следует говорить о дифференциации ответственности как нормативном основании ее индивидуализации⁴.

Дифференциация уголовной ответственности, с научной точки зрения, находится в неразрывной диалектической связи с понятием «унификация», проявляющимся в уголовно-правовой сфере и производимым нормотворцем⁵. В правотворческой сфере унификация предназначена для созидания правовых установок общего назначения, выступает законодательным инструментом формирования совершенных по содержанию и форме норм отраслей права, в

¹ См.: Чугаев А.П. Основы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания : учеб. пособие. Краснодар, 1985. С. 41; Янчук И.А. Вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в исправительных колониях общего режима в отношении осужденных женщин : дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2009. С. 58.

² См.: Кругликов Л.Л. Вопросы дифференциации ответственности в уголовном законодательстве // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции : сб. / отв. ред. Л. Л. Кругликов Ярославль, 1992. С. 58–66.

³ См.: Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: <https://fondpp.org/zakon/koncepciya-ugolovno-pravovoj-politiki-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 27.05.2020).

⁴ См.: Тарханов И.А., Сафин Л.Р. Индивидуализация ответственности в уголовном праве Российской Федерации (понятие, содержание и виды) // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 2003. Т. 144: Юридические науки / [отв. ред. Ф. Р. Сундугов]. С. 311.

⁵ См.: Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 312.

целом способствует приданию нормам права согласованного характера и достижению терминологического единства на межотраслевом уровне¹.

Унификация, по словам Л.Л. Кругликова, в теории уголовного права является противоположностью дифференциации ответственности и предполагает обеспечение единообразия в тождественных правовых случаях, в процессе эволюции уголовного права рассматриваемые процессы друг друга уравнивают². Примером унификации может служить размещение преступлений против собственности в гл. 21 УК РФ, в отличие от ранее действовавшего УК РСФСР, где преступления против собственности были рассредоточены в разных главах³.

Дифференциация уголовной ответственности заслуженно занимает ключевое место в определении направлений развития на современном этапе общества и государства, уголовно-правовой политики и уголовного права России. Хотелось бы отметить, что в рамках реализации уголовно-правовой политики в форме правотворчества законодателем осуществляется дифференциация уголовной ответственности в процессе создания и модернизации законодательства с учетом сложившихся и развивающихся перспективных социальных реалий. В силу особой роли и значения дифференциации уголовной ответственности как в сфере законотворческой деятельности, так и в процессе реализации права в целом данную категорию необходимо детально рассмотреть в настоящем разделе исследования.

В соответствии с Концепцией уголовного законодательства 1992 г. дифференциация уголовной ответственности определялась как первостепенное направление реформирования отечественной уголовной политики⁴.

¹ См.: Смирнова Л.Е. Направления унификации в уголовном праве // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2005. С. 148.

² См.: Кругликов Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 12.

³ См.: Там же. С. 11.

⁴ См.: Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Советское государство и право. 1992. № 8. С. 39–45; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Рец. на кн.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М. : Инфра-М, 1998. – 287 с. // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2000. С. 175.

Разработанная общественной палатой РФ в 2013 г. Концепция уголовно-правовой политики России в качестве основных направлений уголовно-правовой политики государства закрепляет положение о целесообразности дифференциации уголовной ответственности с учетом данных о личности виновного и об обеспечении последовательной дифференциации ответственности при разработке санкций норм Особенной части УК РФ¹.

Категория «дифференциация» (от лат. *differentia*) понимается как расчленение, разделение чего-либо целого на составные части, элементы, компоненты². Дифференциация осмысливается в дроблении, расслоении, разделении целого образования на составляющие элементы, обуславливается объективными социальными потребностями, по формам проявления и содержанию является универсальной категорией, существует и используется во всех сферах жизнедеятельности в различных формах и в силу данного обстоятельства является предметом исследования различных отраслевых наук.

В юриспруденции дифференциация проявляется в разделении правовой сферы на отрасли права, правовые институты, правовые общности по различным критериям в целях достижения социально полезного результата. В сфере реализации правовых норм законодательства уголовного цикла цель дифференциации заключается в законодательном установлении оснований уголовной ответственности в форме закрепления круга деяний, признаваемых преступными, в законодательном закреплении видов наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим преступления, в установлении организационно-правовых форм исполнения различных видов наказания в зависимости от характера преступления и типизации преступника по критерию социальной опасности.

Фактически дифференциация ответственности в различных формах своего проявления в процессе правоприменения является естественным средством обеспечения реализации принципов справедливости, гуманизма, экономии

¹ См.: Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: <https://fondpp.org/zakon/koncepciya-ugolovno-pravovoj-politiki-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 27.05.2020).

² См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 262.

репрессий, единственным способом достижения целей законодательства уголовного цикла путем назначения справедливого наказания за совершенное преступление.

В науке уголовного права существует множество подходов к пониманию понятия и сущности дифференциации уголовной ответственности. Многополярность и сложность рассматриваемой категории объясняется существованием различных критериев к объяснению и пониманию дифференциации, ее правового предназначения, характеристике ее оснований, видов, сферы и пределов проявления, средств и субъектов ее применения, многоаспектностью определений данного явления, сфокусированных через призму субъективизма ряда исследователей.

По мнению Т.А. Лесниевски-Костаревой, дифференциация ответственности в уголовном праве состоит в разделении, дроблении, детализации объема ответственности, в рамках которой нормотворцем закрепляются разнородные последствия карательного характера на основе типового уровня общественной вредоносности посягательства и личности преступника¹.

П.В. Коробов рассматривает дифференциацию ответственности в контексте обязанности виновного лица претерпевать неблагоприятные последствия совершения преступления в форме осуждения, наказания, судимости, что вытекает из характера и степени общественной опасности деяния и личности виновного².

А.Г. Самойлов и О.Г. Соловьев поясняют, что процесс законодательного дробления уголовной ответственности на формы и установление объема указанных форм в зависимости от установленных в законе юридических обстоятельств составляет сущность дифференциации уголовной ответственности³. Для процесса дифференциации уголовной ответственности

¹ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 52.

² См.: Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 1995. С. 10.

³ См.: Соловьев О.Г., Самойлов А.Г. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 5. С. 75–79.

характерно закрепление в законе силы влияния определенного обстоятельства на меру ответственности.

М.Н. Каплин трактует сущность дифференциации в форме установления различных пределов наказуемости¹.

С.Г. Келина мыслит дифференциацию ответственности в законодательном установлении широкого перечня мер репрессивного воздействия на преступника, что в наибольшей степени отражало бы многообразие форм преступных проявлений и их субъектов².

А.В. Васильевский считает, что дифференциация ответственности состоит в коррекции вида и меры ответственности, предусмотренной уголовным законом, на основании объективных изменений общественной опасности деяния и личности преступника, а также с учетом основополагающих принципов и иных обстоятельств дела³.

Е.Е. Пухтий вкладывает в дифференциацию ответственности процедуру разграничения мер уголовного принуждения, производимую законотворцем, через градацию пределов ответственности с учетом законодательно установленных обстоятельств в форме определения видов, форм и объема ответственности⁴.

По мнению Л.Л. Кругликова, дифференциация уголовной ответственности воплощается в разделении Особенной части УК на различные группы, в структуризации разделов, глав, выделении групп, подгрупп однородных преступлений, а также в конструировании составов деяний в группах, их взаимного расположения по критерию возрастания или убывания степени

¹ См.: Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 26.

² См.: Келина С.Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 5. С. 69.

³ См.: Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 4.

⁴ См.: Пухтий Е.Е. преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 130–131.

общественной вредности¹. Последняя формулировка, по нашему мнению, в полной мере отражает сущность искомого правового явления.

И действительно, дифференциация заключается в производстве законодателем разделения уголовной ответственности в форме ее дозировки, дробления, градации, что в целом логично характеризовать как принцип, род и показатель деятельности². Л.Л. Кругликов утверждает, что в случаях, когда отсутствует «дозировка» ответственности, что непременно происходит при дифференциации уголовной ответственности, отсутствует и последняя³.

Характеризуя сущность исследуемого правового явления, обратим внимание на характеристику оснований дифференциации уголовной ответственности, что не нашло однозначной трактовки в науке уголовного права. В частности, основанием дифференциации ответственности, по мнению ряда теоретиков, выступают обстоятельства дела⁴. Некоторые ученые считают основанием дифференциации ответственности общественную опасность преступления⁵.

По мнению других ученых основанием дифференциации ответственности признается степень общественной опасности, связанная с ее изменением⁶.

П.В. Коробов основание дифференциации ответственности сводил к характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного⁷. Близкую позицию занимает Т.А. Лесниевски-Костарева, которая в

¹ См.: Кругликов Л.Л. О понятии и видах дифференциации ответственности // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2001. С. 7.

² См.: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 61.

³ См.: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Рец. на кн.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М. : Инфра-М, 1998. – 287 с. // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2000. С. 62.

⁴ См.: Поройко М.С. К вопросу о понятии уголовной ответственности и средствах ее дифференциации // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 1998. С. 62.

⁵ См.: Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под ред. Н. А. Беляева и др. СПб., 1992. С. 373.

⁶ См.: Васильев Н.В. Принципы советского уголовного права : учеб. пособие. М., 1983. С. 42–43.

⁷ См.: Коробов П.В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 10.

основании дифференциации видит типичную степень общественной вредности содеянного и типовой уровень опасности личности преступника¹.

В основание дифференциации уголовной ответственности Л.Л. Кругликов и В.Ф. Лапшин предлагают включать характер общественной опасности запрещенного уголовным законом деяния. Следуя данному принципу, как отмечают Л.Л. Кругликов и В.Ф. Лапшин, законодатель выстраивает структуру Особенной части, учитывая не только характер, но и степень общественной опасности деяния при группировке уголовно-правовых норм внутри главы УК, закрепляющих наказуемость за преступления, имеющие схожие родовые признаки. Именно по результатам дифференциации уголовной ответственности создаются уголовно-правовые нормы, предусматривающие основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений².

Из обобщения рассмотренных положений следует, что основания дифференциации уголовной ответственности состоят в характере и степени общественной опасности совершенного деяния и личности преступника.

Исследовав сущность и понятие дифференциации уголовной ответственности, обратим взор к важной составляющей данной категории, характеризующей виды и средства дифференциации уголовной ответственности.

Для успешного использования средств дифференциации уголовной ответственности в практической плоскости немаловажное значение имеет теоретическое осмысление сущности данного правового явления в целом, роль и значение отдельных средств дифференциации уголовной ответственности в отдельности и в системе средств дифференциации в целом.

Например, следует обратить внимание на разделение дифференциации уголовной ответственности по критерию субъекта ответственности, в частности

¹ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 45.

² См.: Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1 (21). С. 7.

выделяется общая и специальная дифференциация, например ответственность должностных лиц, военнослужащих¹.

Следует выделить следующие виды дифференциации уголовной ответственности: 1) проводимая через градацию типового наказания; 2) осуществляемая без протекания процесса через градацию наказания². В первом случае речь идет о дифференциации с использованием квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления, с помощью которых конструируются квалифицированные и привилегированные составы преступлений.

Второй тип дифференциации реализуется в форме освобождения от уголовной ответственности, что регламентировано нормами Общей части УК, например освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Л.Л. Кругликов рассматривает виды дифференциации по вертикальному критерию, в контексте общеправовой, межотраслевой, отраслевой дифференциации, а также дифференциации в рамках уголовно-правового института, в пределах группы норм, в отдельной норме. По уровню проведения дифференциации Л.Л. Кругликов в общеправовом аспекте понимает дифференциацию законодательства федерального уровня, уровня субъектов РФ, муниципальных органов власти³.

По критерию места осуществления дифференциации выделяется дифференциация, производимая нормами Общей части УК, а также дифференциация, осуществляемая нормами Особенной части УК.

Внутри отрасли законодательства, а именно уголовного права, мыслится дифференциация оснований уголовного преследования, форм (видов)

¹ См.: Закомолдин Р.В. О некоторых вопросах уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих и приравненных к ним лиц // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 2 (21). С. 96–101.

² См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 125.

³ См.: Кругликов Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. №3. С. 11.

ответственности, меры применяемых уголовно-правовых репрессий¹. Примером межотраслевой дифференциации ответственности выступает разграничение ответственности по критерию совершения деяния в крупном размере, то есть в сумме, превышающей 100 тыс. руб., в зависимости от которого наступает административная ответственность, предусмотренная ст. 6.33 КоАП РФ, или уголовная ответственность по ст. 238¹ УК за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок².

Характеризуя дифференциацию ответственности в рамках правового института, следует рассматривать дифференциацию в рамках уголовно-правового института, в котором закреплены преступные деяния, посягающие на свободу, честь и достоинство личности.

В пределах группы норм уголовного права следует обратить внимание на регламентацию вопросов дифференциации ответственности в рамках правовых норм, закрепленных в ст. 235, 235¹, 238, 238¹, 327² УК РФ, выполняющих охранительную функцию однородных отношений в сфере обращения фармацевтической продукции. Характеризуя отдельные нормы уголовного права, дифференциацию уголовной ответственности необходимо рассматривать в регламентации квалифицирующих и привилегирующих признаков. Например, в ч. 4 ст. 291 УК РФ закрепляются основания осуществления дифференциации в части закрепления квалифицирующих признаков, к примеру совершение деяний группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в крупном размере, что составляет понятие квалифицированных составов деяний³; ч. 2 ст. 108 УК РФ в качестве основания дифференциации ответственности указан привилегирующий признак – убийство, совершенное при превышении мер,

¹ См.: Кругликов Л.Л. О понятии и видах дифференциации ответственности // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. Ярославль, 2001. С. 3, 8.

² См.: Танцюра В.С., Санташов А.Л. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ: вопросы законодательной техники // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников IV Международ. пенитенциар. форума (к 140-летию уголов.-исполн. системы России и 85-летию Акад. ФСИН России) / отв. ред. А. А. Рудый : в 10 т. Рязань, 2019. Т. 2. С. 263.

³ См.: Кругликов Л.Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 125.

необходимых для задержания лица, совершившего преступление, что составляет понятие привилегированного состава деяния¹.

В зависимости от предметного содержания выделяется дифференциация ответственности и наказания². В рассматриваемом контексте следует согласиться с мнением А.П. Чугаева, который отмечает, что уголовная ответственность и наказание – несовпадающие понятия, употребление в литературе наряду с термином «дифференциация уголовной ответственности» термина «дифференциация наказания» считается вполне оправданным с той оговоркой, что второе понятие уже первого³.

Похожую позицию занимает А.А. Тер-Акопов, который рассматривает разновидности дифференциации уголовной ответственности, заключающиеся, во-первых, в регламентации освобождения лица от уголовной ответственности, во-вторых, в дифференцированном применении мер государственного принуждения в рамках санкции⁴. И действительно, характеризуя процесс дифференциации в уголовно-правовой сфере, следует обратить внимание на обстоятельства, регламентирующие освобождение от уголовного преследования.

Ряд авторов относит к разновидности дифференциации законодательное закрепление возможности применения принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних лиц. Применение вышеупомянутых форм принудительного воздействия, несмотря на факт освобождения от уголовного наказания, нельзя рассматривать в качестве обособленной формы уголовного преследования⁵. Мы склоняемся к мнению, что применение принудительных мер как воспитательного,

¹ См.: Донец С.П. Квалифицирующие и привилегированные признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения : моногр. М., 2019. С. 19.

² См.: Основные проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2012. С. 31.

³ См.: Чугаев А.П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних : учеб. пособие. Краснодар, 1979. С. 26–27.

⁴ См.: Тер-Акопов А.А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 72.

⁵ См. об этом: Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность и ее принципы // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М.К. Треушников. М., 2005. С. 314.

так и медицинского предназначения представляет своего рода альтернативу уголовному преследованию¹.

Характеризуя категорию дифференциации в уголовно-правовой сфере, следует обратить внимание, что ключевая позиция исследуемой категории состоит в объективности применяемых к виновному лицу уголовно-правовых мер воздействия, которые являются следствием осуществленной дифференциации ответственности в форме градирования, разделения, детализации самой ответственности².

Следует согласиться с мнениями ряда исследователей, которые утверждают, что проводимая в уголовном законе дифференциация, или разделение, ответственности имеет правовое выражение не только в процедуре привлечения лица к ответственности, к примеру, в рамках предварительного расследования, но и проецируется в форме трансформации карательного воздействия на другие этапы реализации ответственности³.

Так, в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы в отношении осужденного может быть применено условно-досрочное освобождение от отбывания наказания или произведена замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Приведенное обстоятельство наглядно свидетельствует, что уголовная ответственность имеет четко очерченные границы правового воздействия, в которые включена как процедура исполнения наказания, так и временной период, связанный с наличием судимости у виновного лица⁴.

¹ См.: Санташов А.Л. Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Вологда, 2018. С. 210–211.

² См.: Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса : сб. науч. тр. / редкол.: Е. В. Благов и др. Ярославль, 1993. С. 110–111.

³ См., например: Тарханов И.А. Юридическая природа дифференциации ответственности в уголовном праве // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 2003. Т. 144: Юридические науки / [отв. ред. Ф. Р. Сундуков]. С. 306–307; Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 104–105; Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность и ее принципы // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М.К. Треушников. М., 2005. С. 323–327; Сундуков Ф.Р. Замена наказания и проблемы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2004. Вып. 46. С. 61–71.

⁴ См.: Кругликов Л.Л., Санташов А.Л. Дифференциация исполнения наказания: понятие, основания, пределы и средства осуществления // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 21.

В рамках стадии исполнения наказания дифференциация ответственности воплощается в возможность применения в отношении различных групп осужденных дифференцированных мер карательного и исправительного воздействия с учетом характера и степени общественной вредности совершенных деяний и факторов криминального поведения. Заслуживает внимания позиция ряда ученых, в соответствии с которой дифференциация ответственности является основанием для воплощения индивидуализации ответственности в рамках стадии исполнения наказания в форме применения мер исправительного воздействия на основании характера и степени общественной опасности совершенного деяния, персональных характеристик личности осужденного, а также его поведения в рамках отбывания наказания¹.

В рамках определения нижнего предела дифференциации уголовной ответственности хотелось обратить внимание на мнение ряда ученых, которые в качестве минимального уровня дифференциации указывают на обстоятельства, исключающие уголовную ответственность при наличии соответствующих оснований². Таким образом, в процессе осуществления дифференциации ответственности нормотворец в первую очередь обязан прибегнуть к применению обстоятельств, исключающих преступность деяния. Только при отсутствии вышеупомянутых обстоятельств может быть реализована дифференциация уголовной ответственности в форме применения к преступнику вида и меры наказания, предусмотренных соответствующей нормой Особенной части УК.

В рамках проведения дифференциации ответственности для установления максимального ее предела ориентиром являются наибольшие размеры наказуемости, установленные в уголовном законе, что аналогичным образом применяется в случаях рассмотрения преступлений, совершенных в соучастии,

¹ См.: Кругликов Л.Л. О понятии и видах дифференциации ответственности // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 2001. С. 3; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 14; Вакарина Е.А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 6–7.

² См.: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. С. 171; Чугаев А.П. Указ. соч. С. 25; Коробов П.В. Указ. соч. С. 5.

при совокупности преступлений или приговоров, когда подсудимому может быть применен больший объем санкции, чем установленный в норме статьи УК. Пределы осуществления дифференциации ответственности аналогичным образом спроецированы в сфере исполнения уголовного наказания, где законодательно закреплена возможность применения к осужденному средств дифференциации, например определяющих вид исправительного учреждения, условия отбывания наказания, что имеет решающее значение в рамках формирования правового положения осужденного.

А.Л. Санташов обращает внимание, что определенной отправной точкой в дифференциации выступает отсутствие факта отбывания наказания за совершенное преступление, на основании которого законодатель правомочен проводить дифференциацию посредством использования разнообразных правовых инструментов¹. Максимальным уровнем применения дифференциации в период отбывания наказания следует признать предельно возможное ограничение прав и законных интересов осужденного. К примеру, законом предусмотрен перевод осужденного, отбывающего наказание в обычных условиях, в строгие условия отбывания наказания в случае злостного нарушения порядка отбывания наказания в исправительной колонии общего режима. В практической плоскости правотворец реализует возможный потенциал дифференциации уголовной ответственности в установленном диапазоне между минимальным и максимальным уровнями².

Охарактеризованные выше виды дифференциации уголовной ответственности осуществляются посредством особого инструментария, который в правовой литературе не обойден вниманием. Дифференциация уголовной ответственности осуществляется законодателем в самом законе путем установления степени криминализации деяний посредством закрепления в законе квалифицированных видов преступлений, установления основных и

¹ См.: Кругликов Л.Л., Санташов А.Л. Дифференциация исполнения наказания: понятие, основания, пределы и средства осуществления // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 23.

² См.: Санташов А.Л. Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Вологда, 2018. С. 216–217.

дополнительных видов наказания за их совершение, их размеров и оснований применения, в форме закрепления условий освобождения от уголовной ответственности и наказания. Достижению указанных целей способствуют средства дифференциации уголовной ответственности, посредством которых законодатель осуществляет разделение, дозировку, градацию мер уголовно-правового воздействия на основании фактических обстоятельств дела для создания правоприменителю благоприятных условий при назначении вида и меры наказания в отношении виновного лица.

Л.Л. Кругликов к средствам дифференциации относит квалифицированные и привилегированные составы, а к обстоятельствам – квалифицирующие и привилегирующие признаки¹. В действующем УК РФ критерий дифференциации затрагивает практически все нормы Общей и Особенной части путем закрепления привилегирующих и квалифицирующих обстоятельств, установления квалифицированных и привилегированных составов. К правовым инструментам дифференциации, закрепленным в Общей части УК, относят: категории преступлений (ст. 15), начала назначения наказания (ст. 60, 62, 64), назначение наказания при рецидиве преступлений (ст. 68), по совокупности преступлений (ст. 69), обстоятельства, смягчающие (ст. 61) и отягчающие наказание (ст. 63), освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 76), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81) и т. п., что рассматривается как условие применения средств дифференциации.

Дифференцирующий инструментарий Особенной части УК представлен делением на разделы и главы, закрепленными квалифицированными и привилегированными составами преступлений, специальными видами освобождения от уголовной ответственности, общими и специальными составами, широкой вариативностью применения судом санкций и т. п.² Фактически это установленные в законе значимые обстоятельства, выражающие кардинальное

¹ См.: Кругликов Л.Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 277.

² См.: Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. / науч. ред. А. И. Коробеев. Владивосток, 1999. Т. 2: Наказание. С. 145–146.

изменение типовой степени общественной вредности деяния и личности преступника, которые позволяют провести правовую оценку совершенного деяния по сравнению с основным составом преступления посредством применения более строгого наказания.

Исходя из вышеизложенного следует, что в нормах Общей и Особенной части УК РФ правотворцем построена система правовых средств и обстоятельств, с использованием которых правоприменителем производится дифференциация уголовной ответственности посредством дозирования мер карательного воздействия в отношении виновного на основании фактических обстоятельств дела в форме назначения справедливого наказания за совершенное преступление.

Таким образом, под дифференциацией уголовной ответственности понимается процесс, производимый в ходе правотворческой деятельности по созданию уголовно-правовых предписаний, состоящий в разработке многообразных правовых моделей ответственности, итогом которого выступают различия в видах и объемах ее материализации, обусловленные разницей в характере общественной вредности сформированных моделей преступлений и типового уровня общественной вредности деяния и индивидуальных особенностей личности преступника, а также иных типичных свойств личности¹.

3.2. Межотраслевая дифференциация ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок

На современном этапе развития российской уголовно-правовой политики ключевую роль в реформировании российского уголовного законодательства выполняет дифференциация ответственности. В условиях реформирования действующего законодательства уголовно-правового цикла посредством усиления дифференциации ответственности осуществляется реализация социально

¹ См.: Андреев А.В., Лобанова Л.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2006. № 8. С. 122.

обусловленного главного направления уголовной политики государства в части реализации принципа справедливости¹. В науке уголовного права категория дифференциации ответственности отражает тенденции по переоценке общественных отношений в целях создания совершенных институтов уголовного законодательства, отвечающих требованиям современного состояния процессов жизнедеятельности общества и государства. В этом плане существенное значение приобретает углубление реализации дифференциации ответственности с учетом характера и степени общественной вредности преступлений².

В первом параграфе данной главы была дана исчерпывающая характеристика понятия и сущности дифференциации уголовной ответственности, оснований, ее видов, границ осуществления и средств дифференциации уголовной ответственности. При характеристике видов дифференциации юридической ответственности по критерию вертикального расположения нами была выделена межотраслевая дифференциация юридической ответственности³. Л.Л. Кругликов утверждает, что «достаточно вспомнить о таком виде дифференциации ответственности по вертикали, как межотраслевая, чтобы усомниться в правильности удаления из круга оснований характера общественной опасности»⁴. Основой межотраслевой дифференциации юридической ответственности выступают сущностные характеристики и значение дифференциации как правового явления в системе права, что прежде всего предопределяет деление национальной правовой системы на отрасли права, правовые институты, правовые общности по различным критериям с целью достижения социально значимого результата. Основанием межотраслевой дифференциации юридической ответственности представлен характер

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 1995. С. 25.

² См.: Рогова Е.В. Межотраслевая дифференциация ответственности // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р. А. Забавко, П. А. Капустюк. Иркутск, 2017. С. 5.

³ См.: Тимофеева Е.А. О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 4. С. 22.

⁴ См.: Кругликов Л.Л. Преступление как основание дифференциации ответственности // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке : материалы 6 Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2009. С. 45–46.

общественной опасности, иначе говоря, вредоносности соответствующего вида поведения¹. Межотраслевая дифференциация юридической ответственности присутствует уже на первых этапах разделения всего национального права на отдельные отрасли в зависимости от предмета правового регулирования².

Посредством дифференциации юридической ответственности осуществляется дозирование юридической ответственности в зависимости от степени и тяжести совершенного деяния, степени участия правонарушителя в совершенном социально вредном деянии. Действительно, в общественной природе не существует одинаковых однородных правонарушений, все они отличаются друг от друга по различным критериям оценки. В силу природного различия правонарушений вид и мера государственного принуждения в форме наказаний за совершение правонарушений также имеют различия между собой по объему и содержанию карательного воздействия. Очевидно, что разноплановый характер совершаемых в обществе противоправных поступков предопределяет объективную необходимость в градации наказаний за их совершение, что в конечном итоге нашло воплощение в категории «дифференциация юридической ответственности». Именно разнохарактерность реальных общественно опасных человеческих поступков, посягающих на социальные устои, обуславливает установление дифференциации юридической ответственности в духе принципа справедливости³.

Дифференциация юридической ответственности конечной целью имеет создание правовых предписаний, содержащих справедливые меры государственного воздействия в отношении правонарушителя в зависимости от существенных характеристик совершенного деяния. В рассматриваемом контексте

¹ См.: Кругликов Л.Л. Межотраслевая дифференциация ответственности за экономические преступления и некоторые вопросы законодательной техники // Межотраслевая дифференциация ответственности за правонарушения в сфере экономики : материалы междунаро. науч.-практ. интернет-конф. Ярославль, 2006. С. 10–11; Зайцева О.Б. Межотраслевой и отраслевой характер дисциплинарной ответственности // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 136.

² См.: Лапшин В.Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 105.

³ См.: Лейст О. Э. Юридическая ответственность // Общая теория государства и права : академ. курс : в 2 т. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2: Теория права / д-ра юрид. наук, проф. Борисов В. В., Гранат И. Л., Гревцов Ю. И. и др. С. 606; Рожнов А.П. Проблемы обеспечения юридической справедливости при межотраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 4. С. 138.

следует обратить внимание, что естественное деление системы права на отрасли права, определяемое предметом правового регулирования, влечет создание форм юридической ответственности за нарушение правовых предписаний, устанавливаемых соответствующей отраслью права¹. Для каждого вида ответственности существует определенный набор мер негативного воздействия на лиц, нарушивших установленные нормами соответствующей отрасли права правила поведения. По мнению Д.А. Липинского и Р.А. Хачатурова, основой систематизации юридической ответственности, в том числе и дифференциации ее на виды, выступает ее отраслевая принадлежность². В правовой доктрине дифференциация юридической ответственности мыслится как законодательное закрепление форм и объемов ответственности на основании наиболее свойственных признаков, которые в общих чертах отражают существенные характеристики вероятностных классов деликтов³.

Генеральным значением в процессе реализации вопросов межотраслевой дифференциации ответственности является обеспечение действительности принципа справедливости, воплощающегося в социально обоснованном применении к правонарушителю карательно-воздающих мер государственного принуждения пропорционально тяжести социально вредного проступка⁴.

Непредвзятый характер мер государственного принуждения обеспечивается конструированием в законе наиболее справедливых форм и объемов ответственности за совершенные проступки, что выступает гарантией социально полезной сущности межотраслевой дифференциации юридической ответственности и исключает возможные ошибки в правоприменительной практике.

В зависимости от степени социальной ценности регулируемых или охраняемых общественных отношений в теории права межотраслевая

¹ См.: Лапшин В.Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 105.

² См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности : моногр. СПб., 2007. С. 641–642.

³ См.: Кругликов Л.Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 273.

⁴ См.: Рожнов А.П. Проблемы обеспечения юридической справедливости при межотраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 4. С. 137.

юридическая дифференциация выражается путем установления уголовной ответственности, административной ответственности, гражданско-правовой (материальной) ответственности, дисциплинарной ответственности. Существующий правовой квартет видов юридической ответственности определяется различным характером и общественной опасностью правонарушений, целью юридической ответственности, которая в зависимости от отраслевой принадлежности имеет воспитательный (карательный) или правовосстановительный характер, различием методов правового регулирования отдельных отраслей права¹. Фактически определяющим критерием дифференциации в уголовном законодательстве представляется характер и типовой уровень социальной вредности преступления и преступника².

Мерилом, отграничивающим в процессе дифференциации преступления от иных правонарушений, в рамках привлечения лица к юридической ответственности за совершение однородных противоправных деяний в отношении общественных отношений, регулируемых и охраняемых различными отраслями права, выступает как характер и степень общественной опасности правонарушения, так и объем потенциального вреда как следствие совершенного деяния.

Ориентируясь на категории, характер и степень общественной опасности проступков, законодатель производит размещение правового материала в Особенной части УК РФ в определенной последовательности с целью не только упорядочить нормативный материал, но и в пределах возможного осуществить дифференциацию уголовной ответственности³. Общественная опасность как консолидирующая категория, содержащая сущностные свойства типовых и индивидуальных признаков преступного посягательства, представляет собой ориентир для отграничения преступлений от деяний, влекущих юридические последствия иной отраслевой принадлежности, актов правомерного поведения,

¹ См.: Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 182–183.

² См.: Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 56–57.

³ См.: Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1 (21). С. 6.

что выступает основанием межотраслевой дифференциации ответственности¹. Из вышеизложенных позиций следует, что правовая основа межотраслевой дифференциации юридической ответственности воплощается в характере и степени общественной вредности противоправного деяния.

Характер общественной опасности отражает качественную грань совершенного противоправного деяния, устанавливается уголовным законом и определяется признаками конкретного состава преступления в зависимости от степени устремленности правонарушителя в отношении охраняемых общепризнанных социальных ценностей (объектов уголовно-правовой охраны), формами вины, способами совершения противоправного деяния и причиненным правонарушителем ущербом в форме социально вредоносных последствий.

Уровень общественной вредности правонарушения составляет числовой показатель свойства преступления и определяется непосредственно судом в зависимости от фактических обстоятельств совершенного общественно опасного деяния. Речь идет об условиях совершения правонарушения, моральной подоплеке деяния, направленности умысла виновного, степени опасности действий и наступивших (потенциально возможных) последствий, разнообразных факультативных обстоятельств, которые составляют понятие общественной опасности и берутся во внимание правоприменителем в процессе разрешения юридического казуса по существу².

В дальнейшем характер и уровень общественной вредности совершенного деликта воплощается в санкции нормы права, посредством которой производится оценка общественной вредности конкретного деяния, реализуемая при назначении правомочным субъектом индивидуального наказания за реально совершенное деяние в зависимости от фактических обстоятельств его совершения. Именно степень интенсивности негативного воздействия наказания,

¹ См.: Кругликов Л.Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. 2001. № 5. С. 274.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 23.12.2022).

применяемого к правонарушителю, пропорционально зависит от степени тяжести совершенного правонарушения, то есть его социальной вредности¹.

Из вышеприведенных признаков исследуемого правового явления следует, что межотраслевая дифференциация юридической ответственности – это деятельность, осуществляемая в законотворческой и правоприменительных сферах, которая выражается в разграничении внешне формально схожих однородных правонарушений по отраслевой принадлежности, разделении юридической ответственности на отдельные виды в части установления определенных правовых последствий, определяемых по критерию общественной опасности совершенного противоправного деяния, а также в отграничении правонарушений от актов правомерного поведения². Рассмотрев нормативное содержание категории межотраслевой дифференциации юридической ответственности, перейдем к рассмотрению непосредственных форм ее реализации в отраслевом законодательстве.

Итак, дисциплинарная ответственность представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности в сфере трудовых правоотношений, протекающих между работником и работодателем, заключающийся в установленной законодательными актами ответственности субъектов трудовых правоотношений за совершенный дисциплинарный проступок в процессе совместного труда. Дисциплинарная ответственность является разновидностью юридической ответственности, которая представляет собой возникающее из правонарушения правовое отношение, в силу которого правонарушитель обязан претерпевать неблагоприятные последствия в рамках наложенного дисциплинарного наказания³.

Фактически дисциплинарная ответственность является правовой формой ответственности работника перед работодателем, выражающейся в применении

¹ См.: Лапшин В.Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 105.

² См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. С. 93; Лобанова Л.В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 4. С. 127.

³ См.: Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 330–331.

работодателем, обладающим организационно-распорядительными полномочиями, дисциплинарных взысканий, предусмотренных трудовым законодательством и локальными нормативными актами. Сущность дисциплинарной ответственности состоит в обязанности работника понести наказание за нарушение трудовой дисциплины, выразившейся в совершении дисциплинарного проступка. В действительности дисциплинарный проступок характеризуется большей общественной опасностью по сравнению с гражданско-правовым деликтом, поскольку посягает на более значимые общественные отношения в трудовой, служебной, социально-партнерской сферах¹.

Основные дисциплинарные взыскания, применяемые к работникам, закреплены в ст. 192 Трудового кодекса РФ², но иные нормативные акты в сфере трудовых отношений могут закреплять расширенный перечень поощрений, но не могут расширять виды дисциплинарных взысканий. В отношении отдельных категорий работников в силу особенностей трудовой деятельности могут предъявляться повышенные требования дисциплинарного характера. В частности, законодательно предусмотрено принятие нормативно-правовых актов, регулирующих трудовые отношения отдельных категорий работников и в том числе устанавливающих в отношении работников дополнительные меры поощрения и дисциплинарного воздействия.

Примером может служить Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»³, Дисциплинарный устав органов внутренних дел РФ⁴, в которых закреплены дополнительные меры как поощрений (например, досрочное присвоение очередного специального звания, награждение

¹ См.: Лапшин В.Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 106.

² См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 259-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.06.2023).

³ См.: Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 10.07.2023 г. № 286-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 13.07.2023).

⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» от 14.10.2012 г. № 1377 (в ред. от 22.12.2021 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36139/> (дата обращения: 28.02.2022).

огнестрельным или холодным оружием), так и взысканий (например, строгий выговор, перевод на нижестоящую должность).

В рассматриваемом контексте следует обратить внимание на межотраслевую дифференциацию ответственности за неисполнение приказа начальника сотрудником ОВД РФ. Сотрудник органов внутренних дел в рамках соблюдения служебной дисциплины обязан выполнять распоряжения и приказы начальников, отданные в установленном порядке и не противоречащие федеральным законам¹. Факт неисполнения сотрудником приказа начальника, отданного в установленном порядке и не противоречащего законодательству РФ, представляет собой форму нарушения им служебной дисциплины. Нарушение служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел РФ является основанием для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности в форме наложения дисциплинарных взысканий, предусмотренных законодательством о службе в органах внутренних дел РФ.

Наряду с дисциплинарной формой ответственности за факт умышленного неисполнения сотрудником органа внутренних дел приказа начальника, отданного в установленном порядке и не противоречащего закону, ст. 286¹ УК устанавливает уголовную ответственность в случае, если деяние в форме бездействия посредством неисполнения приказа повлекло причинение общественно опасных последствий в виде существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства². В представленном случае факт причинения охраняемым ценностям существенного вреда обуславливает высокий уровень социальной вредности совершенного деяния. Отличие преступления от служебного проступка состоит в степени общественной вредности, основным критерием которой как раз и является тяжесть наступивших последствий от служебного правонарушения, уровень социальной значимости охраняемых прав и

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» от 14.10.2012 г. № 1377 (в ред. от 22.12.2021). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36139/> (дата обращения: 28.02.2022).

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М., 2021. С. 1216.

законных интересов граждан, интересов общества или государства, которые были нарушены в результате содеянного¹.

Касательно исследуемой проблематики межотраслевая дифференциация ответственности также имеет место в форме разграничения дисциплинарного проступка и преступного деяния в области обращения суррогатной фармацевтической продукции и фальсифицированных биологически активных продуктов.

Выше мы обратили внимание на закрепление в положениях законов «Об обращении лекарственных средств», «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» правовых основ привлечения к юридической ответственности должностных лиц контрольно-надзорных органов, задействованных в сфере охраны здоровья, а также субъектов, осуществляющих деятельность в сфере обращения лекарственных, медицинских препаратов и пищевых продуктов. В практическом контексте дисциплинарная ответственность должностного лица контрольно-надзорного органа власти, в частности наделенного полномочиями в области обращения лекарственных препаратов, медицинских изделий, биологически активных продуктов, может наступать в случае установления факта неисполнения или ненадлежащего выполнения данным функционером служебных обязанностей.

В существующих правовых реалиях возможен косвенный вариант привлечения должностного лица уполномоченного органа власти к дисциплинарной ответственности. Так, например, в процессе расследования уголовного дела могут быть выявлены факты халатного отношения должностного лица контрольно-надзорного органа власти к служебным обязанностям, в частности по проверке качеств и (или) свойств вводимого в оборот фармацевтического препарата, что впоследствии повлекло ввод на фармацевтический рынок недоброкачественной продукции.

¹ См.: Шиханов В.Н. Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа начальника: юридический анализ нового состава преступления главы 30 УК РФ // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4 (51). С. 116.

Безусловно, указанные обстоятельства объективно способствуют совершению преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ. Далее, в соответствии со ст. 158 УПК РФ¹ сотрудник органа предварительного расследования в ходе работы по уголовному делу, выявив обстоятельства, которые способствовали совершению преступления, правомочен направить представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или иных нарушений закона. На основании внесенного в контрольно-надзорный орган представления в отношении соответствующего должностного лица проводится служебное расследование по проверке сведений о неисполнении или ненадлежащем исполнении служебных обязанностей. По итогам служебного расследования функционер, проявивший неисполнительность в выполнении трудовой функции, привлекается к дисциплинарной ответственности.

Также следует рассмотреть ситуацию, когда, например, при проведении расследования уголовного дела или процессуальной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ² в отношении должностного лица контрольно-надзорного органа будет вынесено постановление об отсутствии в его действиях состава преступления. По итогам предварительного расследования или проведенной процессуальной проверки в отношении функционера прекращается уголовное преследование, но само должностное лицо привлекается к дисциплинарной ответственности по факту неисполнения обязанностей, предусмотренных должностным регламентом³.

Хотелось обратить внимание, что привлечение к дисциплинарной ответственности должностного лица при вышеописанных обстоятельствах допустимо только при условии установления юридического факта в части отсутствия признаков преступных деяний в действиях указанного лица.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 236-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.06.2023).

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 236-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.06.2023).

³ См.: Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 10.07.2023 г. № 287-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 13.07.2023).

Ранее в исследовании нами было указано на имеющийся в действующей редакции ст. 238¹ УК пробел в части отсутствия нормы, предусматривающей ответственность специального субъекта, в данном случае должностных лиц. Отсутствие искомой нормы исключает возможность прямого привлечения чиновника контрольно-надзорного органа к уголовной ответственности. Положение о введении специального субъекта в диспозицию статьи расширило бы правовую сферу действительности нормы, регламентирующей уголовную ответственность, предусмотренную ст. 238¹ УК.

Гражданско-правовая ответственность является разновидностью юридической ответственности, которая возникает из факта причинения вреда и состоит в применении к правонарушителю государственно-правовых санкций имущественного характера в пользу потерпевшего. Гражданско-правовая ответственность связана с невыгодными имущественными последствиями для правонарушителя¹.

Рассматриваемый вид ответственности носит компенсационный характер и заключается в полном восстановлении нарушенных прав потерпевшего. В практической плоскости гражданско-правовая ответственность выражается в ответственном отношении к своим договорным или внедоговорным обязательствам, в случае уклонения от которых к правонарушителю применяются санкции имущественного характера с целью восстановления прав потерпевшего, возмещения причиненного вреда².

В контексте исследуемого вопроса мы рассматриваем гражданско-правовую ответственность, имеющую внедоговорное (деликтное) основание, что обуславливается фактом причинения вреда лицом, не являющимся участником обязательственных отношений с потерпевшим. Обязательства вследствие причинения вреда являются внедоговорные обязательства, возникновение

¹ См.: Ветрова А.А. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // *Философия права*. 2013. № 3. С. 24.

² См.: Столярова О.О. Понятие гражданско-правовой ответственности // *Приоритетные научные направления: от теории к практике*. 2016. № 24-2. С. 168.

которых опосредовано носящих абсолютный характер имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего¹.

Сущность рассматриваемого обязательства заключается в полном восстановлении нарушенных прав потерпевшего путем возмещения вреда потерпевшей стороне, понесшей материальные потери вследствие причинения вреда делинквентом (ст. 1064 ГК РФ)². Основной целью гражданско-правовой ответственности является восстановление прав, возмещение причиненного вреда³. Фактически объем возмещения должен быть равен объему причиненного вреда⁴.

Цивилистическая наука обращает внимание, что не любое государственное принуждение может характеризовать гражданско-правовую ответственность, а только принуждение к несению правонарушителем дополнительных имущественных последствий, вследствие которого уменьшается имущественная сфера правонарушителя⁵.

Лицо, совершая гражданско-правовой деликт, нарушает нормы гражданского законодательства, что, в свою очередь, может повлечь не только деликтную ответственность, но и меры уголовно-правового воздействия. Законодатель, формулируя в законе уголовно-правовые запреты, одновременно создает условия для уголовно-правовой охраны ряда гражданско-правовых отношений. Таким образом, противоправность ряда преступлений и гражданско-правовых деликтов может иметь общие корни в виде нарушения гражданско-правовых норм⁶. Данное положение обуславливает беспрепятственную правовую возможность привлечения правонарушителя не только одновременно к уголовной и гражданско-правовой ответственности, но и по раздельности на основании наличия или отсутствия отраслевых оснований привлечения к ответственности.

¹ См.: Рузанова А.В. Обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8.

² См.: «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/3536a45680f27fcfdea85fcc8fe3eb9c6c8a83b1/ (дата обращения: 21.05.2023).

³ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. С. 229.

⁴ См.: Ветрова А.А. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Философия права. 2013. № 3. С. 23.

⁵ См.: Курникова С.С. Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности как меры государственного принуждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 31.

⁶ См.: Степанов В.В. Основание криминализации гражданско-правовых деликтов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4. С. 176.

В рассматриваемом контексте факт совершения преступления является первичным компонентом по отношению к возможной форме гражданско-правовой ответственности. Прежде всего речь идет о первичном установлении признаков состава преступления в конкретном противоправном деянии, определении размера причиненного материального ущерба и установлении причинно-следственной связи как связующей субстанции между деянием и наступившими последствиями. Только при установлении вышеупомянутых фактических обстоятельствах преступного деяния возникает правовое основание использования норм гражданского законодательства с целью разрешения имущественных притязаний посредством направления искового заявления потерпевшим¹.

Широкое распространение в правоприменительной практике имеет факт привлечения к гражданско-правовой ответственности лиц, совершивших деяние в форме незаконного использования средств индивидуализации товаров, закрепленное ст. 180 УК, в совокупности с преступным деянием, предусмотренным ст. 238¹ УК². В действительности, один и тот же факт совершения противоправного поступка является основанием не только для уголовного преследования, но и для гражданско-правового разбирательства, что влечет соответствующие процессуальные формы разрешения дела по существу³.

Следует обратить внимание, что факт привлечения лица к гражданско-правовой ответственности возможен и при отсутствии в действиях лица признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 238¹ и 180 УК, например, при привлечении лица к административной ответственности по ст. 6.33 КоАП РФ, когда рассматривается факт совершения правонарушения путем незаконного

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365020/ (дата обращения: 25.01.2022).

² См.: Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми от 12.09.2019 г. по делу № 1-381/19. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tqNW9CZmXMY//> (дата обращения: 11.02.2022).

³ См.: Брынза С.М. Проблемы соотношения уголовной ответственности за имущественные преступления и гражданско-правовой деликтной ответственности // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. М., 2005. С. 89.

использования средств индивидуализации товаров, не повлекшего наступления преступных последствий¹.

Административная ответственность представляет разновидность юридической ответственности, предусмотренной нормами административного права, наступающей за совершение виновным лицом административного правонарушения, применяемой уполномоченными органами и должностными лицами в виде административных наказаний в рамках законодательно установленных процессуальных форм². Меры административного принуждения выступают в качестве обособленной формы юридической ответственности, которая формализовалась как самостоятельная ветвь отечественного права по итогам кодификации 1985 г.³ В практической плоскости административное принуждение применяется в качестве гибкого инструмента поднормативной регуляции широкого спектра социальных явлений⁴.

В рассматриваемом направлении актуальным остается вопрос о соотношении мер уголовного и административного принуждения за совершение сходных, однородных с формальной точки зрения правонарушений. В той части животрепещущим остается вопрос об определении ориентиров, разделяющих уголовную и административную ответственность в плоскости прикладного правоведения⁵.

В диспозиции нормы ст. 238¹ УК закреплена правовая ориентир, выступающий мерилем в отделении преступного деяния от административного проступка, установленного ст. 6.33 КоАП, которые выполняют охранительную функцию в сфере функционирования отечественного фармацевтического рынка.

¹ См.: Танцюра В.С. Вопросы противодействия обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников V Международ. пенитенциар. форума, приуроч. к проведению в 2021 г. в Рос. Федерации Года науки и технологий / отв. ред. В.Г. Бояринев : в 9 т. Рязань, 2019. Т. 3. С. 290.

² См.: Кожевников О.А. К вопросу о понятии и признаках административной ответственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 18.

³ См.: Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 1979. С. 14.

⁴ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 104.

⁵ См.: Танцюра В.С. Вопросы противодействия обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников V Международ. пенитенциар. форума, приуроч. к проведению в 2021 г. в Рос. Федерации Года науки и технологий / отв. ред. В.Г. Бояринев : в 9 т. Рязань, 2019. Т. 3. С. 290.

Упомянутый критерий выражается в форме установления в примечаниях к ст. 238¹ УК понятия крупного размера совершенного деяния в сумме, превышающей сто тысяч рублей, что выступает средством межотраслевой дифференциации ответственности. Именно упомянутый размер стоимости фармацевтических товаров является мерилем, определяющим уровень общественной опасности деяния, посредством которого происходит разграничение преступного уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, от административного правонарушения, установленного ст. 6.33 КоАП¹.

В отечественном уголовном праве в последние десятилетия просматривается тенденция по введению новых составов преступлений с признаком административной преюдиции. В целом административная преюдиция заключается в признании в качестве уголовно наказуемого факта совершения административного проступка в определенный период времени лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за совершение такого же или однородного правонарушения². Отечественный уголовный закон начиная с 2014 г. неоднократно дополнялся составами преступлений с признаками административной преюдиции. В настоящее время признак административной преюдиции содержится во многих уголовно-правовых запретах (ст. 116¹, 151¹, 157, 158¹, 171⁴ УК РФ и т.д.). Кроме того, в отдельных составах преступлений, например в ст. 180 УК, присутствует понятие «скрытой» преюдиции, где в качестве обязательного признака выступает неоднократность совершенного деяния³.

Вопрос обоснованности использования института административной преюдиции при конструировании отдельных уголовно-правовых запретов является предметом множественных дискуссий среди ученых в рамках доктрины уголовного права. Так, противники введения административной преюдиции утверждают, что количество административных правонарушений не может

¹ См.: Там же. С. 291.

² См.: Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР : учеб. пособие. Свердловск, 1989. С. 3.

³ См.: Иванчин А.В. О целесообразности построения преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 99.

образовать качество преступления. В частности, Н.Ф. Кузнецова отмечала, что сто мышей не образуют одну овцу¹. Указанная позиция заслуживает внимания в доктринальном контексте, но опровергается фактом отсутствия различия в материальной основе административных правонарушений и преступлений, единый характер которых выступает первоосновой возможной межотраслевой дифференциации ответственности в форме перехода от административного деликта к преступлению².

По мнению ряда ученых, при привлечении к уголовной ответственности лица по факту неоднократного совершения сходного административного проступка субъект правонарушения несет двойную ответственность, что расходится с конституционным принципом, на основании которого лицо не может дважды нести ответственность за совершение одного и того же правонарушения³. Указанная позиция опровергается тем, что объективная сторона преступления с административной преюдицией не включает ранее совершенное административное правонарушение, а всего лишь дублирует его; при административной преюдиции в правовой норме повторной ответственности за ранее совершенное деяние не происходит, так как речь идет о двух нарушениях разноотраслевых правовых установок⁴. При повторном совершении правонарушения усиление карательного воздействия объясняется недостаточностью примененных ранее принудительных мер для исправления лица, предупреждения совершения деликтов, что обосновывает необходимость использования более кардинальных усиленных принудительных мер к правонарушителю⁵.

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1993. № 4. С. 17.

² См.: Харлова М.И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 137.

³ См.: Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10 (154). С. 69–79.

⁴ См.: Харлова М.И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 139.

⁵ См.: Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 249.

В соответствии с критическим мнением Н.А. Лопашенко в отношении административной преюдиции основу преступления образует деяние, признаки субъекта преступления могут влиять на общественную опасность проступка, но не могут выступать основанием криминализации, что определяет возможность привлечения к уголовной ответственности лица за общественную опасность его личности¹. Опровергая указанную позицию, следует отметить, что в основе ответственности лежит противоправное деяние и криминализация производится посредством межотраслевой дифференциации ответственности, основываясь на признаках, характеризующих личности делинквента. Личность правонарушителя как субъекта юридической ответственности с неотъемлемыми индивидуальными признаками должна учитываться как при дифференциации, так и при индивидуализации ответственности².

Введение признака административной преюдиции имеет определяющее профилактическое значение, так как под воздействием административного наказания правонарушитель может пересмотреть свое поведение и воздержаться от совершения аналогичного поступка. Более того, инструмент административной преюдиции позволяет полноценно реализовать принцип субъективного вменения (ст. 5 УК РФ), так как правонарушитель путем применения административного наказания официально предупреждается о том, что повторение подобных нарушений чревато уголовной ответственностью³.

Административная преюдиция в сфере прикладного правоприменения выступает инструментом гибкого применения норм различного отраслевого толка, эффективным средством профилактики и борьбы с преступностью, а также позволяет предотвратить пагубные случаи объективного вменения и в большей степени реализовать принцип экономии репрессий⁴.

¹ См.: Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 69.

² См.: Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности // Журнал российского права. 1998. № 9. С. 54–64.

³ См.: Иванчин А. Ориентир для судов. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/orientir-dlya-sudov/> (дата обращения: 11.12.2022).

⁴ См.: Бавсун И.Г., Тихон И.А., Бавсун М.В. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–10.

Административная преюдиция как специфическое средство юридической техники выступает особым условием уголовного преследования, состоящим в учете ранее совершенного административного деликта в качестве криминализирующего фактора при повторном совершении виновным тождественного сходного правонарушения в течение определенного периода времени¹.

Основанием криминализации неоднократно совершенного административного деяния в течение определенного отрезка времени выступает появление в проступке признака злостности, который определяет наличие общественной вредности в личности правонарушителя, ранее подвергнутого административному взысканию за совершение аналогичного правонарушения².

По нашему мнению, следует закрепить основание уголовного преследования за факт повторного совершения административного проступка, установленного ст. 6.33 КоАП, лицом, ранее подвергнутым административному взысканию в течение определенного периода времени. Вышеуказанное предложение по совершенствованию исследуемого состава преступления обусловлено законодательной практикой введения в УК РФ ряда уголовных составов, по формальным признакам сходных с аналогичными административными правонарушениями, но отграничивающихся друг от друга по критерию общественной опасности совершенного противоправного деяния. Целесообразность введения признака административной преюдиции в структуру диспозиции ст. 238¹ УК наглядно демонстрирует законодательная практика построения тождественных составов преступлений в уголовных законах ряда зарубежных государств.

В частности, УК Республики Узбекистан в ч. 1 ст. 186-3 устанавливает уголовную ответственность за совершение действий в форме производства и изготовления, а равно приобретения, перевозки, хранения в целях сбыта либо

¹ См.: Маркунцев С.А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 39–40.

² См.: Богданов А.В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26, № 4. С. 483.

сбыта фальсифицированных или недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий, а также за реализацию лекарственных средств или медицинских изделий вне аптек и их филиалов, совершенные после применения административного взыскания за совершение аналогичных действий¹.

Статья 323 УК Республики Казахстан в ч. 2 закрепляет основание уголовной ответственности за совершение действий по производству, изготовлению или хранению в целях сбыта, а равно по применению или сбыту фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, повлекшие тяжкие последствия и совершенные неоднократно². Также по результатам проведенного анкетирования практических работников 72 % респондентов высказались за введение в содержание диспозиции ст. 238¹ УК инструментария в форме административной преюдиции, 16 % опрошенных высказались против, 12 % лиц затруднились с ответом. В целом, по нашему мнению, включение в уголовно-правовые предписания уголовной преюдиции соответствует общеправовому принципу справедливости, конституционным принципам, теории криминализации, а также фундаментальным началам уголовного права³.

Таким образом, исходя из вышеприведенных доводов, с учетом положительного зарубежного опыта, учения о конструировании состава преступления и теории криминализации следует, что введение в конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, признака административной преюдиции объективно обосновано. В практической плоскости предлагаемое нововведение позитивно повлияет на повышение эффективности борьбы с преступностью в сфере обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок, что в целом обеспечивает защиту

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=256;-90&pos2=2165;-100 (дата обращения: 29.12.2022)..

² См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 28.12.2022).

³ См.: Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 322.

конституционно значимых ценностей и способствует социальному благополучию российского общества¹.

В силу данного положения нами предлагается изложить содержание диспозиции ч. 1 ст. 238¹ УК РФ по следующей формуле: «производство, приобретение..., **совершенные неоднократно или в значительном размере**».

Соответственно, в примечании к ст. 238¹ УК необходимо указать, что под неоднократностью понимается совершение предусмотренного ею деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за правонарушение, предусмотренное ст. 6.33 КоАП РФ.

Подводя итог вышеизложенному, следует обратить внимание, что межотраслевая дифференциация юридической ответственности – это деятельность, осуществляемая в законотворческой и правоприменительных сферах, которая выражается в разграничении внешне формально схожих однородных правонарушений по отраслевой принадлежности, разделении юридической ответственности на отдельные виды в части установления определенных правовых последствий, определяемых по критерию общественной опасности совершенного противоправного деяния, а также в отграничении правонарушений от актов правомерного поведения.

В исследуемой сфере правоотношений вопросы дифференциации ответственности имеют многогранный межотраслевой характер, что определяется соприкосновением норм уголовного, административного, гражданского, трудового права и заключаются в поиске беспристрастных форм государственно-правового реагирования на факты правонарушений, что гарантируется сохранением справедливого равновесия между репрессивным и гуманистическим предназначением мер государственного принуждения.

¹ См.: Танцюра В.С. Вопросы противодействия обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников V Международ. пенитенциар. форума, приуроч. к проведению в 2021 г. в Рос. Федерации Года науки и технологий / отв. ред. В.Г. Бояринев : в 9 т. Рязань, 2019. Т. 3. С. 292.

3.3. Дифференциация уголовной ответственности (внутриотраслевая) за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок

К правовым инструментам дифференциации уголовной ответственности, установленным в Общей части УК, относятся: категории преступлений (ст. 15), совокупность преступлений (ст. 17), рецидив (ст. 18), формы вины (ст. 24–27), институт неоконченных преступлений (ст. 29–31), институт соучастия в преступлении (ст. 32–36), начала назначения наказания (ст. 60, 62, 64), назначение наказания при рецидиве преступлений (ст. 68), по совокупности преступлений (ст. 69), по совокупности приговоров (ст. 70), обстоятельства, смягчающие (ст. 61), отягчающие наказание (ст. 63), освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹), в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76²), в связи с истечением сроков давности (ст. 78), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80), отсрочка отбывания наказания (ст. 82), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82¹), освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80), в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора (ст. 83), в связи с болезнью (ст. 81)¹.

Дифференцирующий инструментарий Особенной части УК представлен делением на разделы и главы УК РФ, закрепленными квалифицированными и привилегированными составами преступлений, специальными видами освобождения от уголовной ответственности, общими и специальными составами, широкой вариативностью санкций². Фактически, это установленные в

¹ См.: Кругликов Л.Л. О средствах дифференциации ответственности в Общей части Уголовного кодекса РФ // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Юриспруденция : тез. юбилей. конф. Ярославль, 1995. С. 54–55.

² См.: Кругликов Л.Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 277.

законе значимые обстоятельства, выражающие кардинальное изменение типовой степени общественной вредности деяния и личности преступника, которые позволяют провести правовую оценку совершенного деяния по сравнению с основным составом преступления посредством применения более строгого наказания¹.

Конструкция уголовного закона предусматривает деление на разделы, которые состоят из глав; главы, в свою очередь, включают разнообразные общности – группы норм. Соответственно, базовой ячейкой выступает уголовно-правовая норма, содержащая определенный запрет под угрозой наказания². Законодатель располагает уголовно-правовые запреты в соответствующих главах, разделах в обусловленном логическом порядке, тем самым производит разграничение, градацию правового материала, что в конечном итоге выражается в дифференциации ответственности³.

По нашему мнению, речь идет не о всеобъемлющей дифференциации, исходя из ценностей в триединстве категорий «Человек – Общество – Государство», а о системно-логическом расположении разделов, глав по критерию объектов уголовно-правовой охраны и уровня общественной опасности деяний, в рамках которых закреплены отдельные группы уголовно-правовых предписаний, образующие обособленные правовые общности – отрасли, подотрасли, правовые институты.

Следует обратить внимание, что современные тенденции развития отечественного и зарубежного уголовного законодательства наглядно говорят об объективных предпосылках для формирования фармацевтического уголовного права, то есть совокупности уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение фармацевтической безопасности в Российской Федерации⁴.

¹ См.: Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. / науч. ред. А. И. Коробеев. Владивосток, 1999. Т. 2: Наказание. С. 145–146.

² См.: Лапшин В.Ф. Дифференциация ответственности за совершение финансовых преступлений: теоретико-прикладные аспекты // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. № 1. С. 112.

³ См.: Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности уголовном праве. СПб., 2003. С. 57.

⁴ См.: Рарог А.И. Становление фармацевтического уголовного права в России // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 733.

Отечественный законодатель провел криминализацию деяний, ответственность за совершение которых была введена посредством ст. 235¹, 238¹, 327² УК, в силу сложившейся на российском фармацевтическом рынке острой ситуации, которая требовала незамедлительной реакции со стороны публичной власти, в том числе посредством уголовно-правовых инструментов. Вышеуказанные составы преступлений представляют собой реакцию единой детерминанты, что свидетельствует о возникновении новой общности правовых предписаний, осуществляющих охранительную функцию в отношении видового объекта, вобравшего в себя определенную общность преступных посягательств¹. На основе произведенного анализа содержания уголовно-правовых запретов, закрепленных в нормах ст. 235, 235¹, 238, 238¹, 327² УК, был сделан вывод о закономерности и целесообразности создания обособленной группы самостоятельных уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение фармацевтической безопасности в социуме, которую следовало бы именовать «медицинское уголовное право»².

Непосредственно в ст. 238¹ УК закреплено основание уголовного преследования за обращение некондиционной лекарственной и медицинской продукции, что выступает одним из компонентов системы обеспечения безопасности на отечественном фармацевтическом рынке³. По результатам проведенного среди сотрудников правоохранительных органов анкетирования было установлено, что 73 % респондентов считают, что факт совершения преступлений, предусмотренных ст. 238¹ УК, представляет высокую степень общественной вредности и вызывает острый резонанс в социуме.

В диспозиции действующей редакции ст. 238¹ УК в круг деяний, образующих объективную сторону преступления, включены действия в форме производства, сбыта, ввоза некондиционной фармацевтической продукции и биологически активных добавок. Бланкетный прием законодательной техники в

¹ См.: Остапенко О.И. К вопросу об объекте преступлений, предусмотренных ст. 327.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 148.

² См.: Рарог А.И., Понятовская Т.Г. Объект и система медицинского уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 5. С. 821.

³ См.: Иликбаева Е.С. Фальсифицированные, недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства как предмет преступления, предусмотренного статьей 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 76.

модернизации диспозиции ст. 238¹ УК предполагает использование норм иной отраслевой принадлежности, в частности норм медицинского права, закрепляющего понятие «обращение». Фактически категория «обращение» наряду с действиями по производству, сбыту, ввозу предполагает действия по приобретению, хранению, изготовлению, перевозке, пересылке. Проанализировав содержание диспозиций ряда составов преступлений УК РФ, в частности ст. 186, 191, 191¹, 220, 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228¹, 228², 234, 238, мы пришли к выводу о целесообразности дополнения диспозиции ст. 238¹ УК РФ самостоятельными действиями в форме изготовления, приобретения, перевозки, хранения и пересылки с целью сбыта, а также ввоза на территорию Российской Федерации с целью сбыта, производимых в отношении предметов преступных посягательств искомого состава преступления. Актуальность данного законодательного предложения подтверждается результатами анкетирования работников правоохранительной сферы, 69 % из которых поддержали идею дополнения объективной стороны исследуемого состава преступления рядом самостоятельных действий, 13 % высказались о нецелесообразности упомянутых новелл, 18 % затруднились с ответом.

О целесообразности дополнения предмета объективной стороны исследуемого состава преступления свидетельствуют сложившаяся следственно-судебная практика, положительный зарубежный законодательный опыт, положения учения о законодательной технике в части построения тождественных уголовно-правовых запретов.

Так, в УК Республики Узбекистан объективная сторона включает действия по изготовлению, производству, хранению, приобретению, перевозке в целях сбыта или сбыту¹; УК Украины круг деяний включает приобретение, изготовление, пересылку, перевозку, хранение с целью сбыта или сбыт²; в УК Республики Таджикистан криминализованы действия по незаконному ввозу в

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=256;-90&pos2=2165;-100 (дата обращения: 29.12.2022).

² См.: Уголовный кодекс Украины. URL: <https://urst.com.ua/ru/act/uku> (дата обращения: 25.07.2022).

Республику, выпуску в обращение, производству¹; в УК Республики Сан-Марино преступными признаются действия по производству, изготовлению, распространению и ввозу на территорию Республики²; в УК Польши ответственность предусмотрена за действия по изготовлению и ввод в оборот³; в УК Норвегии в качестве преступных признает действия по изготовлению, сбыту и распространению⁴; в УК Республики Казахстан в круг деяний включены действия по изготовлению, производству или хранению в целях сбыта, а также сбыту или применению⁵; в УК Грузии ответственность предусмотрена за действия по изготовлению, ввозу, перевозке и сбыту⁶; в УК Республики Беларусь преступными признаются действия в форме производства, ввоза в республику, хранения с целью сбыта или сбыта⁷; В УК Албании объективная сторона состава представлена действиями по производству, хранению с целью сбыта, сбыту, поставке, экспорту, импорту⁸; в УК Азербайджанской Республики ответственность предусмотрена за производство, продажу, хранение с целью сбыта и ввоз предметов преступления⁹.

Кроме того, в соответствии с рекомендациями Конвенции «Медикрим» государствам рекомендовано внести в национальное уголовное законодательство нормы, регламентирующие ответственность за сбыт, покушение на сбыт,

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=58;88&pos2=2127;-108 (дата обращения: 29.12.2022).

² См.: Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-сан-марино.html> (дата обращения: 24.07.2022).

³ См.: Уголовный кодекс Польши. URL: <http://okpravo.ru/news/уголовный-кодекс-польши.html> (дата обращения: 20.07.2022).

⁴ См.: Уголовный кодекс Норвегии. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-05-20-28/KAPITTEL_2-8#KAPITTEL_2-8 (дата обращения: 21.07.2022).

⁵ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 28.12.2022).

⁶ См.: Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/137/ru/pdf> (дата обращения: 27.12.2022).

⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=52;-50#pos=52;-50 (дата обращения: 25.07.2022).

⁸ См.: Уголовный кодекс Албании. URL: https://drejtesia.gov.al/wp-content/uploads/2017/11/Kodi_Penal-1.pdf (дата обращения: 23.07.2022).

⁹ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/7d878287da6aa187238b93c7df26ef3.pdf> (дата: обращения: 25.07.2022).

производство, транспортировку, хранение, импорт и экспорт медицинского фальсификата¹.

По нашему мнению, с целью обеспечения точного и единообразного применения субъектами правоохранительной деятельности норм уголовного закона при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о преступлениях в сфере обращения фармацевтических товаров, биологически активных добавок предлагается внести поправки в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ». Предлагаемые дополнения в Постановление Пленума ВС РФ имеют целью внести разъяснения по вопросам правоприменительной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, в части толкования положений ст. 238¹ УК, разъяснения оснований привлечения к уголовной ответственности лица за совершение действий по приобретению, изготовлению, перевозке, хранению, пересылке, ввозу в целях сбыта, которыми мы предлагаем дополнить диспозицию исследуемого состава преступления путем закрепления в Постановлении Пленума ВС РФ исчерпывающего юридического содержания вышеуказанных категорий с целью внесения ясности в толкование буквы закона и во избежание возможных кривотолков в правоприменительной практике.

В частности, нами предлагается регламентировать содержание следующих категорий:

1. Производство – деятельность производителя, направленная на серийное создание фармацевтических товаров или биологически активных добавок, в рамках нескольких или всех последовательно выполняемых различных производственных операций технологического процесса.

2. Изготовление – создание фармацевтических или пищевых продуктов в ограниченном количестве (единичном числе) посредством объединения

¹ См.: Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медикрим») от 28.10.2011 г. URL: <https://www.coe.int/en/web/medicrime/the-medicrime-conventio> (дата обращения: 25.07.2022).

(смешения) готовых субстанций с учетом индивидуальных притязаний (требований) потребителей для последующей им реализации.

3. Приобретение – покупка, получение в дар или в уплату долга, в обмен на товары и вещи, присвоение найденного и т. п., а также иное временное завладение предметом в целях сбыта.

4. Сбыт – безвозвратное отчуждение другому лицу (приобретателю) в результате совершения возмездной или безвозмездной сделки в форме продажи, дарения, обмена, уплаты долга, дачи займа и т. д. При этом передача может быть осуществлена любым способом.

5. Пересылка – перемещение по территории РФ или через таможенную границу Евразийского экономического союза или государственную границу РФ товаров (предметов) адресату посредством внутригосударственного или международного простого или регистрируемого почтового отправления (заказным письмом, бандеролью, мелким пакетом, с багажом) с использованием воздушного или иного вида транспорта.

6. Хранение – размещение соответствующей продукции (товаров) в помещениях, зданиях, сооружениях, хранилищах, транспортных средствах, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность.

7. Перевозка – перемещение соответствующей продукции (товаров) в пространстве из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства.

8. Ввоз на территорию РФ – перемещение извне через государственную границу РФ или таможенную границу Евразийского экономического союза на территорию РФ товаров или иных предметов любым способом.

Вышеизложенные понятия следует дополнить следующими положениями: «Необходимым условием наступления уголовной ответственности за производство, приобретение, хранение, изготовление, пересылку, перевозку, ввоз на территорию РФ соответствующей продукции является совершение этих деяний в целях сбыта. Цель сбыта подтверждается как количеством (объемом)

произведенной, изготовленной, приобретенной, хранимой, перевозимой, пересылаемой, ввозимой продукции, так и совершением действий, свидетельствующих о намерении лица сбыть данную продукцию. В частности, к указанным действиям относятся: размещение объявления в информационно-коммуникативных сетях, их рекламирование, предпродажная подготовка, совершение действий, направленных на поиск покупателей (потребителей), деловые переговоры (переписка) с субъектами розничной и оптовой торговли, наличие деловых связей и устойчивого круга общения в коммерческих структурах, в том числе в сфере фармацевтики и потребительского рынка, наличие договоренностей о реализации продукции, транспортировка и соответствующее размещение товара в местах торговли и т. п.».

Также считаем целесообразным посредством обобщения судебной практики разрешить актуальный злободневный вопрос в части разъяснения условий наступления уголовной ответственности по фактам обращения незарегистрированной лекарственной и медицинской продукции. За внесение соответствующих дополнений в соответствующее Постановление Пленума ВС РФ высказалось 73 % респондентов.

В качестве средств дифференциации Особенной части УК РФ следует рассмотреть квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений. Под квалифицирующими признаками состава преступления понимаются признаки состава, которые закрепляют в уголовном законе модель уголовно наказуемого деяния, обладающего более высоким характером и степенью общественной опасности, что определяет качественное и количественное содержание рамок наказуемости совершенных деяний¹. Составы с квалифицирующими признаками находят закрепление в частях, следующих за частью первой нормы уголовного закона, как правило, в частях второй, третьей, четвертой (ч. 2–4 ст. 159 УК РФ)². В отличие от квалифицированного состава, привилегированный состав преступления содержит привилегирующий признак,

¹ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 96

² См.: Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 52.

что в конечном итоге образует состав преступления с пониженной общественной опасностью по сравнению с основным составом преступления¹.

Фактически основной и квалифицированный (привилегированный) составы соотносятся друг с другом как общая и специальная нормы, находятся в логическом подчинении. Это означает, что основной состав охватывает все преступления, обладающие его признаками, а квалифицированный (привилегированный) – лишь какую-то часть этого объема преступлений². Хотелось отметить, что привилегированные и квалифицированные составы преступлений имеют отличия, которые напрямую влияют на санкцию статьи и назначение наказания.

В рамках исследования вопросов дифференциации ответственности по критериям характера и типового уровня социальной вредности преступления, с учетом трансформации основного состава в квалифицированный, квалифицированного – в особо квалифицированный автором была сконфигурирована оптимальная нормативная модель ст. 238¹ УК, состоящая из четырех частей с закреплением в них признаков основного (ч. 1) и квалифицированных (ч. 2–4) составов. Указанное построение нормы позволяет максимально полно и последовательно дифференцировать уголовную ответственность за совершение исследуемого преступления. При детализации ответственности в ст. 238¹ УК оправдано использовать «блоковый» принцип изложения квалифицирующих признаков, который предполагает расположение соответствующих признаков, в частности, по «вертикали» (ч. 2, 3 – состав с квалифицирующими признаками, ч. 4 – состав с особо квалифицирующими признаками) и по «горизонтали» (ч. 3 – совершение деяния в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершение лицом, имеющим судимость за совершение аналогичных преступлений).

¹ См.: Иванчин А.В. Состав преступления : учеб. пособие. Ярославль, 2011. С. 94.

² См.: Каплин М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 112.

Из анализа уголовно-правовой нормы ст. 238¹ УК РФ следует, что основной состав преступления нашел закрепление в ч. 1 ст. 238¹ УК. Далее, в ч. 1.1 (трансформирована в ч. 2 модернизированного состава) ст. 238¹ УК закрепляет квалифицированный вид основного состава преступления путем закрепления квалифицирующего признака состава в форме совершения действий, предусмотренных ч. 1 статьи, совершенных с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Произведенное законодателем дополнение в диспозицию искомой статьи обусловлено высоким уровнем распространения преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Об обоснованности закрепления данного признака квалифицированного состава преступления свидетельствует практика включения указанного признака в качестве квалифицирующего в состав аналогичных преступных деяний, регламентированных ст. 321-1 УК Украины¹.

В п. «а» ч. 2 ст. 238¹ УК закреплена ответственность за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 и 1.1 статьи, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Совершение рассматриваемого преступления организованной группой по характеру и степени общественной опасности существенно отличается от его совершения группой лиц по предварительному сговору, что логично отразить в уголовном законе. В частности, указанный квалифицирующий признак однородно закреплён в составах преступлений против собственности, против здоровья населения и общественной нравственности, к примеру, ч. 4 ст. 158, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159¹, ч. 4 ст. 166, ч. 3 ст. 171², ч. 4 ст. 174, ч. 4 ст. 174¹, ч. 4, ч 6 ст. 222, ч. 4 ст. 222¹, ч. 4 ст. 228¹, ч. 3 ст. 229, ч. 3 ст. 232, ч. 3 ст. 234, ч. 3 ст. 234¹, ч. 2 ст. 235¹ УК РФ.

Таким образом, квалифицирующий признак совершения преступления организованной группой следует обособить от признака совершения преступления группой лиц по предварительному сговору путем его перемещения в ч. 4 «новой» версии ст. 238¹ УК. Соответственно, видится целесообразным

¹ См.: Уголовный кодекс Украины. URL: <https://urst.com.ua/ru/act/uku> (дата обращения: 25.07.2022).

включить признак соучастия в форме «совершение деяния группой лиц по предварительному сговору» в состав ч. 3 измененной модели ст. 238¹ УК.

Закрепление указанного признака в категорию особо квалифицированного обосновывает зарубежная практика построения норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение сходных преступлений. Так, УК Республики Беларусь в ч. 2 ст. 338² УК закрепляет квалифицирующий признак состава – совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, в ч. 3 ст. 338² особо квалифицирующий признак в форме совершения деяния организованной группой¹; ч. 2 ст. 323 УК Республики Казахстан закрепляет ответственность за совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, в ч. 3 ст. 323 – совершение деяния организованной преступной группой²; ч. 2 ст. 210(1) УК Республики Таджикистан предусматривает ответственность за деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в ч. 3 ст. 210(1) – совершение преступления организованной группой³; ч. 2 ст. 186-3 УК Республики Узбекистан закрепляет в качестве квалифицирующего признака совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, в ч. 3 ст. 186-3 особо квалифицирующий признак – совершение преступления организованной группой или в ее интересах⁴.

Результаты проведенного опроса среди практических сотрудников правоохранительных органов показывают, что 78 % респондентов считают признак совершения преступления организованной группой относящимся к категории особо квалифицированных, 13 % относят его к квалифицирующему обстоятельству, 9 % имели затруднения с ответом.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=52;-50#pos=52;-50 (дата обращения: 25.07.2022).

² См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 28.12.2022).

³ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=58;88&pos2=2127;-108 (дата обращения: 29.12.2022).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=256;-90&pos2=2165;-100 (дата обращения: 29.12.2022).

Очевидно, что за совершение преступления с квалифицирующим признаком предусмотрено более строгое наказание по сравнению с размером санкции за совершение преступления без квалифицирующих признаков.

Как видно из содержания санкций ст. 238¹ УК РФ, одним из видов, предусмотренных санкцией статьи наказания, является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Наличие в структуре санкции указанного наказания объективно предполагает как наличие специального субъекта преступления, так и закрепление квалифицирующего признака состава в форме совершения деяния лицом с использованием служебного положения. Данные положения отсутствуют в содержании ст. 238¹ УК, несмотря на широкое распространение в правоприменительной практике фактов совершения преступлений, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, лицами, обладающими специальными признаками, то есть специальными субъектами¹.

В отечественном уголовном законодательстве квалифицирующий признак состава деяния в части совершения общественно опасного деяния лицом с использованием своего служебного положения нашел закрепление в широком перечне уголовных составов против здоровья населения и общественной нравственности, к примеру, в ч. 4 ст. 228¹, ч. 2 ст. 228², ст. 228⁴, ч. 2 ст. 229, ч. 2 ст. 229¹, ч. 2 ст. 241 УК РФ, в преступлениях в сфере экономической деятельности в ч. 3 ст. 171², ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 174¹, ч. 3 ст. 175, ч. 2 ст. 178 УК РФ.

Санкция в форме лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью включена в санкции аналогичных норм уголовных законов ряда государств, как и квалифицирующий признак в части закрепления ответственности за совершение преступления лицом, обладающим признаками должностного лица, то есть лицом с использованием служебного положения.

¹ См.: Приговор Советского районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия № 1-388/2018 от 28.11.2018 г. по делу № 1-388/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Pz8pHywgGNUj/> (дата обращения: 26.07.2022).

В частности, ответственность специальных субъектов, обладающих признаками должностных лиц, а также лиц, относящихся к определенным профессиям, то есть исполняющих профессиональные, служебные функции, закреплены в ст. 203, ст. 204/3 УК Аргентины¹; в ст. 141, 142, 145, 147–150 УК Китайской Народной Республики²; в ст. 242 УК Республики Сан-Марино³; ч. 2 ст. 210(1) Уголовного Кодекса Республики Таджикистан⁴; в п. 2 ст. 186, п. 2 ст. 187 УК Турции⁵; в ч. 2 ст. 321-1, ст. 321-2 УК Украины⁶; в ч. 2 ст. 186-3 УК Республики Узбекистан⁷.

Введение специального субъекта в диспозицию ст. 238¹ УК РФ представляется объективно назревшим, так как обладание специфическими навыками, занимаемой должностью, служебным положением, наличие устойчивых деловых отношений в фармацевтической сфере, стабильное многолетнее взаимодействие с представителями контрольно-надзорных органов власти существенным образом облегчает ход совершения рассматриваемого преступления, создает условие для совершения преступления в более широких диапазонах. Рассматриваемая категория субъектов, в отличие от простых обывателей, осознает всю широту и многообразие потенциально возможных пагубных последствий преступной деятельности⁸.

В силу данных обстоятельств деяния, совершаемые специальными субъектами, представляют повышенную социальную вредность, и субъекты преступлений, обладающие специальными признаками, должны понести

¹ См.: Уголовный кодекс Аргентины. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-аргентины.html> (дата обращения: 24.07.2022).

² См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 24.07.2022).

³ См.: Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-сан-марино.html> (дата обращения: 24.07.2022).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=58;88&pos2=2127;-108 (дата обращения: 29.12.2022).

⁵ См.: Уголовный кодекс Турции. URL: <https://av-saimincekas.com/ru/законы/ТКК-TURK-уголовное-право/#gsc.tab=0> (дата обращения: 25.07.2022).

⁶ См.: Уголовный кодекс Украины. URL: <https://urst.com.ua/ru/act/uku> (дата обращения: 25.07.2022).

⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=256;-90&pos2=2165;-100 (дата обращения: 29.12.2022)..

⁸ См.: Иликбаева Е.С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 60.

усиленную уголовную ответственность. На объективную необходимость введения уголовной ответственности по ст. 238¹ УК РФ специальных субъектов указывают данные проведенного анкетирования, в рамках которого 81 % респондентов высказался за введение ответственности специальных субъектов, 12 % не согласились с данным предложением, 7 % затруднились ответить.

Мы позволим себе не согласиться с мнением ряда исследователей о необходимости введения в исследуемый состав преступления в качестве субъекта юридического лица. Вместе с тем в уголовном законодательстве ряда государств данный институт, сумев преодолеть препятствия на пути своего оформления, стал неотъемлемым компонентом правовой практики¹. Речь идет о распространении данного института в законодательстве более 50 зарубежных государств, в том числе таких, как Великобритания, США, Канада, Англия, Франция, Дания, Италия, Германия, Швеция, Нидерланды, Литва, Молдова, Украина. Исторически российская правовая наука не позволяла себе закрепить уголовную ответственность юридических лиц, несмотря на широкое признание современными государствами теории фикции². Главное – свобода воли, которая проистекает от данного Богом человеку разума, поэтому, имея возможность выбирать, только человек ответственен за свои действия³.

По нашему мнению, введение института ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве России потребует в значительной степени модернизации основополагающих институтов уголовного права. Необоснованные изменения в науке уголовного права в конечном итоге неизбежно приведут к разрушению основных теоретических конструкций в уголовно-правовой доктрине. В практической плоскости искомые процессы послужат причиной разрыва между наукой и законотворческой деятельностью, что, в свою очередь, не способствует формированию стабильной политики в сфере борьбы с

¹ См.: Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1 (1). С. 6–12.

² См.: Иванов А.А. Эриашвили Н.Д. Юридические лица как субъекты уголовно-правовой ответственности: становление концепции и современные проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 108.

³ См.: Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870.

преступностью¹. На современном этапе развития отечественного уголовного законодательства законодатель исходит из принципа персональной ответственности, но не коллективной ответственности, которая может иметь место в гражданско-правовой или административно-правовой плоскости². Из результатов проведенного анкетирования практических работников правоохранительных органов следует, что 83 % респондентов высказались против введения ответственности юридических лиц, 17 % поддержали данную идею.

Диспозиция ст. 238¹ УК в ч. 2 устанавливает ответственность за совершение деяния, повлекшего по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека. Одновременно ч. 3 ст. 238¹ УК закрепляет ответственность за совершение преступления, которое повлекло смерть двух и более лиц. Специфика рассматриваемых составов заключается в прямом умысле по отношению к совершаемым действиям и неосторожной форме вины по отношению к наступившим последствиям. Позиция законодателя в части закрепления вышеупомянутых обстоятельств совершения преступлений в качестве квалифицированных и особо квалифицированных признаков, по нашему мнению, объективно обоснована, но требует определенного рода корректировки.

Квалифицирующее обстоятельство в виде причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью целесообразно констатировать обособленно от квалифицирующего обстоятельства в виде наступления смерти человека. Указанная позиция аргументируется прежде всего очевидным различием в уровне общественной опасности, выражающейся во вредоносном уроне, причиненном преступлением охраняемым общепризнанным человеческим ценностям. В одном случае фатальные последствия наступают в форме тяжкого вреда в отношении здоровья личности, в другом случае неотвратимый вред в форме причинения смерти наносится высшей социальной ценности – жизни человека. В силу данного обстоятельства наступившие последствия как в форме причинения тяжкого вреда

¹ См.: Лиховая С.Я. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Украины // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 160.

² См.: Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 184.

здоровью, так и в форме причинения смерти в качестве квалифицирующих признаков целесообразно закрепить в разных частях ст. 238¹ УК (соответственно в ч. 2 и 3 сообразно возрастанию уровня общественной опасности последствий). Авторская позиция заключается в необходимости дифференцированного подхода к вопросу закрепления различного объема уголовно-правовой репрессии в санкциях статьи, что подлежит применению за совершение преступлений в зависимости от характера вредоносности наступивших последствий.

Анализ практики размещения квалифицирующих признаков составов преступлений в уголовных законах ряда зарубежных государств позволил сделать вывод о выделении в разряд самостоятельного квалифицирующего обстоятельства деяния, повлекшего по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью. Указанный квалифицирующий признак предусмотрен ч. 3 ст. 280 УК Армении¹; ч. 2 ст. 294 УК Кыргызской Республики²; ч. 2 ст. 251 УК Грузии, соответственно в ч. 3 ст. 251 закреплен признак в форме наступления смерти в результате совершения преступления³; ч. 2 ст. 186-3 УК Республики Узбекистан, а в ч. 3 ст. 186-3 установлена наказуемость за действия, повлекшие смерть человека⁴. Аналогичное построение ряда уголовно-правовых запретов в отечественном УК также наглядно демонстрирует практику обособленного закрепления данного квалифицирующего признака в преступлениях против личности, к примеру, в ст. 111, 118, ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132, ч. 1 ст. 215¹, ч. 2 ст. 234¹, ч. 1.1, 1.2 ст. 263, ч. 4 ст. 267 УК РФ.

Результаты проведенного анкетирования объективно свидетельствуют о целесообразности закрепления в качестве самостоятельного квалифицирующего обстоятельства деяния, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, причинившего по

¹ См.: Уголовный кодекс Армении. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#0> (дата обращения: 25.07.2022).

² См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&doc_id2=36675065#activate_doc=2&pos=340;-84&pos2=2904;-96 (дата обращения: 07.01.2023).

³ См.: Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/137/ru/pdf> (дата обращения: 27.12.2022).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=256;-90&pos2=2165;-100 (дата обращения: 29.12.2022)..

неосторожности тяжкий вред здоровью человека, о чем высказалось 74 % респондентов, однако 17 % проголосовали против, 9 % затруднились ответить.

По нашему мнению, в структуру ч. 3 предлагаемой модели редакции ст. 238¹ УК в форме квалифицирующего обстоятельства следует включить норму, закрепляющую ответственность за повторное совершение преступления, то есть лицом, имеющим судимость за совершение аналогичных преступлений. В качестве аналогичных деяний следует включить рассмотренные выше родственные смежные составы деяний, установленных в ст. 235, 235¹, 238, 238¹, 327² УК, о чем следует указать в примечаниях. Практика включения в диспозицию нормы об усиленной ответственности за повторное совершение преступления обусловлена высокой степенью распространения рецидива при совершении преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, на что указывает следственно-судебная практика и уголовная статистика. Практика построения уголовно-правовых норм с признаком специального рецидива в отечественном УК прослеживается на примере составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 264², ч. 2 ст. 264³, ч. 2 ст. 291² УК. Также имеется широкая законодательная практика в уголовных законах ряда зарубежных стран. В частности, рассматриваемое положение закреплено в ст. 200-1.2 УК Азербайджанской Республики¹, в ч. 2 ст. 338² УК Республики Беларусь², в ч. 2 ст. 210(1) УК Республики Таджикистан³, ч. 2 ст. 186-3 УК Республики Узбекистан⁴, в ч. 2 ст. 321-1 УК Украины⁵. Кроме того, в соответствии с рекомендациями Конвенции «Медикрим» государствам рекомендовано внести в национальные уголовные

¹ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/7d878287d2абаа187238b93с7df26ef3.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

² См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=52;-50#pos=52;-50 (дата обращения: 25.07.2022).

³ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=58;88&pos2=2127;-108 (дата обращения: 29.12.2022).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=256;-90&pos2=2165;-100 (дата обращения: 29.12.2022).

⁵ См.: Уголовный кодекс Украины. URL: <https://urst.com.ua/ru/act/uku> (дата обращения: 25.07.2022).

законы нормы, устанавливающие усиленную ответственность за повторное совершение преступления¹.

В результате проведенного опроса практических работников правоохранительных органов выяснилось, что 75 % респондентов высказались за введение повышенной ответственности за повторное совершение искомого преступления, 17 % высказались против введения данного квалифицированного признака, 8 % затруднились с ответом.

В целях углубления и упорядочения уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 238¹ УК, предлагается использовать «вертикальные связки» квалифицирующих признаков. В частности, на основе учения о конструировании состава преступления с учетом иностранного опыта и практики применения ст. 238¹ УК сделан вывод о необходимости трехуровневой градации ответственности по критерию размера причиненного ущерба, закрепив понятие значительного, крупного и особо крупного ущерба.

Правоприменительная практика, сложившаяся в Российской Федерации, подсказывает необходимость введения в качестве особо квалифицирующего признака категории «особо крупный размер совершенного деяния». По нашему мнению, категорию особо крупного размера следует установить в сумме, превышающей 6 млн руб., о чем ввести соответствующий пункт в примечании. В рамках проведенного анкетирования среди сотрудников правоохранительных органов было установлено, что 79 % респондентов положительно высказались о введении в диспозицию статьи категории «совершение преступления в значительном размере», в качестве квалифицирующих признаков «совершение преступления в крупном размере» и «совершение преступления в особо крупном размере», 12 % опрошенных высказались против нововведений, 17 % затруднились с ответом.

В процессе проведения исследования нами были изучены конструкции отдельных уголовно-правовых норм в действующем УК, в частности ст. 159, 159¹,

¹ См.: Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медикрим») от 28.10.2011 г. URL: <https://www.coe.int/en/web/medicrime/the-medicrime-conventio> (дата обращения: 25.07.2022).

169, 171², 174, 185 УК, в которых прослеживается тенденция закрепления категорий в форме особо крупного размера (ущерба), крупного, значительного с соответствующим закреплением количественных характеристик. Практика закрепления особо крупного размера в качестве особо квалифицирующего признака широко используется в уголовном законодательстве зарубежных государств. Нами был изучен положительный опыт конструирования составов преступлений в уголовных законах ряда государств (УК Республики Узбекистан, УК Республики Таджикистан, УК Украины, УК Азербайджанской Республики) в части закрепления категорий размера причиненного ущерба.

Также в рамках проведенного мониторинга судебной практики по ст. 238¹ УК РФ были проанализированы решения по более чем 170 уголовным делам, в результате чего было установлено, что 58 % преступлений, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, совершены в размере, превышающем 100 тыс. руб., 23 % преступлений совершены в размере, превышающем 1 млн 500 тыс. руб., 19 % преступлений совершены в размере, превышающем 6 млн руб.

Исходя из вышеизложенных доводов, по нашему мнению, следует внести изменение в структуру состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, путем введения трехуровневой структуры построения состава по критерию размера совершенного деяния (причиненного ущерба). Так, нами предлагается в ч. 1 ст. 238¹ УК РФ категорию «совершенные в крупном размере» заменить на категорию «в значительном размере». Понятие «крупного размера» закрепить в ч. 3 статьи в сумме, превышающей 1,5 млн руб. Понятие «особо крупного размера» закрепить в ч. 4 статьи в сумме, превышающей 6 млн руб. Предлагаемые значения размеров совершенных деяний следует закрепить в примечаниях к ст. 238¹ УК.

Наряду с разработкой направлений по модернизации диспозиции статьи нами предложены количественно-качественные корректировки санкций соответствующих частей ст. 238¹ УК, направленных на обеспечение оптимального баланса между индивидуализацией и дифференциацией уголовной ответственности.

В рамках проведенного опроса работников правоохранительных органов было установлено, что 74 % опрошенных лиц высказались за усиление мер уголовного преследования за совершение преступлений в сфере обращения фармацевтической продукции, 17 % выступили против, 9 % опрошенных затруднились ответить.

Санкция представляет элемент уголовно-правовой нормы, имеющей государственно-принудительный и качественно-количественный характер и представляющей собой формально определенную объективно-субъективную модель принудительных мер воздействия в отношении виновных¹. Санкции воплощают уровень общественной вредности преступления, признаки которого закреплены в диспозиции соответствующего уголовно-правового предписания. В практической плоскости вид и размер применяемой санкции является важным условием эффективной борьбы с преступностью в сферах жизнедеятельности общества и государства². В связи с этим следует обратить внимание, что тяжесть санкции должна соответствовать опасности преступления³.

Мерой государственного принуждения является уголовное наказание, помещенное в санкцию, имеющую качественный и количественный показатель во взаимосвязи с общественной опасностью деяния, что является критерием деления санкций на виды. Качественная характеристика санкций обуславливает определение видов наказаний, которые отличаются друг от друга по объему присущих им правовых ограничений и по потенциалу карательно-воспитательного воздействия на правонарушителя, количественные свойства санкций определяют размеры соответствующих наказаний⁴.

В целях практического воплощения принципа справедливости в уголовно-правовой сфере законодателем производится конструирование санкций уголовно-

¹ См.: Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск, 1989. С. 17.

² См.: Лапшин В.Ф. Правила построения санкций норм об ответственности за отдельные преступления, посягающие на государственные интересы в сельскохозяйственном секторе экономики // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 4. С. 522.

³ См.: Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск, 1989. С. 13.

⁴ См.: Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и правотворческая практика // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 752.

правовых предписаний, которые отвечают требованиям соподчиненности санкций норм Особенной части УК РФ¹.

Фактически изменение рамок санкции квалифицирующими и привилегирующими признаками отражает изменение уровня общественной опасности содеянного при наличии в деянии признаков состава преступления с соответствующими признаками². Сущность данного требования состоит в том, что санкции за квалифицированные виды преступлений должны быть сконструированы на основе санкций основных видов составов, санкции особо квалифицированных преступных составов должны быть сформулированы на основе санкций соответственно квалифицированных составов преступлений. Фактически квалифицированные составы преступлений призваны демонстрировать повышение в уровне общественной опасности, поэтому санкция квалифицированных составов должна отталкиваться от санкции за основной состав³.

Уголовному законодательству России присущи только относительно-определенные санкции, в которых указывается вид государственного принуждения и его возможный размер, то есть количественные рамки, в которых возможно применить принуждение⁴. Так, санкции, используемые законодателем в ст. 238¹ УК, являются относительно-определенными, то есть предусматривают как низший, так и высший предел предусмотренных уголовно-правовых мер. Абсолютно-определенных санкций, которые были присущи уголовному законодательству РСФСР, в действующем уголовном законе РФ законодатель, руководствуясь принципом справедливости, не предусмотрел⁵.

¹ См.: Щепельков В.Ф. Формально-логические проблемы толкования и конструирования задач и принципов УК // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 281.

² См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 224.

³ См.: Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2019. С. 176.

⁴ См.: Шуба Е.С. Понятие и виды санкций в уголовном праве Российской Федерации // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2016. № 2. С. 24.

⁵ См.: Евлоев Н.Д. Санкции в составах преступлений, совершенных по неосторожности // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1. С. 97.

По критерию наличия в санкции одного или нескольких видов основных наказаний следует выделить альтернативную санкцию (сложную) и безальтернативную (простую) санкцию. Альтернативная санкция предусматривает возможность выбрать правоприменителю одно основное наказание из нескольких.

В теории уголовного права на основании наличия дополнительных видов наказаний выделяются простые, которые не содержат дополнительного вида наказания, и кумулятивные санкции, предполагающие наряду с основным наказанием применить одно или несколько дополнительных наказаний, что может носить обязательный или факультативный (необязательный) характер¹. В уголовном законодательстве по критерию степени карательного воздействия принудительной силы государства выделяются обычные (простые) санкции, предусматривающие наказание за совершение простого вида преступления (к примеру, ч. 1 ст. 238¹ УК), усиленные санкции и особо усиленные санкции, предусматривающие наказание за совершение преступлений с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками соответственно (к примеру, ч. 2 и 3 ст. 238¹ УК соответственно)².

Таким образом, в конструкции санкции исследуемого состава преступления применены обычная относительно-определенная альтернативная кумулятивная санкция – ч. 1 ст. 238¹ УК; усиленная относительно-определенная альтернативная кумулятивная санкция – ч. 1¹ ст. 238¹ УК; усиленная относительно-определенная безальтернативная кумулятивная санкция – ч. 2 ст. 238¹ УК; особо усиленная относительно-определенная безальтернативная кумулятивная санкция – ч. 3 ст. 238¹ УК.

Создав авторскую модель модернизированного варианта ст. 238¹ УК, следует обратить внимание на вопрос конструирования санкций соответствующих частей искомой уголовно-правовой нормы в части

¹ См.: Кругликов Л.Л. О видах и типах санкций в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи. 1982–1999 гг. Ярославль, 1999. С. 27–29.

² См: Тихонова С.С., Фроловичев Я.В. Способы конструирования усиленных санкций: теория и законодательная практика (гл. 25–34) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10, ч. II. С. 191–194.

моделирования качественных и количественных свойств санкций. В рамках проведенного анкетирования среди сотрудников правоохранительных органов 58 % респондентов отметили соответствие санкций, закрепленных в ч. 1–3 ст. 238¹ УК, характеру и степени общественной опасности преступлений, 39 % опрошенных указали на несоответствие, 3 % затруднились с ответом.

Так, при формулировке видов и размеров основных и дополнительных видов наказаний в качестве общих ориентиров следует руководствоваться принципами, установленными в Общей части УК, соблюсти последовательность, обеспечить беспробельность изложения законодательного материала¹, обоснованно подходить к установлению характера и степени общественной опасности преступления, следовать принципам социальной обусловленности и логической непротиворечивости санкций².

В частности, с учетом данных о судебной пенализации (фактической наказуемости) исследуемого вида преступлений и его разновидностей, принимая во внимание результаты экспертного опроса и требования законодательной техники, предъявляемые к конструированию санкций, предложено скорректировать минимальные и максимальные границы наказания в виде лишения свободы в ст. 238¹ УК.

В процессе конструирования размеров основных и ряда дополнительных видов наказаний мы прибегли к методу перехлеста (наложения)³. Сущность метода наложения состоит в дифференциации наивысших границ наказаний при обозначении минимального уровня наказания определенного вида в усиленной санкции выше минимального, но ниже максимального размера наказания подобного вида в простой санкции. Согласно указанному методу минимальный размер наказания, предусмотренного в нижестоящей части статьи (ч. 2), оптимально должен соответствовать срединному значению между

¹ См.: Голенко Д.В. К вопросу о санкциях статей уголовного закона // Общество и право. 2020. № 3 (73). С. 12.

² См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 225–227.

³ См.: Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 51.

количественными показателями верхнего и нижнего порога наказания, предусмотренного в вышестоящей части статьи (ч. 1)¹.

Так, для ч. 1 авторской модели ст. 238¹ УК в виде основного наказания следует закрепить принудительные работы на срок **от двух до четырех лет**, для ч. 2 в качестве основного наказания предлагается назначать принудительные работы на срок **от трех до пяти лет**. В данном случае наглядно видно, что минимальный размер наказания, установленный в ч. 2 сроком **три года**, соответствует срединному цифровому показателю ч. 1 – **три года**.

Определяя разумные диапазоны основного наказания в виде лишения свободы соразмерно характеру и степени общественной опасности преступлений, установленных ч. 1 и ч. 2 новой редакции ст. 238¹ УК, в отношении преступления, предусмотренного ч. 1 статьи, предлагается установить наказание в виде лишения свободы на срок **от двух до пяти лет**. Указанные промежутки основных наказаний в санкции ч. 1 ст. 238¹ УК объясняются тем, что в составах преступлений небольшой и средней тяжести санкции следует делать более вариативными, но в разумных пределах².

Наказание в виде лишения свободы в ч. 2 ст. 238¹ УК предлагается установить на срок **от четырех до семи лет**. Как видно, нижний порог предполагаемого размера наказания установлен согласно медиане наказания в виде лишения свободы, установленного в ч. 1 статьи.

В ч. 3 ст. 238¹ УК предполагается закрепить наказание в виде лишения свободы на срок **от пяти до девяти лет**, где предлагаемый нижний показатель наказания практически равен среднему значению наказания в виде лишения свободы в ч. 2 ст. 238¹ УК. Касательно наказания в виде лишения свободы ч. 4 ст. 238¹ УК предлагаем установить наказание в виде лишения свободы на срок **от семи до двенадцати лет**, где предлагаемый нижний показатель наказания равен медиане наказания в виде лишения свободы в ч. 3 ст. 238¹ УК.

¹ См.: Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и правотворческая практика // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 760.

² См.: Зубкова В.И. Проблемы построения и взаимообусловленности санкций и категорий преступлений в УК РФ // Уголовное право. 2002. № 4. С. 20; Рогова Е.В. Уголовно-правовая политика России и дифференциация уголовной ответственности // Библиотека криминалиста. 2014. № 3 (14). С. 184.

Как дополнительное наказание к основному наказанию в виде принудительных работ, применяемых за совершение деяний, предусмотренных в ч. 1 и 2 ст. 238¹ УК, предлагаем установить наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: в ч. 1 – на срок **от одного года до трех лет**, в ч. 2 – на срок **от трех до пяти лет**. Размеры и пределы предложенных видов наказания в соответствующих частях статьи были сконструированы при использовании метода непосредственного смежения или построения встык, где нижние границы санкций (к примеру, ч. 2) не должны заходить за максимальную границу санкций меньшей категории преступления (например, ч. 1)¹.

Используя метод переименования, мы сформулировали размеры и диапазоны дополнительного к лишению наказания в виде штрафа. В частности, ч. 1 ст. 238¹ УК закрепляет штраф в размере **от пятисот тысяч до полутора миллионов** рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период **от шести до восемнадцати месяцев** или без такового; ч. 2 ст. 238¹ УК закрепляет штраф в размере **от семисот пятидесяти тысяч до двух миллионов** рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период **от одного года до двух лет**; ч. 3 ст. 238¹ УК устанавливает штраф в размере **от полутора миллиона до трех миллионов** рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период **от восемнадцати месяцев до трех лет**; ч. 4 ст. 238¹ УК устанавливает штраф в размере **от двух с половиной миллионов до пяти миллионов** рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период **от тридцати месяцев до пяти лет**.

Дополнительное наказание к лишению свободы в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью применительно к ч. 1 и 2 ст. 238¹ УК предложено установить в пределах: в ч. 1 – на срок **от одного года до трех лет**, в ч. 2 – на срок **от трех до пяти лет**

¹ См.: Злыденко Д.С. Категории преступлений и их субъекты: уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 55.

посредством использования метода непосредственного смежения (встык). В отношении санкций ч. 3 и 4 статьи наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предлагаем закрепить в размере: в ч. 3 – на срок от **четырёх до семи лет**, в ч. 4 – на срок от **шести до десяти лет** непосредственно с использованием метода перекрещивания.

Также по результатам исследования практических аспектов конструирования ряда составов преступлений в УК РФ был сделан вывод о дополнении санкций ч. 2, 3 и 4 ст. 238¹ УК РФ дополнительным видом наказания в виде ограничения свободы, использовав метод поглощения, или либеральный метод, сущность которого заключается в дифференциации верхних границ наказаний при равенстве нижних пределов наказаний¹. В частности, в ч. 2 статьи предлагается установить дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок **до одного года**, ч. 3 статьи – на срок **до 18 месяцев**, в ч. 4 – на срок **до двух лет**.

Именно внесение вышеупомянутых изменений в конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, с использованием инструментов законодательной техники, посредством межотраслевой дифференциации, дифференциации уголовной ответственности в научно-практической плоскости позволит в полной мере говорить о соответствии данной нормы уголовного права общественным реалиям, даст возможность более эффективно применять рассматриваемую норму права субъектами правоохранительной деятельности. В конечном итоге можно будет сделать вывод об использовании рекомендаций Конвенции Совета Европы «Медикрим» при формировании норм российского уголовного законодательства².

¹ См.: Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и правотворческая практика // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 761.

² См.: Танцюра В.С., Санташов А.Л. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ: вопросы законодательной техники // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников IV Международ. пенитенциар. форума (к 140-летию уголов.-исполн. системы России и 85-летию Акад. ФСИН России) / отв. ред. А. А. Рудый : в 10 т. Рязань, 2019. Т. 2. С. 266–267.

Заключение

По завершении работы считаем необходимым сформулировать выводы и предложения, охарактеризованные в ходе проведения исследования.

1. Анализ содержания терминов «обращение» и «оборот», включенных в содержание заголовка к ст. 238¹ УК, и их сопоставление с указанными в диспозиции статьи деяниями приводят к выводу о необходимости унификации терминологии путем исключения из заголовка термина «оборот». Название статьи в итоге трансформируется в следующее: «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок».

2. Оптимальная нормативная модель уголовной ответственности за рассматриваемое преступление, по мнению автора, предполагает выделение в ст. 238¹ УК четырех частей с закреплением в них признаков основного (ч. 1) и квалифицированных (ч. 2–4) составов преступлений. Такое построение нормы позволяет максимально полно и последовательно дифференцировать ответственность за рассматриваемое преступление. При градации ответственности в ст. 238¹ УК резонно использовать «блоковый» принцип изложения квалифицирующих признаков (по «вертикали» и «горизонтали»).

3. На основе изучения материалов следственно-судебной практики, зарубежного законодательства и рекомендаций Конвенции «Медикрим», опираясь на учение о законодательной технике, предлагается реконструировать основной состав преступления в ст. 238¹ УК путем включения в его объективную сторону (в дополнение к производству, ввозу и сбыту) альтернативных противоправных действий – приобретения, хранения, изготовления, перевозки, пересылки и ввоза с целью сбыта соответствующих предметов. Каждое из «новых» деяний распространено в практике и сопоставимо по уровню общественной опасности с деяниями, указанными в действующей редакции ст. 238¹ УК РФ.

4. В отечественном уголовном законодательстве в последнее десятилетие прослеживается тенденция по расширению сферы административной преюдиции,

которая заслуживает поддержки. Автором на основе учения о конструировании состава преступления и теории криминализации, с учетом позитивного опыта конструирования аналогичных норм в уголовном законодательстве ряда зарубежных государств внесено предложение о дополнении основного состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, признаком административной преюдиции в качестве альтернативного условия уголовной ответственности. Сущность административной преюдиции состоит в уголовном преследовании за факт повторного совершения административного правонарушения, лицом, ранее подвергнутым административному взысканию за аналогичное правонарушение в течение определенного периода времени. Административная преюдиция выступает инструментом гибкого применения норм смежных отраслей, эффективным средством профилактики и борьбы с преступностью, а также позволяет предотвратить пагубные случаи объективного вменения и в большей степени реализовать принцип экономии репрессии. По мнению автора, дополнение ст. 238¹ УК признаком административной преюдиции позитивно повлияет на эффективность борьбы с преступностью в сфере обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок, что позволит усилить защиту конституционно значимых ценностей и будет способствовать социальному благополучию российского общества.

Указанный признак предложено раскрыть в примечании к ст. 238¹ УК следующим образом: *«Для целей настоящей статьи под неоднократностью понимается совершение предусмотренного ею деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за правонарушение, предусмотренное статьей 6.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».*

5. В целях углубления и упорядочения уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 238¹ УК, предлагается использовать «вертикальные связки» квалифицирующих признаков. В частности, на основе учения о конструировании состава преступления с учетом иностранного опыта и практики применения ст. 238¹ УК сделан вывод о необходимости трехуровневой градации ответственности по критерию размера совершенного деяния:

значительный размер в сумме, превышающей 100 тыс. руб., – ч. 1 статьи; крупный размер в сумме, превышающей 1,5 млн руб., – ч. 3 статьи; особо крупный размер в сумме, превышающей 6 млн руб., – ч. 4 статьи. Предлагаемые значения размеров совершенных деяний следует закрепить в примечании к ст. 238¹ УК.

6. Поскольку изучение следственно-судебной практики и статистических данных указывает на высокий уровень рецидива при совершении преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК, который свидетельствует о существенном возрастании степени общественной опасности содеянного, постольку адекватным ответом законодателя видится усиление ответственности посредством введения в п. «г» ч. 3 ст. 238¹ УК признака специального рецидива в качестве квалифицирующего (совершение преступления лицом, имеющим судимость за совершение аналогичных преступлений). В качестве аналогичных преступлений в примечаниях к ст. 238¹ УК предлагается указать преступления, предусмотренные ст. 235, 235¹, 238, 238¹, 327² УК.

7. Совершение рассматриваемого преступления организованной группой по характеру и степени общественной опасности существенно отличается от его совершения группой лиц по предварительному сговору, что необходимо учитывать при дифференциации ответственности (как это сделано во многих иных нормах УК РФ). Для этого необходимо квалифицирующий признак совершения преступления организованной группой обособить от признака совершения преступления группой лиц по предварительному сговору путем его перемещения в ч. 4 ст. 238¹ УК. В равной мере, ввиду зримых различий в уровне общественной опасности, назрела необходимость последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью и в виде причинения смерти закрепить в разных частях ст. 238¹ УК (соответственно, в ч. 2 и 3).

8. Рекомендации Конвенции «Медикрим», нормы уголовного законодательства зарубежных стран (Аргентины, Китая, Турции и др.), сложившаяся судебная практика объективно указывают на необходимость введения в ч. 2 ст. 238¹ УК нового квалифицирующего признака – совершение

преступления лицом с использованием своего служебного положения. В отечественном уголовном законодательстве данный признак нашел закрепление в широком перечне составов преступлений. Совершение преступления специальными субъектами, использующими свой служебный статус, представляет повышенную социальную вредоносность, и, по мнению автора, введение специального субъекта в диспозицию ст. 238¹ УК представляется объективно назревшим, так как обладание специфическими умениями и навыками, должностное положение, наличие устойчивых деловых отношений в фармацевтической сфере облегчают возможность совершения искомого преступления, создают условия для совершения преступления большего масштаба.

9. Помимо модернизации диспозиции статьи, требуется количественно-качественная корректировка санкций соответствующих частей ст. 238¹ УК, направленная на обеспечение оптимального баланса между индивидуализацией и дифференциацией уголовной ответственности. В частности, с учетом данных о судебной пенализации (фактической наказуемости) исследуемого вида преступлений и его разновидностей, принимая во внимание результаты экспертного опроса и требования законодательной техники, предъявляемые к конструированию санкций, предложено скорректировать минимальные и максимальные границы наказания в виде лишения свободы в ст. 238¹ УК.

10. В целях осуществления правильного и единообразного применения законодательства в процессе расследования и судебного рассмотрения дел о преступлениях в сфере обращения фармацевтической продукции, биологически активных добавок предлагается внести поправки в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ». В частности, необходимо дать разъяснения по вопросам толкования ст. 238¹ УК, раскрыв среди прочих понятия изготовления, приобретения, сбыта, изготовления, хранения, перевозки, ввоза, пересылки соответствующих предметов, а также по вопросам привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление с использованием своего служебного положения.

Обобщая совокупность вышеизложенных предложений, сформулированных по итогам проведенного исследования, представляется возможным и целесообразным рекомендовать изложение ст. 238¹ УК РФ в следующей новой редакции:

«Статья 238¹. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок

1. Производство, приобретение, хранение, изготовление, пересылка, перевозка с целью сбыта, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации с целью сбыта фальсифицированных, недоброкачественных или незарегистрированных лекарственных средств либо медицинских изделий, а равно фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, совершенные неоднократно или в значительном размере, –

наказываются принудительными работами на срок от двух до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до полутора миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от шести до восемнадцати месяцев или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет или без такового.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они:

- а) совершены с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет;
- б) совершены лицом с использованием своего служебного положения;
- в) повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, –

наказываются принудительными работами на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью на срок от трех до пяти лет или без такового либо лишением свободы на срок от четырех до семи лет со штрафом в размере от семисот пятидесяти тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет или без такового, и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех до пяти лет или без такового, и с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они:

- а) совершены в крупном размере;
- б) совершены группой лиц по предварительному сговору;
- в) повлекли по неосторожности смерть человека;
- г) совершены лицом, имеющим судимость за совершение аналогичных преступлений, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до девяти лет со штрафом в размере от полутора миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от четырех до семи лет или без такового и с ограничением свободы на срок до восемнадцати месяцев либо без такового.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они:

- а) совершены в особо крупном размере;
- б) совершены организованной группой;
- в) повлекли по неосторожности смерть двух или более лиц, –

наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере от двух с половиной миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от тридцати месяцев до пяти лет или без такового, и с лишением права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от шести до десяти лет или без такового, и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Примечания. 1. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи незаконных сбыта и ввоза на территорию Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ, а также незаконного производства наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров.

2. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи сбыта и (или) ввоза на территорию Российской Федерации в целях сбыта незарегистрированных в Российской Федерации лекарственных средств или медицинских изделий, если указанные лекарственные средства или медицинские изделия в Российской Федерации не производятся, и (или) если сбыт и (или) ввоз таких лекарственных средств или медицинских изделий допускаются в соответствии с законодательством об обращении лекарственных средств и законодательством в сфере охраны здоровья соответственно, и (или) если указанные лекарственные средства или медицинские изделия рекомендованы к применению Всемирной организацией здравоохранения.

3. Значительным размером в настоящей статье признается стоимость лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок в сумме, превышающей сто тысяч рублей, крупным размером – в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей, особо крупным размером – в сумме, превышающей шесть миллионов рублей.

4. Для целей настоящей статьи под неоднократностью понимается совершение предусмотренного ею деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за правонарушение, предусмотренное статьей 6.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

5. Для целей настоящей статьи лицом, имеющим судимость за совершение аналогичных преступлений, является лицо, имеющее непогашенную и неснятую

судимость за совершение любого из деяний, предусмотренных статьями 235, 235¹, 238, 238¹, 327² настоящего Кодекса».

Завершая наше исследование, отметим, что перспективным представляется исследование вопросов законодательной техники и дифференциации ответственности не только применительно к преступлению, предусмотренному ст. 238¹, но и в целом применительно ко всей группе фармацевтических преступлений (ст. 235, 235¹, 238, 238¹, 327² УК). Думается, что представляет также значительный интерес более широкое изучение опыта зарубежных стран в части противодействия рассматриваемому виду преступности. Ощущается также потребность в проведении глубокого криминологического исследования данной проблематики. Наконец, в ближайшей перспективе видится необходимой разработка в систематизированном виде научно-обоснованной модели уголовной ответственности за всю группу фармацевтических преступлений.

Список использованных источников и литературы

Нормативно-правовые акты и иные официальные документы

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.11.2020).
2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 30.12.2022).
3. Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медикрим») от 28.10.2011 г. – URL: <https://www.coe.int/en/web/medicrime/the-medicrime-conventio> (дата обращения: 25.07.2022).
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/3536a45680f27fcfdea85fcc8fe3eb9c6c8a83b1/ (дата обращения: 21.05.2023).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. №214-ФЗ). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.06.2023).
6. Уголовно-исполнительный Кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 24.06.2023 г. № 285-ФЗ). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 28.06.2023).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 236-ФЗ). – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.06.2023).

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 24.06.2023 г. № 277-ФЗ). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 30.06.2023).

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 259-ФЗ). – URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.06.2023).

10. Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 № 29-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/ (дата обращения: 11.07.2023).

11. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 10.07.2023 г. № 287-ФЗ). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 13.07.2023).

12. Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 24.07.2023 г. № 341-ФЗ). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения: 29.07.2023).

13. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 13.06.2023 г. № 256-ФЗ). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 10.07.2023).

14. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 10.07.2023 г. № 286-ФЗ). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 13.07.2023).

15. Указ Президента Российской Федерации «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» от 14.10.2012 г. № 1377 (в ред. от 22.12.2021 г.). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36139> (дата обращения: 28.02.2022).

16. Указ Президента от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: https://base.garant.ru/74404210/#block_5 (дата обращения: 14.12.2022).

17. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» от 17.08.2007 г. № 522 (в ред. от 17.11.2011 г.). – URL: <https://base.garant.ru/12155259/> (дата обращения: 14.12.2021).

18. Постановление Правительства РФ «О порядке ввода в гражданский оборот лекарственных препаратов для медицинского применения» от 26.11.2019 г. № 1510 (в ред. от 15.12.2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338709/ (дата обращения: 21.03.2022).

19. Постановление Правительства РФ «Об особенностях обращения медицинских изделий, в том числе государственной регистрации серии (партии) медицинского изделия» от 03.04.2020 г. № 430 (в ред. от 28.12.2021 г.). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/os/73749698> (дата обращения: 07.01.2023).

20. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.3.2.1290-03 «Гигиенические требования к организации производства и оборота биологически активных добавок к пище (БАД)», утвержденные Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации 17 апреля 2003 года. – URL: <https://base.garant.ru/4179220/> (дата обращения: 07.01.2023).

21. Приказ Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» от 24.04.2008 г. № 194н (в ред. от 18.01.2012 г.). – URL: <https://base.garant.ru/12162210/> (дата обращения: 18.12.2021).

22. Приказ МВД РФ «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» от

26.06.2020 г. № 460. – URL: <https://невский.78.мвд.рф/document/20965615> (дата обращения: 26.11.2022).

23. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/7d878287da6aa187238b93c7df26ef3.pdf> (дата: обращения: 25.07.2022).

24. Уголовный кодекс Албании. – URL: https://drejtesia.gov.al/wp-content/uploads/2017/11/Kodi_Penal-1.pdf (дата обращения: 30.01.2022).

25. Уголовный кодекс Аргентины. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-аргентины.html> (дата обращения: 24.07.2022).

26. Уголовный кодекс Армении. – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#0> (дата обращения: 25.07.2022).

27. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=52;-50#pos=52;-50 (дата обращения: 25.07.2022).

28. Уголовный кодекс Республики Болгария. – URL: <https://lex.bg/laws/ldoc/1589654529> (дата обращения: 07.01.2023).

29. Уголовный кодекс Голландии. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-голландии.html> (дата обращения: 27.12.2022).

30. Уголовный кодекс Грузии. – URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/137/ru/pdf> (дата обращения: 27.12.2022).

31. Уголовный кодекс Дании. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-дании.html> (дата обращения: 26.01.2022).

32. Закон об уголовном праве Израиля. – URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1375279180.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).

33. Уголовный кодекс Италии / научный редактор Р.М. Асланова ; перевод с итальянского Е.Р. Шубиной. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 329 с.

34. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 28.12.2022).
35. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.html> (дата обращения: 24.07.2022).
36. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&doc_id2=36675065#activate_doc=2&pos=340;-84&pos2=2904;-96 (дата обращения: 07.01.2023).
37. Уголовный закон Латвии. – URL: <http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).
38. Уголовный кодекс Литовской Республики. – URL: <https://studylib.ru/doc/3734814/ugolovnyj-kodeks-litovskoj-respubliki> (дата обращения: 09.01.2023).
39. Уголовный кодекс Республики Молдова. – URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=331268&lang=2> (дата обращения: 28.12.2022).
40. Уголовный кодекс Норвегии. – URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-05-20-28/KAPITTEL_2-8#KAPITTEL_2-8 (дата обращения: 21.07.2022).
41. Уголовный кодекс Польши. – URL: <http://okpravo.ru/news/уголовный-кодекс-польши.html> (дата обращения: 20.07.2022).
42. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-сан-марино.html> (дата обращения: 24.07.2022).
43. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=58;88&pos2=2127;-108 (дата обращения: 29.12.2022).
44. Уголовный кодекс Таиланда. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-тайланда.html> (дата обращения: 28.01.2022).
45. Уголовный кодекс Турции. – URL: <https://av-saimincekas.com/ru/законы/ТКК-TURK-уголовное-право/#gsc.tab=0> (дата обращения: 25.07.2022).

46. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=256;-90&pos2=2165;-100 (дата обращения: 29.12.2022).

47. Уголовный кодекс Украины. – URL: <https://urst.com.ua/ru/act/uku> (дата обращения: 25.07.2022).

48. Уголовный кодекс Швеции. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-швеции.html> (дата обращения: 29.01.2022).

49. Пенитенциарный кодекс Эстонии. – URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/PENITENCIARNIY%20KODEKS%2022.01.2022.pdf>. (дата обращения: 05.03.2022).

50. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии = The Criminal Code of The Federal Republic of Germany / научное редактирование и вступительная статья Д.А. Шестакова ; предисловие Г.-Г. Йешека ; перевод с немецкого Н.С. Рачковой. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 522 с. – ISBN 5-94201-203-2 (в пер.).

51. Уголовный кодекс Франции : принят в 1992 г. : вступил в силу с 1 марта 1994 г. : с изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г. / научное редактирование Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой ; перевод с французского и предисловие Н.Е. Крыловой. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 648 с. – ISBN 5-94201-063-3.

Монографии, учебники, пособия и иная научная литература

52. Алексеев, С. С. Государство и право : учебное пособие / С. С. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 152 с. – ISBN 978-5-392-16283-3.

53. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1966. – 187 с.

54. Алексеев, С. С. Общая теория права : курс в двух томах / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – Том II. – 360 с.
55. Алексеев, С. С. Собрание сочинений : в 10 томах / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – Том 3: Проблемы теории и права : курс лекций. – 779 с. – ISBN 978-5-8354-0705-7.
56. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве / В. К. Бабаев. – Горький : ГВШ МВД СССР, 1974. – 124 с.
57. Бабаев, В. К. Теория права и государства : в схемах и определениях : учебное пособие / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. – Москва : Юрист, 2002. – 250 с. – ISBN 5-7975-010301.
58. Бабаев, В. К. Теория современного советского права : фрагменты лекций и схемы / В. К. Бабаев. – Нижний Новгород : Нижегород. ВШ МВД РСФСР, 1991. – 155 с.
59. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР : учебное пособие / Д. Н. Бахрах. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 201 с. – ISBN 5-7525-0034-6.
60. Бердникова, Л. Н. Медико-биологические основы безопасности жизнедеятельности : курс лекций / Л. Н. Бердникова. – Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. – 205 с.
61. Бойко, Л. М. Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества / Л. М. Бойко. – Ташкент : ФАН, 1988. – 91 с. – ISBN 5-648-00183-5.
62. Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с. – ISBN 5-7711-0015-3.
63. Большой юридический словарь / авторы-составители В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова ; под редакцией А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – Москва : ИНФРА-М, 1998. – 790 с. – ISBN 5-86225-578-8.

64. Большой юридический словарь / под редакцией А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2003. – 703 с. – ISBN 5-16-000169-7.
65. Бошно, С. В. Правоведение: основы государства и права : учебник для академического бакалавриата / С. В. Бошно. – Москва : Юрайт, 2014. – 533 с. – ISBN 978-5-9916-3519-6.
66. Браинин, Я. М. Уголовный закон и его применение / Я. М. Браинин. – Москва : Юрид. лит., 1967. – 240 с.
67. Будзинский, С. Начала уголовного права / С. Будзинский. – Варшава : тип. И. Яворского, 1870. – XII, 362 с.
68. Васильев, Н. В. Принципы советского уголовного права : учебное пособие / Н. В. Васильев. – Москва : ВЮЗИ, 1983. – 60 с.
69. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности : [монография] / Н. В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма, 2009. – 431 с. – ISBN 978-5-91768-033-0.
70. Гаврилов, Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография / Б. Я. Гаврилов. – Москва : Проспект, 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-482-01964-1.
71. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : «Языки рус. культуры», 1998. – 763 с. – ISBN 5-7859-0063-7.
72. Джинджолия, Р. С. Российское уголовное право. Общая часть : учебно-наглядное пособие (схемы) / Р. С. Джинджолия, В. Б. Боровиков. – Москва : Прометей, 2018. – 158 с. – ISBN 978-5-907003-82-8.
73. Донец, С. П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения : монография / С. П. Донец. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 157 с. – ISBN 978-5-4396-1852-1.
74. Желдыбина, Т. А. Законотворчество в России: эволюция и современность : монография / Т. А. Желдыбина. – Москва : Инфра-М, 2015. – 150 с. – ISBN 978-5-16-010572-7.

75. Законодательная техника : научно-практическое пособие / под редакцией Ю. А. Тихомирова ; [Л. Ф. Апт и др.]. – Москва : Городец, 2000. – 271 с. – ISBN 5-9258-0004-4.
76. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии : научно-практическое пособие / [Алейник А. А. и др.] ; ответственный редактор Р. Ф. Васильев. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 317 с. – ISBN 5-8401-0083-8.
77. Иванчин, А. В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества : монография / А. В. Иванчин. – Рязань : Концепция, 2014. – 183 с. – ISBN 978-5-4464-0023-2.
78. Иванчин, А. В. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества : учебное пособие / А. В. Иванчин. – Ярославль : ЯрГУ, 2009. – 186 с. – ISBN 978-5-8397-0652-1.
79. Иванчин, А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л. Л. Кругликов / А. В. Иванчин. – М.: Проспект, 2014. – 352 с.
80. Иванчин, А. В. Состав преступления : учебное пособие / А. В. Иванчин. – Ярославль : ЯрГУ, 2011. – 125 с. – ISBN 978-5-8397-0796-2.
81. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 229 с.
82. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг ; перевод с немецкого Ф. С. Шендорфа. – Санкт-Петербург : Типо-лит. А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. – 106 с.
83. Карпец, И. И. Уголовное право и этика / И. И. Карпец. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 256 с.
84. Карташов, В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2. Правотворческая практика, система и структура права: Текст лекций / В. Н. Карташов. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 1996. – 100 с. – ISBN 5-230-20-468-0.
85. Качество уголовного закона. Проблемы Общей части : монография / [Клепицкий И. А. и др.] ; ответственный редактор А. И. Рарог. – Москва : Проспект, 2016. – 287 с. – ISBN 978-5-392-21424-2.

86. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – Москва : Эксмо, 2007. – 510 с. – ISBN 5-699-19390-1.
87. Керимов, Д. А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие / Д. А. Керимов. – Москва : Норма, 1998. – 127 с.
88. Керимов, Д. А. Культура и техника законотворчества / Д. А. Керимов. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 158 с. – ISBN 5-7260-0613-5.
89. Книпер Р. Очерки к проблеме законодательной техники / Р. Книпер, В. Назарян. – Эшборн, 1999. – URL: <http://www.pravobooks.ru/pravolibraryfree/417.html> (дата обращения: 20.03.2020).
90. Козлов, А. П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения / А. П. Козлов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 169 с. – ISBN 5-7470-0040-3.
91. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общей редакцией Д. Н. Кожухарика. – Москва : Проспект, 2021. – 1520 с. – ISBN 978-5-392-32586-3.
92. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. – URL: <https://fondpp.org/zakon/konceptsiya-ugolovno-pravovoj-politiki-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 27.05.2020).
93. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 267 с.
94. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве = Differentiation of responsibility in criminal law / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 298 с. – ISBN 5-94201-126-5.
95. Кругликов, Л. Л. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления) / Л. Л. Кругликов, Ю. Г. Зуев. – Ярославль : Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2000. – 160 с. – ISBN 5-8397-0105-X.

96. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. – 310 с. – ISBN 978-5-94201-515-6.
97. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2005. – 450 с. – ISBN 978-5-94201-428-0.
98. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Юрид. лит., 1972. – 352 с.
99. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2007. – 301 с. – ISBN 5-7975-0170-8.
100. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Госюриздат, 1960. – 244 с.
101. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – Москва : НОРМА, 1998. – 287 с. – ISBN 5-89123-309-6.
102. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 337 с. – ISBN 5-94201-398-5.
103. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 579 с. – ISBN 978-5-466-00377-2.
104. Лызлов, Д. Н. Юридическая техника : учебное пособие / Д. Н. Лызлов, В. Ю. Картухин. – Москва : Ось-89, 2009. – 175 с. – ISBN 978-5-9957-0046-3.
105. Любавина, М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 285, 286, 292 и 293 УК РФ : учебное пособие / М. А. Любавина. – Санкт-Петербург : С.-Петербур. юрид. ин-т (фил.) акад. Генер. прокуратуры РФ, 2010. – 184 с.
106. Любавина, М. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от

16 октября 2009 года № 19 / М. А. Любавина. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) акад. Генер. прокуратуры РФ, 2010. – 96 с.

107. Максимов, С. В. Фальсификация лекарственных средств в России / С. В. Максимов [и др. ; научный редактор С. В. Максимов]. – Москва : Юрайт, 2008. – 119 с. – ISBN 978-5-9916-0015-6.

108. Мальцев, В. В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1995. – 185 с.

109. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Юристъ, 2004. – 245 с.

110. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций : в 3 томах / А. В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – Том 1. – 736 с. – ISBN 978-5-466-002.

111. Общая теория государства и права : академический курс : в 2 томах / ответственный редактор профессор М. Н. Марченко. – Москва : Зерцало, 1998. – Том 2: Теория права / доктора юридических наук, профессора Борисов В. В., Гранат И. Л., Гревцов Ю. И. и др. – 639 с. – ISBN 5-8078-0036-2.

112. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1992. – 2314 с. – ISBN 5-85632-001-8.

113. Орехова, Н. Л. Нормотворчество / Н. Л. Орехова. – Хабаровск : ДВАГС, 2008. – 150 с.

114. Основания уголовно-правового запрета : криминализация и декриминализация / [В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др. ; ответственные редакторы В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев]. – Москва : Наука, 1982. – 303 с.

115. Основные проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России : [монография] / [Л. Л. Кругликов и др.] ; ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ им П. Г. Демидова, 2012. – 369 с. – ISBN 978-5-8397-0884-6.

116. Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок : методические рекомендации / М. Б. Анисимов, С. А. Васильев, Д. А. Кунёв и др. ; под редакцией А. М. Багмета. – Москва : Моск. акад. СК России, 2017. – 63 с.

117. Панько, К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении / К. К. Панько. – Воронеж : Истоки, 1998. – 135 с. – ISBN 5-88242-054-8.

118. Пособие для парламентариев. Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «МЕДИКРИМ», СДСЕ № 211). – URL: <https://rm.coe.int/16806a9676> (дата обращения: 30.01.2022).

119. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / под редакцией доктора юридических наук, профессора М. Н. Марченко. – Москва : ПРОСПЕКТ, 1999. – 504 с. – ISBN 5-8369-0007-8.

120. Протасов, В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства : учебное пособие / В. Н. Протасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2001. – 346 с. – ISBN 5-94227-067-8.

121. Радько, Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров / Т. Н. Радько. – Москва : Проспект, 2018. – 495 с. – ISBN 978-5-392-28118-3.

122. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 304 с. – ISBN 5-94201-124-9.

123. Рарог, А. И. Фармацевтическое уголовное право России : монография / А. И. Рарог, Т. Г. Понятовская, А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин ; ответственный редактор А. И. Рарог. – Москва : Проспект, 2021. – 216 с. – ISBN 978-5-392-29249-3.

124. Российское уголовное право : курс лекций : в 8 томах / [Т. А. Бушуева, Ю. В. Голик, А. И. Коробеев и др.] ; научный редактор А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999-____. – Том 1: Преступление. – 1999. – 602 с.

125. Российское уголовное право : курс лекций : в 8 томах / [Т. А. Бушуева, Ю. В. Голик, А. И. Коробеев и др.] ; научный редактор А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999-____. – Том 2: Наказание. – 1999. – 498 с.
126. Российское уголовное право. Общая и Особенная части : учебник : в 3 томах / под редакцией Н. А. Лопашенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – Том 1: Общая часть / [Анощенко С. В. и др.]. – 719 с. – ISBN 978-5-4396-0608-5.
127. Самощенко, И. С. Ответственность по советскому законодательству / И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин. – Москва : Юрид. лит, 1971. – 240 с.
128. Сандевуар, П. Введение в право / П. Сандевуар. – Москва : Интратэк-Р, 1994. – 324 с. – ISBN 5-900752-01-X.
129. Смитиенко, В. Н. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в СССР / В. Н. Смитиенко. – Киев : Вища шк., 1989. – 242 с. – ISBN 5-11-001426-4.
130. Соловьев, О. Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях: технико-юридические аспекты законодательной и правоприменительной практики : монография / О. Г. Соловьев, А. А. Князьков. – Рязань : Концепция, 2014. – 211 с. – ISBN 978-5-4464-0019-5.
131. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : лекции : часть общая : в 2 томах / Н. С. Таганцев ; [составитель и ответственный редактор Н. И. Загородников]. – Москва : Наука, 1994. – Том 1. – 380 с. – ISBN 5-02-012940-2.
132. Танимов, О. В. Теория юридических фикций : монография / О. В. Танимов ; ответственный редактор Т. В. Кашанина. – Москва : Проспект, 2016. – 225 с. – ISBN 978-5-392-20322-2.
133. Теория государства и права : курс лекций / под редакцией Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2001. – 776 с. – ISBN 5-7975-0269-0.
134. Теория государства и права : учебник для вузов / под редакцией В. К. Бабаева. – Москва : Юристъ, 1999. – 591 с. – ISBN 5-7975-0239-9.

135. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/п/производство> (дата обращения: 15.01.2022).

136. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / [Н. А. Беляев, В. В. Орехов, В. С. Прохоров и др.] ; под редакцией Н. А. Беляева и др. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1992. – 604 с. – ISBN 5-288-00624-5.

137. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под редакцией А. И. Рарога. – Москва : ТК Велби ; Проспект, 2008. – 704 с. – ISBN 978-5-482-01700-5.

138. Уголовное право России. Часть Общая : учебник для бакалавров / [Галиакбаров Р. Р. и др.] ; ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – 3-е изд., [перераб. и доп.]. – Москва : Проспект, 2013. – 563 с. – ISBN 978-5-392-09354-0.

139. Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / [Р. Р. Галиакбаров и др.] ; ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 592 с. – ISBN 5-466-00080-9.

140. Уголовное право России: Часть общая : учебник для вузов / [Р. Р. Галиакбаров, И. Я. Козаченко, Ю. А. Красиков и др.] ; ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Москва : БЕК, 1999. – 559 с. – ISBN 5-85639-247-7.

141. Уголовное право России. Часть Особенная : учебное пособие / [Р. Р. Галиакбаров, А. С. Горелик, Б. В. Волженкин и др.] ; под редакцией Л. Л. Кругликова. – 2. изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2004. – 464 с. – ISBN 5-466-00107-4.

142. Уголовно-исполнительное право : учебник / [А. С. Михлин, П. Г. Пономарев, В. И. Селиверстов, И. В. Шмаров] ; под редакцией И. В. Шмарова. – Москва : Бек, 1996. – 417 с. – ISBN 5-85639-131-4.

143. Успенский, Л. Очерки по юридической технике / Л. Успенский. – Ташкент : Средазкнига, 1927. – IV, 219 с.

144. Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности : монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2007. – 934 с. – ISBN 978-5-94201-514-5.

145. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург : Наука, 1993. – 189 с. – ISBN 5-02-007351-2.

146. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт, 1999. – 429 с. – ISBN 5-85294-078-X.

147. Чубинский, М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / М. П. Чубинский. – Москва : ИНФРА-М, 2008. – 433 с. – ISBN 978-5-16-003181-1.

148. Чугаев, А. П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних : учебное пособие / А. П. Чугаев. – Краснодар : Кубан. ун-т, 1979. – 96 с.

149. Чугаев, А. П. Основы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания : учебное пособие / А. П. Чугаев. – Краснодар : КубГУ, 1985. – 74 с.

150. Шергин, А. П. Административная юрисдикция / А. П. Шергин. – Москва : Юрид. лит., 1979. – 143 с.

151. Шеслер, А. В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности : учебное пособие / А. В. Шеслер. – Тюмень : Тюмен. юрид. ин-т МВД России, 2005. – 117 с.

Статьи, материалы конференций, тезисы докладов

152. Агафонова, М. С. Аксиомы как средство законодательной техники / М. С. Агафонова // Юридические записки молодых ученых и аспирантов ЯрГУ : сборник статей / ответственный редактор М. В. Лушникова. – Ярославль : ЯрГУ, 2006. – Выпуск 6. – С. 50–51.

153. Аксенова-Сорохтей, Ю. Н. Фармацевтические и юридические аспекты фальсификации лекарственных средств / Ю. Н. Аксенова-Сорохтей, В. Е. Новиков, Е. В. Пожилова, Е. А. Барановская, Е. И. Климкина // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2016. – Том 15, № 2. – С. 102–111.

154. Андреев, А. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности / А. В. Андреев, Л. В. Лобанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 118–126.

155. Бавсун, И. Г. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе / И. Г. Бавсун, И. А. Тихон, М. В. Бавсун // Административное право и процесс. – 2008. – № 6. – С. 6–10.

156. Баклашев, В. П. COVID-19. Этиология, патогенез, диагностика и лечение / В. П. Баклашев, С. В. Кулемзин, А. А. Горчаков, В. Н. Лесняк, Г. М. Юсубалиева, А. Г. Сотникова // Клиническая практика. – 2020. – Том 11, № 1. – С. 7–20.

157. Баранов, В. М. Примечание в российском праве: природа, виды, проблемы реализации / В. М. Баранов, Д. С. Кондаков // Проблемы юридической техники : сборник статей / под редакцией В. М. Баранова. – Нижний Новгород : Нижегород. акад. МВД РФ, 2000. – С. 340–348.

158. Басова, Ю. Ю. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению понятия общественной безопасности / Ю. Ю. Басова // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 61–66.

159. Бастрыкин, А. И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции / А. И. Бастрыкин // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 1 (1). – С. 6–12.

160. Беспалов, В. Г. Биологически активные добавки к пище и возможности их использования в профилактической медицине / В. Г. Беспалов, В. Б. Некрасов // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. – 2001. – № 3-4. – С. 196–201.

161. Бимбинов, А. А. Объект преступного обращения фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукции (ст. 238.1 УК РФ) / А. А. Бимбинов // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12. – С. 62–72.

162. Богданов, А. В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Том 26, № 4. – С. 482–486.

163. Брынза, С. М. Проблемы соотношения уголовной ответственности за имущественные преступления и гражданско-правовой деликтной ответственности / С. М. Брынза // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. – Москва : ЛексЭст, 2005. – С. 85–91.

164. Варданян, А. В. Обращение незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий: актуальные проблемы правоприменительной практики / А. В. Варданян, Г. А. Варданян // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 40–47.

165. Варданян, Г. А. Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистического научного анализа / Г. А. Варданян // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1-2. – С. 250–258.

166. Ветрова, А. А. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности / А. А. Ветрова // Философия права. – 2013. – № 3. – С. 22–24.

167. Винокуров, М. В. Актуальные проблемы определения объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ / М. В. Винокуров // Baikal Research Journal. – 2020. – Том 11, № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-opredeleniya-obektivnyh->

priznakov-sostava-prestupleniya-predusmotrennogo-st-238-1-uk-rf (дата обращения: 14.01.2022).

168. Власенко, Н. А. Языковые и графические средства законодательной техники / Н. А. Власенко // Законодательная техника : научно-практическое пособие / под редакцией Ю. А. Тихомирова ; [Л. Ф. Апт и др.]. – Москва : Городец, 2000. – С. 147–162.

169. Воронцова, Ю. А. Фразеологические единицы в юридическом дискурсе / Ю. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – С. 44–46.

170. Галкин, В. М. Проблемы уголовно-законодательной техники / В. М. Галкин // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды. – Москва : Изд-во ВНИИСЗ, 1980. – Выпуск 18. – С. 170–182.

171. Годунов, О. И. Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарственных средств / О. И. Годунов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 13–18.

172. Голенко, Д. В. К вопросу о санкциях статей уголовного закона / Д. В. Голенко // Общество и право. – 2020. – № 3 (73). – С. 10–14.

173. Гончаров, Д. Ю. Законодательство криминального цикла в определениях уголовной политики советского и раннего постсоветского периодов / Д. Ю. Гончаров // Адвокатская практика. – 2010. – № 4. – С. 34–36.

174. Горшенев, В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В. М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.

175. Готовец, В. Э. Возраст субъекта преступления / В. Э. Готовец // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 2 (37). – С. 69–71.

176. Грошев, А. В. Презумпции в уголовном праве и их роль в правоприменительной деятельности / А. В. Грошев // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 145–153.

177. Давыдова, М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 56–62.
178. Данилова, Е. С. К вопросу о понятии, классификации значении юридических фикций / Е. С. Данилова // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 112–118.
179. Денисова, А. В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А. В. Денисова // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 94–99.
180. Дуюнов, В. К. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение / В. К. Дуюнов, С. В. Кондратюк // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9, № 11-1. – С. 201–214.
181. Евлоев, Н. Д. Санкции в составах преступлений, совершенных по неосторожности / Н. Д. Евлоев // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 1. – С. 97–104.
182. Жалинский, А. Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества / А. Э. Жалинский // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6 Международной научно-практической конференции. – Москва : Проспект, 2009. – С. 48–52.
183. Жильцов, А. А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости / А. А. Жильцов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3. – С. 238–244.
184. Зайцева, О. Б. Межотраслевой и отраслевой характер дисциплинарной ответственности / О. Б. Зайцева // Социально-политические науки. – 2016. – № 2. – С. 136–137.
185. Закомолдин, Р. В. О некоторых вопросах уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих и приравненных к ним лиц / Р. В. Закомолдин // Право. Законодательство. Личность. – 2015. – № 2 (21). – С. 96–101.

186. Захаркина, А. В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория / А. В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 37. – С. 323–333.

187. Злобин, Г. А. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Г. А. Злобин, С. Г. Келина // Проблемы правосудия и уголовного права. – Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1978. – С. 102–119.

188. Злобин, Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета / Г. А. Злобин // Советское государство и право. – 1980. – № 1. – С. 70–76.

189. Злобин, Г. А. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности / Г. А. Злобин, С. Г. Келина, А. М. Яковлев // Советское государство и право. – 1977. – № 9. – С. 54–62.

190. Зражевская, Т. Д. Юридическая техника: обзор материалов научно-методического семинара // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 90–92.

191. Зубкова, В. И. Проблемы построения и взаимообусловленности санкций и категорий преступлений в УК РФ / В. И. Зубкова // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 18–20.

192. Иванов, А. А. Юридические лица как субъекты уголовно-правовой ответственности: становление концепции и современные проблемы / А. А. Иванов, Н. Д. Эриашвили // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 5. – С. 106–109.

193. Иванчин, А. Ориентир для судов / А. Иванчин // Адвокатская газета : сайт. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/orientir-dlya-sudov/> (дата обращения: 11.12.2022).

194. Иванчин, А. В. Абстрактный и казуистический приемы в уголовном правотворчестве / А. В. Иванчин // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 195–199.

195. Иванчин, А. В. Взгляды Кругликова Л. Л. на законодательную технику – одна из «несущих конструкций» Ярославской уголовно-правовой школы / А. В. Иванчин // Актуальные проблемы уголовного права на

современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2020. – № 9. – С. 20–31.

196. Иванчин, А. В. Дискуссионные вопросы понимания законодательной техники (в сфере уголовного правотворчества) / А. В. Иванчин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 4. – С. 18–21.

197. Иванчин, А. В. Еще раз к вопросу о понятии законодательной техники (на примере уголовного права) / А. В. Иванчин // Юридическая гносеология. – 2016. – № 2. – С. 69–78.

198. Иванчин, А. В. Законодательная техника в уголовном правотворчестве (понятие и структура) / А. В. Иванчин // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 123–127.

199. Иванчин, А. В. О целесообразности построения преступлений с административной преюдицией / А. В. Иванчин // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2 (7). – С. 98–108.

200. Иликбаева, Е. С. Международно-правовое противодействие незаконному производству лекарственных средств и обороту фальсифицированных лекарственных препаратов, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и обороту фальсифицированных биологически активных добавок / Е. С. Иликбаева // Sciences of Europe. – 2017. – № 14-3 (14). – С. 65–68.

201. Иликбаева, Е. С. Фальсифицированные, недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства как предмет преступления, предусмотренного статьей 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е. С. Иликбаева // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 76–79.

202. Каплин, М. Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон / М. Н. Каплин // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 111–115.

203. Каратаев, П. Ю. Законодательная техника: некоторые теоретические вопросы / П. Ю. Каратаев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 6 (257). – С. 137–144.

204. Карташов, В. Н. Законодательная технология: понятие, основные элементы, методика преподавания / В. Н. Карташов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник статей : в 2 томах / под редакцией В. М. Баранова. – Нижний Новгород : Нижегород. книж. изд-во, 2001. – Том 1. – С. 24–31.

205. Келина, С. Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства / С. Г. Келина // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 65–71.

206. Кибальник, А. Г. Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних / А. Г. Кибальник // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 63–68.

207. Климонтова, О. А. Понятие психического здоровья личности / О. А. Климантова // Вестник науки и творчества. – 2018. – № 4 (28). – С. 17–19.

208. Ковалев, М. И. Соотношение уголовной политики и уголовного права / М. И. Ковалев // Советское государство и право. – 1979. – № 12. – С. 66–73.

209. Кожевников, О. А. К вопросу о понятии и признаках административной ответственности / О. А. Кожевников // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 1. – С. 16–18.

210. Колосова, В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства / В. И. Колосова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 246–254.

211. Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Советское государство и право. – 1992. – № 8. – С. 39–46.

212. Коробов, П. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности / П. В. Коробов // Дифференциация формы и содержания в уголовном

судопроизводстве : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯГУ, 1995. – С. 3–12.

213. Коробов, П. В. Правовая политика и дифференциация уголовной ответственности / П. В. Коробов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1 (220). – С. 181–182.

214. Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности / Т. А. Костарева // Журнал российского права. – 1998. – № 9. – С. 54–64.

215. Кругликов, Л. Л. Аксиомы, презумпции и фикции в уголовном праве: динамический аспект / Л. Л. Кругликов // Lex Russica. – 2006. – Том 65, № 5. – С. 920–929.

216. Кругликов, Л. Л. Вопросы дифференциации ответственности в уголовном законодательстве / Л. Л. Кругликов // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции : сборник / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1992. – С. 58–66.

217. Кругликов, Л. Л. Дифференциация исполнения наказания: понятие, основания, пределы и средства осуществления / Л. Л. Кругликов, А. Л. Санташов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 2. – С. 19–24.

218. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория / Л. Л. Кругликов, Т. А. Костарева // Категориальный аппарат уголовного права и процесса : сборник научных трудов / редакционная коллегия: Е. В. Благов и др. – Ярославль : ЯрГУ, 1993. – С. 104–117.

219. Кругликов, Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями / Л. Л. Кругликов // Правовая парадигма. – 2017. – Том 16, № 3. – С. 8–13.

220. Кругликов, Л. Л. Еще раз к вопросу о классификации объектов преступлений / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (2009–2019 гг.) : в 2 томах / Л. Л. Кругликов. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – Том 1. – С. 107–109.

221. Кругликов, Л. Л. Конкретизация уголовно-правового значения обстоятельств дела как законодательный прием / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (1982–1999 гг.) / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1999. – С. 43–54.

222. Кругликов, Л. Л. Межотраслевая дифференциация ответственности за экономические преступления и некоторые вопросы законодательной техники / Л. Л. Кругликов // Межотраслевая дифференциация ответственности за правонарушения в сфере экономики : материалы международной научно-практической интернет-конференции. – Ярославль : ЯрГУ, 2006. – С. 7–20.

223. Кругликов, Л. Л. О видах и типах санкций в уголовном праве / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (1982–1999 гг.) / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1999. – С. 25–32.

224. Кругликов, Л. Л. О влиянии компонентов законодательной техники на дифференциацию и индивидуализацию ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве / Л. Л. Кругликов, А. Л. Санташов // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 130–136.

225. Кругликов, Л. Л. О понятии законодательной техники / Л. Л. Кругликов // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2005. – № 1. – С. 256–261.

226. Кругликов, Л. Л. О понятии и видах дифференциации ответственности / Л. Л. Кругликов // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2001. – С. 3–11.

227. Кругликов, Л. Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами / Л. Л. Кругликов // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 120–126.

228. Кругликов, Л. Л. О презумпциях как технико-юридическом средстве в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Ю. Г. Зуев // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 265–271.

229. Кругликов, Л. Л. О средствах дифференциации ответственности в Общей части Уголовного кодекса РФ / Л. Л. Кругликов // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Юриспруденция : тезисы юбилейной конференции. – Ярославль : ЯрГУ, 1995. – С. 54–57.

230. Кругликов, Л. Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (1982–1999 гг.) / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1999. – С. 13–23.

231. Кругликов, Л. Л. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности / Л. Л. Кругликов, В. Ф. Лапшин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 1 (21). – С. 4–8.

232. Кругликов, Л. Л. Преступление как основание дифференциации ответственности / Л. Л. Кругликов // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке : материалы 6 Международной научно-практической конференции / ответственный редактор А. И. Рарог. – Москва : МГЮА, 2009. – С. 44–48.

233. Кругликов, Л. Л. Присущи ли аксиомы уголовному праву / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (2009–2019 гг.) : в 2 томах / Л. Л. Кругликов. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – Том 1. – С. 38–40.

234. Кругликов, Л. Л. Рец. на кн.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М. : Инфра-М, 1998. – 287 с. / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2000. – С. 165–172.

235. Кругликов, Л. Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов / Л. Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 273–280.

236. Кудрявцев, В. Н. Криминология и проблема декриминализации / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов // Журнал российского права. – 2005. – № 4 (100). – С. 103–107.
237. Кудрявцев, В. Н. Криминология и проблемы криминализации / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 46–50.
238. Кузнецов, А. П. Методологические основы юридической техники в современном уголовном праве / А. П. Кузнецов, И. Н. Бокова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – № 2. – С. 294–308.
239. Кузнецов, Д. А. Концептуальная модель управления экономической безопасностью фармацевтической организации / Д. А. Кузнецов, Э. А. Коржавых // Фармация и фармакология. – 2015. – № 4 (11). – С. 47–51.
240. Кузнецов, Д. Ю. Проблема возраста уголовной ответственности в трудах российских юристов второй половины XIX – начала XX века и современность / Д. Ю. Кузнецов // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы расследования преступлений в современных условиях : материалы научно-практической конференции. – Орел : ОрЮОИ МВД России, 2011. – С. 86–89.
241. Кузнецова, М. В. Научно-правовая характеристики дисциплины труда и дисциплинарной ответственности / М. В. Кузнецова // ГлаголЪ правосудия. – 2012. – № 2 (4). – С. 51–57.
242. Кузнецова, Н. Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса / Н. Ф. Кузнецова // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯГУ, 1995. – С. 16–29.
243. Кузнецова, Н. Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях / Н. Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1993. – № 4. – С. 12–21.

244. Курникова, С. С. Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности как меры государственного принуждения / С. С. Курникова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С. 29–32.

245. Лапшин, В. Ф. Дифференциация ответственности за совершение финансовых преступлений: теоретико-прикладные аспекты / В. Ф. Лапшин // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 1. – С. 111–116.

246. Лапшин, В. Ф. Правила построения санкций норм об ответственности за отдельные преступления, посягающие на государственные интересы в сельскохозяйственном секторе экономики / В. Ф. Лапшин // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Том 25, № 4. – С. 522–526.

247. Лапшин, В. Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине / В. Ф. Лапшин // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 3 (94). – С. 105–109.

248. Лапшин, В. Ф. Уголовно-правовые нормы о мошенничестве: вопросы соблюдения правил законодательной техники / В. Ф. Лапшин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники) : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2013. – Выпуск 2. – С. 54–61.

249. Лапшин, В. Ф. Юридическая и законодательная техника: вопросы соотношения и применения в уголовном праве / В. Ф. Лапшин // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 1. – С. 89–91.

250. Ларичев, В. Д. Объективная сторона незаконного обращения лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок / В. Д. Ларичев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3 (41). – С. 8–13.

251. Лейст, О. Э. Юридическая ответственность / О. Э. Лейст // Общая теория государства и права : академический курс : в 2 томах / ответственный редактор профессор М. Н. Марченко. – Москва : Зерцало, 1998. – Том 2: Теория права / доктора юридических наук, профессора Борисов В. В., Гранат И. Л., Гревцов Ю. И. и др. – С. 592–639.

252. Липинский, Д. А. Виды юридической ответственности и особенности их функционирования / Д. А. Липинский // Антология юридической ответственности : в 5 томах / ответственный редактор и руководитель авторского коллектива Р. Л. Хачатуров. – Самара : Изд-во Ас Гард, 2012. – Том 1. – С. 220–310.

253. Лиховая, С. Я. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Украины / С. Я. Лиховая // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 155–161.

254. Лобанова, Л. В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности / Л. В. Лобанова // Logos et Praxis. – 2017. – Том 16, № 4. – С. 126–133.

255. Лопашенко, Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н. А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.

256. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика: понятие, содержание, методы и формы реализации / Н. А. Лопашенко // Уголовное право в XXI веке : материалы международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова / [редколлегия: Комиссаров В. С. и др.]. – Москва : ЛексЭст, 2002. – С. 177–181.

257. Маркунцев, С. А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации / С. А. Маркунцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 31–42.

258. Миренский, Б. А. Законодательная техника и проблемы уголовного права / Б. А. Миренский // Советское государство и право. – 1986. – № 12. – С. 106–109.

259. Муромцев, Г. И. Юридическая техника: Некоторые аспекты содержания понятия / Г. И. Муромцев // Проблемы юридической техники : сборник статей / под редакцией В. М. Баранова. – Нижний Новгород : Нижегород. акад. МВД РФ, 2000. – С. 29–40.

260. Нагорная, И. И. Уголовная ответственность юридических лиц в Нидерландах, Франции, Великобритании и США: законодательство, доктрина и судебная практика (реферативный обзор) / И. И. Нагорная // Государство и право. – 2013. – № 3. – С. 112–124.

261. Нестеров, А. В. Презумпция законопослушности / А. В. Нестеров // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 407–411.

262. Никулина, О. В. Административная ответственность: понятие и цель / О. В. Никулина // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2007. – № 2 (10). – С. 33–34.

263. Остапенко, О. И. К вопросу об объекте преступлений, предусмотренных ст. 327.2 УК РФ / О. И. Остапенко // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 7. – С. 147–149.

264. Панько, К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и классификация / К. К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 1 (14). – С. 311–326.

265. Полтарыгин, Р. В. Теоретическое исследование особенностей институтов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания / Р. В. Полтарыгин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1-2. – С. 232–237.

266. Поройко, М. С. К вопросу о понятии уголовной ответственности и средствах ее дифференциации / М. С. Поройко // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе : сборник

научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1998. – С. 57–65.

267. Пронина, М. П. Приемы конструирования норм уголовного законодательства / М. П. Пронина // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 152–156.

268. Рагулина, А. В. Общественная опасность как признак деяния и как признак преступления / А. В. Рагулина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Международной научно-практической конференции. – Москва : РГ-Пресс, 2015. – С. 170–173.

269. Рарог, А. И. Объект и система медицинского уголовного права / А. И. Рарог, Т. Г. Понятовская // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Том 13, № 5. – С. 816–824.

270. Рарог, А. И. Содержание преступного обращения ненадлежащей медицинской продукции / А. И. Рарог, А. А. Бимбинов // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Том 10, № 2. – С. 243–259.

271. Рарог, А. И. Становление фармацевтического уголовного права в России / А. И. Рарог // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Том 11, № 4. – С. 731–740.

272. Рогова, Е. В. Межотраслевая дифференциация ответственности / Е. В. Рогова // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции / ответственные редакторы Р. А. Забавко, П. А. Капустюк. – Иркутск : Восточ.-Сибир. ин-т МВД России, 2017. – С. 5–9.

273. Рогова, Е. В. Уголовно-правовая политика России и дифференциация уголовной ответственности / Е. В. Рогова // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3 (14). – С. 178–185.

274. Рожнов, А. П. Проблемы обеспечения юридической справедливости при межотраслевой дифференциации юридической ответственности / А. П. Рожнов // Logos et Praxis. – 2017. – Том 16, № 4. – С. 134–141.

275. Розенко, С. В. Экстремизм в России: состояние и проблемы уголовной ответственности / С. В. Розенко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1. – С. 125–130.
276. Романенко, М. В. Криминализация общественных отношений социума России / М. В. Романенко // Философия и общество. – 2001. – № 3 (24). – С. 141–158.
277. Романова, В. В. Общественно опасные последствия в служебных преступлениях / В. В. Романова // КриминалистЪ. – 2012. – № 2 (11). – С. 53–58.
278. Санташов, А. Л. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла / А. Л. Санташов, В. С. Танцюра, Е. А. Мухтарова // Пенитенциарная наука. – 2020. – Том 14, № 3. – С. 353–361.
279. Семенов, Я. И. Законодательная техника как инструмент совершенствования законодательства / Я. И. Семенов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 13 (68-1). – С. 164–167.
280. Ситникова, А. И. Фикции в уголовном праве / А. И. Ситникова // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 60–67.
281. Скрипченко, Н. Ю. Уголовная ответственность за незаконное производство и обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок: вопросы законодательной техники и правоприменения / Н. Ю. Скрипченко // *Ius publicum et privatum*. – 2021. – № 2 (12). – С. 96–101.
282. Смирнова, Л. Е. Направления унификации в уголовном праве / Л. Е. Смирнова // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – С. 148–156.
283. Соловьев, О. Г. К вопросу о юридической технике в теории права: понятие, виды, значение / О. Г. Соловьев // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе : сборник научных

статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2002. – С. 18–33.

284. Соловьев, О. Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства / О. Г. Соловьев // Юридическая наука. – 2015. – № 3. – С. 65–68.

285. Соловьев, О. Г. Понятие дифференциации уголовной ответственности / О. Г. Соловьев, А. Г. Самойлов // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 75–79.

286. Спиридонова, О. Е. Символы в уголовном праве России как средства законодательной техники и как дифференцирующие обстоятельства / О. Е. Спиридонова // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2006-____. – Выпуск 5. – 2010. – С. 113–121.

287. Степанов, В. В. Основание криминализации гражданско-правовых деликтов / В. В. Степанов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 4. – С. 173–178.

288. Столярова, О. О. Понятие гражданско-правовой ответственности / О. О. Столярова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 24-2. – С. 165–169.

289. Сундуков, Ф. Р. Замена наказания и проблемы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности / Ф. Р. Сундуков // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2004. – Выпуск 46. – С. 61–71.

290. Танцюра, В. С. Вопросы противодействия обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок / В. С. Танцюра // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докладов участников V Международного пенитенциарного форума, приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий / ответственный

редактор В. Г. Бояринев : в 9 томах. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – Том 3. – С. 289–292.

291. Танцюра, В. С. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ: вопросы законодательной техники / В. С. Танцюра, А. Л. Санташов // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докладов участников IV Международного пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) / ответственный редактор А. А. Рудый : в 10 томах. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – Том 2. – С. 262–267.

292. Тарханов, И. А. Индивидуализация ответственности в уголовном праве Российской Федерации (понятие, содержание и виды) / И. А. Тарханов, Л. Р. Сафин // Ученые записки Казанского государственного университета. – Казань : Казан. гос. ун-т, 1834-____. – Том 144: Юридические науки / [ответственный редактор Ф. Р. Сундуков]. – 2003. – С. 307–315.

293. Тарханов, И. А. Юридическая природа дифференциации ответственности в уголовном праве / И. А. Тарханов, Л. Р. Сафин // Ученые записки Казанского государственного университета. – Казань : Казан. гос. ун-т, 1834-____. – Том 144: Юридические науки / [ответственный редактор Ф. Р. Сундуков]. – 2003. – С. 295–307.

294. Тер-Акопов, А. А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом / А. А. Тер-Акопов // Советское государство и право. – 1991. – № 10. – С. 71–78.

295. Тимофеева, Е. А. О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями / Е. А. Тимофеева // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 4. – С. 22–23.

296. Тимошенко, Ю. А. Юридические конструкции составов экологических преступлений как средство законодательной техники / Ю. А. Тимошенко // Юрист-правоведь. – 2015. – № 6 (73). – С. 15–22.

297. Тихонова, С. С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и правотворческая практика / С. С. Тихонова // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 752–761.

298. Тихонова, С. С. Способы конструирования усиленных санкций: теория и законодательная практика (гл. 25–34) / С. С. Тихонова, Я. В. Фроловичева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10, часть II. – С. 191–194.

299. Ткачевский, Ю. М. Уголовная ответственность и ее принципы / Ю. М. Ткачевский // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под редакцией М. К. Треушникова. – Москва : ИД Городец, 2005. – С. 309–339.

300. Ушаков, А. А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве / А. А. Ушаков // Ученые записки Пермского государственного университета. – 1966. – № 147. – С. 110–185.

301. Ушаков, А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах / А. А. Ушаков // Ученые записки Пермского государственного университета. – 1961. – Том 19, выпуск 5. – С. 73–85.

302. Файзрахманов, Н. Ф. Обзор Федерального закона от 31.12.2014 № 532-ФЗ, его значение в организации расследования отдельных преступлений, посягающих на здоровье населения / Н. Ф. Файзрахманов // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции / [редколлегия: Булыжкин А. В. и др.]. – Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2015. – С. 329–335.

303. Фефелов, П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний / П. А. Фефелов // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С. 101–105.

304. Харлова, М. И. Особенности состава преступления с административной преюдицией / М. И. Харлова // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 8. – С. 136–143.

305. Цветинович, А. Л. Уголовная политика и законодательство / А. Л. Цветинович // Вопросы уголовной политики : межвузовский сборник научных трудов / редколлегия: А. Н. Тарбагаев, А. С. Горелик. – Красноярск : КрасГУ, 1991. – С. 43–44.

306. Черданцев, А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12–19.

307. Чигидин, Б. В. Классификация технико-юридических ошибок, допускаемых в современном российском законодательстве / Б. В. Чигидин // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2003. – № 2-3 (50-51). – С. 25–28.

308. Чилингаров, К. В. Основания и принципы криминализации преступлений против общественной нравственности / К. В. Чилингаров // Общество и право. – 2011. – № 4 (36). – С. 200–202.

309. Шалагин, А. Е. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны / А. Е. Шалагин // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 2. – С. 177–180.

310. Шведова, А. Ю. Понятие гражданско-правового оборота лекарственных средств / А. Ю. Шведова // Сфера знаний: вопросы продуктивного взаимодействия наук в XXI веке : сборник статей. – Казань : СитИнвент, 2018. – С. 241–243.

311. Шевченко, П. Н. К вопросу содержания понятия «общественный порядок» / П. Н. Шевченко // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 11. – С. 37–40.

312. Шеслер, А. В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики / А. В. Шеслер // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 136–141.

313. Шиханов, В. Н. Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа начальника: юридический анализ нового состава преступления главы 30 УК РФ / В. Н. Шиханов // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 4 (51). – С. 114–123.

314. Шкеле, М. В. Объективная сторона преступления / М. В. Шкеле // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 4. – С. 119–138.

315. Шуба, Е. С. Понятие и виды санкций в уголовном праве Российской Федерации / Е. С. Шуба // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – 2016. – № 2. – С. 23–25.

316. Щепельков, В. Ф. Формально-логические проблемы толкования и конструирования задач и принципов УК / В. Ф. Щепельков // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник статей : в 2 томах / под редакцией В. М. Баранова. – Нижний Новгород : Нижегород. книж. изд-во, 2001. – Том 2. – С. 272–283.

317. Юков, М. К. Место юридической техники в правотворчестве / М. К. Юков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1979. – № 5. – С. 45–49.

318. Юнусов, А. Л. Объект преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ / А. Л. Юнусов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 12. – С. 141–146.

319. Юрков, С. А. Социальные предпосылки криминализации нарушений авторских и смежных прав: теоретический аспект / С. А. Юрков // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2014. – № 1. – С. 21–31.

320. Ямашева, Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России / Е. В. Ямашева // Журнал российского права. – 2009. – № 10 (154). – С. 69–79.

Диссертации, авторефераты диссертаций

321. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве : специальность 12.00.00 «Юриспруденция» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бабаев Владимир Константинович. – Свердловск, 1969. – 246 с.

322. Вакарина, Е. А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты

: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Вакарина Екатерина Андреевна. – Краснодар, 2001. – 23 с.

323. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Васильевский Александр Валентинович. – Нижний Новгород, 2000. – 22 с.

324. Грызунова, Е. В. Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Грызунова Елена Вениаминовна. – Саратов, 2002. – 246 с.

325. Злыденко, Д. С. Категории преступлений и их субъекты: уголовно-правовые аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Злыденко Дмитрий Сергеевич. – Краснодар, 2003. – 195 с.

326. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2015. – 462 с.

327. Иванчин, А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.

328. Иванчин, А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Ярославль, 2003. – 201 с.

329. Иликбаева, Е. С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иликбаева Евгения Сергеевна. – Краснодар, 2019. – 234 с.

330. Каплин, М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Каплин Михаил Николаевич. – Екатеринбург, 2003. – 21 с.

331. Каплин, М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Каплин Михаил Николаевич. – Ярославль, 2003. – 187 с.

332. Качур, Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Качур Нина Францевна. – Свердловск, 1982. – 17 с.

333. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и

криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Коняхин Владимир Павлович. – Краснодар, 2002. – 386 с.

334. Коробов, П. В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Коробов Петр Васильевич. – Москва, 1983. – 18 с.

335. Кузнецов, А. П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации: проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кузнецов Александр Павлович. – Нижний Новгород, 2000. – 513 с.

336. Кулева, Л. О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кулева Людмила Олеговна. – Ярославль, 2019. – 244 с.

337. Никитин, А. В. Правовые символы : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитин Александр Всеволодович. – Нижний Новгород, 1999. – 33 с.

338. Пономарев, Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пономарев Дмитрий Евгеньевич. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.

339. Пухтий, Е. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности :

специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пухтий Екатерина Евгеньевна. – Казань, 2004. – 25 с.

340. Пухтий, Е. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пухтий Екатерина Евгеньевна. – Ярославль, 2004. – 210 с.

341. Радошнова, Н. В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Радошнова Наталия Валерьевна. – Саратов, 2015. – 28 с.

342. Радошнова, Н. В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Радошнова Наталия Валерьевна. – Санкт-Петербург, 2015. – 276 с.

343. Рузанова, Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рузанова Евгения Владимировна. – Саратов. 2013. – 22 с.

344. Санташов, А. Л. Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санташов Андрей Леонидович. – Вологда, 2018. – 408 с.

345. Селезнева, Н. А. Ответственность несовершеннолетних по уголовному праву России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Селезнева Наталья Александровна. – Москва, 2004. – 151 с.

346. Соловьев, О. Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194,198,199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Соловьев Олег Геннадьевич. – Ярославль, 2002. – 222 с.

347. Терехов, А. Ю. Международно-правовые средства предотвращения оборота фальсифицированных лекарственных препаратов : специальность 12.00.10 «Международное право; европейское право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Терехов Алексей Юрьевич. – Москва, 2011. – 23 с.

348. Тимофеева, Е. А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тимофеева Елена Алексеевна. – Ярославль, 2008. – 227 с.

349. Третьякова, Е. И. Оборот фальсифицированных лекарственных средств: уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Третьякова Елена Игоревна. – Саратов, 2016. – 25 с.

350. Третьякова, Е. И. Оборот фальсифицированных лекарственных средств: уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-

исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Третьякова Елена Игоревна. – Иркутск, 2016. – 262 с.

351. Угрюмова, Г. И. Правовое регулирование увольнения за нарушение трудовой дисциплины : специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Угрюмова Галина Ивановна. – Москва, 2003. – 30 с.

352. Фирсов, И. В. Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фирсов Илья Владимирович. – Москва, 2017. – 209 с.

353. Шульга, А. В. Присвоение или растрата в условиях становления рыночных отношений : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шульга Андрей Владимирович. – Краснодар, 2000. – 192 с.

354. Янчук, И. А. Вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в исправительных колониях общего режима в отношении осужденных женщин : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Янчук Игорь Александрович. – Вологда, 2009. – 176 с.

Практические и статистические материалы

355. В Азербайджане изменяют наказание за незаконный оборот лекарств. – URL: <https://gxpnews.net/2017/10/v-azerbajdzhane-izmenyat-nakazanie-zanekazannyj-oborot-lekarstv/> (дата обращения: 11.06.2022).

356. В ВОЗ рассказали, сколько в мире продается поддельных лекарств. – URL: <https://vgr.by/2022/11/08/v-vozrasskazali-skolko-v-mire-prodaetsya-poddelnyih-lekarstv/> (дата обращения: 15.09.2022).

357. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <https://http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 14.03.2022).

358. Информация о результатах государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств за 2022 год. – URL: <https://www.roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2023/3/9/1678351638.16755-1-1657809.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).

359. Как в России крадут лекарства. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/09/28/888804-kradut-lekarstva> (дата обращения: 13.01.2023).

360. Контрафакт или жизнь. – URL: <https://expert.ru/2020/11/30/kontrafakt-ili-zhizn/> (дата обращения: 16.09.2021).

361. Лекарства и мошенники. – URL: <https://csobgo.ru/lekarstva-i-moshenniki/> (дата обращения: 17.03.2023).

362. Мировой рынок поддельных лекарств оценили. – URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20201020/306408647.html (дата обращения: 16.01.2022).

363. «Об итогах работы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения в 2022 году, планах на 2023 год и плановый период». – URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/spec/documents/80568> (дата обращения: 11.05.2023).

364. Операцию «Пангея XIV» нацелили на интернет-торговлю. – URL: <https://www.apteka.ua/article/598134/> (дата обращения: 21.09.2021).

365. Подмешивают яды»: чем рискуют покупатели, заказывая БАД за рубежом. – URL: <https://ria.ru/20211005/dobavka-1753049831.htm/> (дата обращения: 26.12.2021).

366. Послание Президента РФ Федеральному собранию 15.01.2020 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582//> (дата обращения: 23.04.2021).

367. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 (в ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_AW_93013/ (дата обращения: 14.11.2022).

368. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 17.11.2022).

369. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 23.12.2022).

370. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 19.11.2022).

371. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72180394/> (дата обращения: 26.11.2022).

372. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365020/ (дата обращения: 25.01.2022).

373. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против

интересов службы в коммерческих и иных организациях». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/ (дата обращения: 23.11.2022).

374. Приговор Акбулакского районного суда Оренбургской области от 5 марта 2019 г. по делу № 1-29/2019 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 18.01.2023).

375. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 11 декабря 2018 г. по делу № 1-481/2018 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 19.02.2023).

376. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 28 июня 2021 г. по делу № 1-3/2021 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 25.01.2023).

377. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 13 июля 2021 г. по делу № 1-56/2021 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 14.02.2023).

378. Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми от 12.09.2019 г. по делу № 1-381/19. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tqNW9CZmXMY/> (дата обращения: 11.02.2022).

379. Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 9 августа 2021 г. по делу № 1-33/2021 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 11.01.2023).

380. Приговор Советского районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 28.11.2018 г. по делу № 1-388/2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Pz8pHywgGNUj/> (дата обращения: 26.07.2022).

381. Приговор Советского районного суда г. Махачкалы от 6 мая 2022 г. по делу № 1-138/2022 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 21.02.2023).

382. Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 26 октября 2020 г. Уголовное дело 1-113/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/cases/docs/content/1428f7ca-b669-4de0-b0b26d7ae6472c87> (дата обращения: 15.02.2023).

383. Приговор Черновского районного суда г. Читы от 11 марта 2022 г. по делу № 1-51-21 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.01.2023).

384. Проблема фальсифицированных и субстандартных лекарственных средств в мире и в Казахстане. – URL: <https://articlekz.com/article/26822> (дата обращения: 18.03.2023).

385. Российские полицейские приняли участие в международной операции Интерпола «Пангея». – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6139b1519a7947c71ae425b6/> (дата обращения: 26.12.2021).

386. Российские полицейские приняли участие в международной полицейской операции Пангея. 21.7.2022. – URL: <https://medikafarm.ru/novosti/novosti2022-38.php> (дата обращения: 19.02.2023).

387. Российские полицейские приняли участие в очередном этапе международной полицейской операции Интерпола «Пангея». – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/irina-volk-rossiyskie-politseyskie-prinyali-uchastie-v-ocherednom-etape-mezhdunarodnoy-politseyskoj-/> (дата обращения: 08.01.2023).

388. Спецоперацию против торговцев контрафактными масками провели по всему миру. – URL: <https://vz.ru/news/2020/9/25/1062190.html/> (дата обращения: 15.09.2021).

389. Фальсификация лекарственных средств. – URL: https://revolution.allbest.ru/medicine/01019646_0.html (дата обращения: 18.03.2023).

390. Фармацевтический мировой рынок. – URL: <https://zdrav.expert/index.php> (дата обращения: 14.09.2021).

391. Фармацевтический рынок России. – URL: <https://dsm.ru/docs/analytics/Декабрь%202022%20Итог.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).

392. ФС.2.1.0008.15 Бриллиантовый зеленый. Pharmacopoeia.ru – сайт о регистрации лекарственных средств в России. Site about registration of Drugs in Russia and EAEU (CIS). – URL: <https://pharmacopoeia.ru/fs-2-1-0008-15-brilliantovyyj-zelenyj> (дата обращения: 29.12.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНКЕТА

для сотрудников правоохранительных и судов по вопросам практики применения и совершенствования ст. 238¹ УК РФ

Образец заполнения

Положительный ответ	+
Отрицательный ответ	–
Затрудняюсь ответить	V

1. Пол респондента.

Варианты ответа	Показатели, %
Мужской	78
Женский	22

2. Укажите Ваш возраст.

Варианты ответа	Показатели, %
Менее 25	18
26–30	29
31–35	24
36–40	8
41–45	14
Более 45	7

3. Укажите Ваше образование.

Варианты ответа	Показатели, %
Среднее профессиональное	–
Высшее (неюридическое)	26
Высшее (юридическое)	71
Послевузовское	3

4. Как Вы считаете, представляет ли преступление, предусмотренное ст. 238¹ УК РФ, высокую степень общественной опасности и социальной вредности, вызывает ли острый общественный резонанс?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	73
Нет	16
Затрудняюсь ответить	11

5. Есть ли необходимость, по Вашему мнению, усиления уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, оборота фальсифицированных биологически активных добавок?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	74
Нет	17
Затрудняюсь ответить	9

6. Как Вы считаете, целесообразно ли ввести указать в диспозиции ст. 238¹ УК РФ дополнительно на совершение преступления в форме изготовления, приобретения, перевозки, пересылки, хранения с целью сбыта фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок (наряду с производством, сбытом или ввозом на территорию РФ)?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	69
Нет	13
Затрудняюсь ответить	18

7. Есть ли необходимость, по Вашему мнению, во введении в содержание диспозиции ст. 238¹ УК РФ признака административной преюдиции как альтернативного условия уголовной ответственности, чтобы последняя (уголовная ответственность) наступала за неоднократное совершение деяния, предусмотренного ст. 6.33 КоАП РФ (если лицо ранее было подвергнуто административному наказанию)?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	72
Нет	16
Затрудняюсь ответить	12

8. Есть ли необходимость введения в ст. 238¹ УК РФ квалифицирующего признака «совершение преступления лицом, ранее судимым за совершение аналогичных деяний, предусмотренных ст. 235, 235¹, 238, 238¹, 327² УК РФ?»

Варианты ответа	Показатели, %
Да	75
Нет	17
Затрудняюсь ответить	8

9. Каково Ваше мнение по поводу целесообразности введения в ч. 1 ст. 238¹ УК РФ обязательного признака «совершение преступления в значительном размере», а в качестве квалифицирующих признаков «совершение

преступления в крупном размере», «совершение преступления в особо крупном размере»?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	79
Нет	19
Затрудняюсь ответить	12

10. Как Вы считаете, имеется ли резон в углублении дифференциации ответственности за рассматриваемое преступление посредством введения в ст. 238¹ УК РФ квалифицирующего признака «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения»?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	81
Нет	12
Затрудняюсь ответить	7

11. Каково Ваше мнение по поводу целесообразности снижения возраста уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, с особо квалифицирующими признаками до 14 лет?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	24
Нет	71
Затрудняюсь ответить	5

12. Как Вы считаете, факт совершения преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, в составе организованной группы следует отнести к квалифицирующему (1) или особо квалифицирующему признаку (2) состава преступления? (Указать цифру в соответствующем варианте ответа)

Варианты ответа	Показатели, %
1	13
2	78
Затрудняюсь ответить	9

13. Как Вы считаете, целесообразно ли введение уголовной ответственности юридических лиц за совершение преступлений, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	17
Нет	83
Затрудняюсь ответить	—

14. Как Вы считаете, соответствуют ли санкции, указанные в ч. 1–3 ст. 238¹ УК РФ характеру и степени общественной опасности данных преступлений?

Варианты ответа	Показатели, %
-----------------	---------------

Да	58
Нет	39
Затрудняюсь ответить	3

15. Как Вы считаете, существует ли объективная необходимость во внесении дополнений в Постановление Пленума ВС РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ» в части разъяснения условий привлечения к уголовной ответственности лица за совершение действий по изготовлению, приобретению, хранению, перевозке, пересылке в целях сбыта, а также в конкретизации условий наступления уголовной ответственности за действия по обращению незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий для дачи судам разъяснений с целью правильного и единообразного применения законодательства РФ?

Варианты ответа	Показатели, %
Да	73
Нет	14
Затрудняюсь ответить	13